

Дипломатическая академия МИД России

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО.

**Актуальные вопросы, методы исследования
и проблемы преподавания**

Сборник статей

Москва
2017

УДК 372.881.1.
ББК 81.2-9
Я41

*Сборник статей утвержден на заседании УМС кафедр русского
и иностранных языков и рекомендован к изданию
(Протокол от 07.12.2017 № 3)*

Рецензенты:

М.М. Исупова – канд. филол. наук, доцент кафедры англ. яз. № 2,
МГЮА им. О.Е. Кутафина;

А.А. Колобкова – канд. пед. наук, доцент кафедры,
Российский университет кооперации

Редколлегия:

И.Е. Коптелова, Е.И. Панёвкина, Е.А. Полежаева

**Язык. Культура. Общество. Актуальные вопросы, методы
исследования и проблемы преподавания:** сб. ст. / отв. ред.
И.Е. Коптелова. – М.: Квант Медиа, 2017. — 234 с.

ISBN 978-5-9500904-4-8

Внимание читателей представлен сборник статей, подготовленный преподавателями кафедр русского и иностранных языков Дипломатической академии МИД России. Он содержит разнообразный материал, посвященный исследованию актуальных проблем развития и функционирования иностранных языков, а также вопросам развития культуры и общества стран изучаемых языков. Кроме того, в материалах сборника уделяется внимание методическим технологиям профессионально-ориентированного обучения иностранным языкам в Дипломатической академии МИД России.

Сборник адресован специалистам, работающим или занимающимся исследованиями в соответствующих областях, и преподавателям иностранных языков.

УДК 372.881.1.
ББК 81.2-9

ISBN 978-5-9500904-4-8

© Коллектив авторов, 2017

© Дипломатическая академия МИД
России, 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1. ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ	7
Абоймова Н.И. ВЕДЕНИЕ ДИСКУССИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ...7	
Ардаева Н.В. ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ, ИЛИ ПРАКТИКА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ, НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	18
Галимзянова А.К. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «ОБЫЧНОГО/РАСПРОСТРАНЕННОГО» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	23
Гусарова Н.Г. АНГЛИЙСКИЕ ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ АНГЛИЧАН	40
Зиновьева И.Г., Парфенов Е.В. ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИД РОССИИ	48
Казанцев С.В. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА США	54
Коптелова И.Е. РОЛЕВЫЕ ИГРЫ В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ-ЮРИСТАМИ	65
Коржева Л.Б. ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ТЕСТИРОВАНИИ ГОССЛУЖАЩИХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ	73
Ликунова И.Ф. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ИМПЕРФЕКТА	87
Николаичева Т.Е. О ПРОФИЛАКТИКЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ОШИБОК (на опыте преподавания арабского языка).....	92
Панёвкина Е.И. ПРИНЯТЬ, УТВЕРДИТЬ, ОДОБРИТЬ, РАТИФИЦИРОВАТЬ	97
Просвирина О.А. СЕРБСКОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК: ОТ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ	101

Русакова И.Б. ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ.....	113
Синицын А.Ю. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА	121
Степанова С.Ю. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ БРИТАНСКИМ И АМЕРИКАНСКИМ ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ	126
Трофимова З.С. СЛОВА-СИГНАЛЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США (второй срок президентства Барака Обамы)	136
Раздел 2. ВОПРОСЫ КУЛЬТУРОЛОГИИ И СТРАНОВЕДЕНИЯ	145
Афанасьевская Н.В. ФОТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР	145
Гришина Л.В. СУДЬБА БИБЛЕЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ	152
Лукина Ю.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ ЗАРУБЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОНКУРЕНТАМИ ЗА МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ.....	166
Миронова М.В. ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СВЯЗЯХ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФРАНЦИИ	182
Персикова Т.Н. ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРИ ОБЩЕНИИ С ПОМОЩЬЮ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ.....	191
Предтеченская Н.В. ГОЛОС КАК КОМПОНЕНТ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	204
Семенов А.В. ДИСКУССИЯ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В КИТАЕ	212

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник «Язык. Культура. Общество» включает в себя исследовательские и научно-методические статьи профессорско-преподавательского состава кафедр иностранных языков Дипломатической академии МИД России.

Сборник состоит из двух разделов: первый – вопросы филологии и преподавания языков и второй – вопросы культурологии и страноведения. В первом разделе представлены 15 статей, рассматривающих различные аспекты преподавания иностранных языков, процессы развития и изменения, происходящие в языках, или проблемы перевода новой лексики. Так, например, в статьях Казанцева С.В., Коптеловой И.Е., Панёвкиной Е.И. рассматриваются вопросы, связанные с терминологией различных сфер английского языка. В статьях Абоймовой Н.И., Ардаевой Н.С., Коржевой Л.Б., Синицына А.Ю. и некоторых других авторов излагаются педагогические технологии обучения тому или иному языку в Дипломатической академии.

Вопросам концептуализации в языке посвящены статьи Галимзяновой А.К. и Гусаровой Н.Г.

Во втором разделе представлены статьи, касающиеся широкого круга вопросов, относящихся к культуре и обществу стран изучаемых языков.

Так, учитывая специфику обучения в Академии, в статье Лукиной Ю.В. исследуются особенности использования «мягкой силы» зарубежными СМИ для создания негативного образа России. Статьи Персиковой Т.П. и Предтеченской Н.В. посвящены вопросам развития навыков межкультурной коммуникации; Гришина Л.В. проводит сравнительный анализ использования библеизмов в русском и английском языках, а Семенов А.В. в своей статье, уделяя особое внимание национальному своеобразию темы, исследует развернувшуюся в Китае дискуссию о национальном своеобразии дипломатического дискурса.

Сборник может представлять интерес для преподавателей, научных работников и аспирантов.

Раздел 1. ВОПРОСЫ ФИЛОЛОГИИ И ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКОВ

Абоймова Н. И.
Aboymova N. I.

ВЕДЕНИЕ ДИСКУССИИ НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ

DISCUSSION IN A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация: Данная статья посвящена ведению дискуссии на иностранном языке. Дискуссии находят все большее применение как один из методов проблемного обучения иностранному языку, особенно при профессионально-ориентированном обучении.

Ключевые слова: признаки и этапы дискуссии; место дискуссии в учебном процессе; роль преподавателя; умения и навыки.

Abstract: This article is devoted to the problem of holding a discussion in a foreign language. This class activity is becoming now very important, being part of a language communication which develops knowledge and provides serious way of learning, especially in the process of professionally — oriented education.

Key words: features and stages, the place and role of a discussion in learning a foreign language, the role of a teacher in a discussion, skills.

Дискуссия — один из методов обучения иностранному языку, особенно при профессионально-ориентированном обучении, это средство развития иноязычной коммуникативной компетенции. Эта компетенция необходима для межличностного и межкультурного сотрудничества как внутри своей страны, так и на международном уровне.

Дискуссия находит все большее применение на занятиях по иностранному языку, в том числе при профессионально ориентированном обучении, так как она позволяет интегрировать знания учащихся из разных областей и направить их на решение какой-либо одной поставленной проблемы, а также дает возможность применить полученные в процессе обучения языковые знания и навыки на практике.

Иноязычная дискуссия — это одна из разновидностей диалога, это групповой диалог. В то же время это диалог с монологическими вставками, направленный на решение какой-то проблемы, по которой у участников дискуссии имеются различные точки зрения, сталкивающиеся в процессе последовательно развертывающейся аргументации и контраргументации.

Дискуссия может быть стихийной, свободной и организованной. В учебном процессе используется чаще организованная дискуссия, которая проводится по заранее подготовленному плану, регламенту и которая ограничена временными рамками.

Существует несколько видов (форм) дискуссии:

- круглый стол — беседа, в которой на равных участвует небольшая группа (около 5 человек), во время которой происходит обмен мнениями как между ними, так и с остальной аудиторией;
- заседание экспертной группы (панельная дискуссия) — формализованное обсуждение, в ходе которого участники выступают с сообщениями, представляя свои точки зрения, после чего отвечают на вопросы;
- дебаты — формализованное обсуждение, построенное на основе выступлений участников, представителей двух противостоящих групп. Вариантом этого обсуждения являются парламентские дебаты;
- конференция;
- интервью;
- ролевые игры.

Вид дискуссии зависит от уровня языковой учащихся подготовки. Если уровень не очень высок, то можно начинать с ролевых игр, где учащиеся получают роли и проигрывают их. На более продвинутых этапах можно использовать круглые столы. Так как они являются свободной формой дискуссии, без жестких ограничений.

Для участия в дискуссии нужно:

- быть компетентным в обсуждаемом вопросе;
- иметь навыки общения в группах, т. е. обладать коммуникативными компетенциями;
- быть толерантным к чужому мнению, стараться понять партнера;
- уметь принимать коллективные решения.

Дискуссия обладает следующими признаками:

1. Направленность на решение какой-либо проблемы. Проблема не только ставится, но и обязательно решается. Дискуссия должна быть направлена на нахождение истины. В результате дискуссии стороны стремятся к достижению согласия, к коллективному поиску истины.

2. Столкновение противоположных мнений, и, следовательно, полемический характер решения выдвинутой проблемы. В практике организации дискуссии нельзя недооценивать этот фактор, так как без столкновения дискуссии просто не возникает. Дискуссия — это групповой диалог, направленный на переубеждение и нахождение истины. «В споре рождается истина» — вот итог дискуссии.

3. В дискуссии должны быть аргументация и контраргументация различных точек зрения по обсуждаемой проблеме. Без аргументации и контраргументации обсуждение проблемы будет спором, а не дискуссией. Именно они обеспечивают продолжительность и логическое развитие беседы.

Чтобы уметь аргументировать свою позицию, надо владеть культурой дискуссии. В дискуссии приходится доказывать свою точку зрения и опровергать точку зрения оппонентов. Успех дискуссии зависит от умения четко мыслить. Логично выстраивать свое выступление. Правильно оперировать понятиями и терминами.

Можно выделить следующие приемы аргументации и контраргументации, которым мы должны обучать наших слушателей:

- дефиниция: слушатель должен уметь пользоваться дефиницией для аргументации своей точки зрения и уметь критически относиться к дефинициям оппонента;
- яркий пример и опровержение значимости примеров оппонента;
- сравнение (по аналогии и контрастации);
- аксиома (умение ими оперировать);
- классификация, т. е. расчленение, объединение, группирование явлений по наиболее значимым признакам;
- учет перспективы развития рассматриваемого явления;
- подтверждение своих высказываний со ссылкой на источники;

- использование слабых моментов в высказывании оппонента против него самого;
- контрвопросы и альтернативные вопросы.

4. Важным признаком дискуссии является публичность (наличие аудитории). Дискуссия — это публичное обсуждение проблемы или темы, когда участники делятся на 2 группы и под руководством ведущего (модератора) приходят к обоюдному решению поставленной проблемы.

Различают следующие этапы дискуссии:

Подготовка к дискуссии (определение темы, выборы ведущего, распределение ролей, принятие повестки дня).

Выбор темы важен. Тема должна соотноситься с темой, изучаемой в учебном процессе. Она должна быть связана с актуальными проблемами современности и представлять интерес для учащихся. Темы дискуссии могут быть международные отношения, защита мира, экономика, экология и другие. Материалом для дискуссии могут быть газетные статьи, тексты из учебников или из интернет-ресурсов, которые учащиеся получают для подготовки дискуссии.

Не менее важна в дискуссии роль ведущего (модератора). Он должен побудить участников к разговору, высказыванию, отстаиванию своей точки зрения. Этому способствует его вступительное слово, презентация им темы дискуссии и постановка нескольких острых вопросов.

1. Проведение дискуссии — выступления, прения.

Участники делятся на 2 команды, представляющие противоположные точки зрения на данную проблему. Выступают участники из каждой команды, выдвигая свои аргументы и приводя доказательства в пользу своей позиции (точки зрения).

Именно на этом этапе нужно быть активным, уметь вступить в диалог, четко формулировать свои мысли, уметь уверенно вести себя, бесконфликтно общаться, уметь выслушать оппонента, грамотно отвечать на вопросы (это касается содержания ответа и использования соответствующего языкового материала), уметь задавать нужные вопросы и отстаивать свою точку зрения и в итоге найти консенсус.

Важным и необходимым условием этого этапа является взаимное уважение друг друга и культура ведения дискуссии.

2. Подведение итогов.

Модератор завершает дискуссию общим решением. Он произносит свое заключительное слово, расставляя акценты на решенной проблеме и благодарит всех участников дискуссии.

Хотелось бы отметить, что при ведении дискуссии важно сосредоточить внимание учащихся не на языке, а на проблеме, т. е. переместить акцент с лингвистического на содержательный.

Таким образом, в дискуссии, как и в диалогическом общении, имеется налицо двусторонний процесс: речепроизводство и восприятие речи собеседника.

В плане активного восприятия (понимания) собеседника слушатели должны:

1. концентрировать свое внимание в процессе всей дискуссии;
2. удерживать в памяти информацию;
3. прогнозировать продолжение реплики собеседника, а также дальнейший ход разговора;
4. производить смысловой анализ диалога в целом (факты, реалии, цифры);

А для этого надо уметь:

- понимать речь собеседника или носителя языка с разным тембром, дикцией, темпом; громкую или тихую речь;
- следить за логикой говорящего;
- отделять главное от неглавного;
- догадываться на основе контекста об отдельных непонятных или нерасслышанных словах;
- сигнализировать междометиями, клише, жестами о понимании или непонимании.

В плане речепроизводства слушатель должен уметь:

- вступить в беседу, т. е. начать или продолжить разговор;
- выразить свое отношение к высказыванию собеседника;
- переспросить в случае непонимания;
- задать вопросы (как краткие, так и развернутые), чтобы получить информацию;
- быстро реагировать на заданные вопросы;
- формулировать свои мысли, одновременно следя за реакцией собеседника;
- найти выход из затруднения, связанного с преодолением языкового и смыслового препятствия;
- корректно прервать собеседника;
- тактично закончить разговор, добившись своей цели.

Следует знакомить слушателей также и с пословицами, поговорками и крылатыми словами. Их можно употреблять в самых разнообразных жизненных ситуациях, в том числе и в дискуссии. И кроме образности и выразительности пословицы, поговорки и крылатые слова выполняют и контактную функцию. Если слушатель не хочет высказывать свое мнение, то он может спрятаться за общепризнанную формулу, выраженную пословицей или поговоркой, но он не молчит, а тем самым продолжает дискуссию.

Обучая слушателей лексике, следует знакомить их также и с неологизмами, наиболее общеизвестными заимствованиями (что особенно типично для немецкого языка, так это заимствования из английского языка), а также с реалиями. Владение всеми этими средствами, включая речевые навыки и умения, и речевой этикет, о котором будет сказано ниже, образуют понятие «коммуникативной компетенции», что дает возможность оценить конкретную коммуникативную ситуацию, представить интеллектуальный и социальный потенциал собеседника (партнера) и построить программу коммуникации.

Чтобы дискуссия протекала нормально, следует знать и соблюдать речевой этикет. Речь идет о некоторых языковых формах, словесных формулировках (клише, штампы, реплики), которые придают высказыванию такой характер, который расценивается как культурный, приличный для данной ситуации. Соблюдение этикета расценивается и свидетельствует о культуре поведения слушателя, а нарушение воспринимается как показатель невежества, невнимания к собеседнику.

Следует познакомить слушателя со средствами выражения вежливости, учтивости.

В фонетике это, прежде всего, четкость и тщательность произношения, отсутствие слишком смелых фонетических редуций, непревышение громкости.

В грамматическом отношении — грамматические формы вежливости: конъюнктив, модальные глаголы.

В лексическом отношении — тщательный подбор слов, фразеологизмов вежливости. Хотя иностранцы легко прощают нарушение правил речевого этикета, соблюдение этих норм чрезвычайно желательно, а с учетом работы будущих дипломатов просто необходимо.

Речевые этикеты обычно имеют место в начальной и конечной фразе коммуникативного акта. Они оформляют начало беседы или переход к новой теме, а также завершают общение. Употребление таких всевозможных клише позволяет в момент их произнесения производить сложную мыслительную работу по формированию и формулированию своих мыслей. Хотя они и несколько замедляют подачу основной информации, оттягивают ее, но зато недостаточное владение такими средствами приводит к длительным паузам, а иногда и к срыву коммуникации. Так как у слушателя во время дискуссии нет времени на подготовку высказывания, то владение этими клише должно быть доведено практически до автоматизма (до подсознательного уровня), что достигается определенной работой. Клише, штампы и реплики могут быть в учебных целях сгруппированы по функциональному признаку: обращение и привлечение внимания; приветствие; знакомство; прощание; извинение; приглашение; предложение; просьбы; совет и т. д.

Клише, штампы, реплики (т. е. коммуникативные установки) — это часть вербальной стратегии говорящего. В дискуссии они помогают достичь цели и реализовать свои намерения.

При обучении слушателей дискуссионным умениям следует как можно раньше давать им нужный языковой материал и как можно раньше начинать и постоянно продолжать работу над этими коммуникативными установками.

Когда и где же начинать дискуссию?

Снабдив слушателей определенным словарем, штампами речи, мы должны научить их ориентироваться на собеседника, овладеть умениями вербального и невербального поведения. Поэтому обучать слушателей хотя бы самым простым элементам и формам дискуссии можно и нужно как можно раньше с учетом индивидуальных способностей. Надо чаще искать на занятиях условия (или ставить слушателя в ситуацию), которые побуждают его к спонтанным высказываниям. Давая на младших семестрах речевой этикет, клише и чаще ставя им вопрос «почему», мы тем самым побуждаем слушателя к мотивированному высказыванию.

Идеальный случай проведения дискуссии — с продвинутыми слушателями (оперативный уровень по классифика-

ции ДА), здесь можно говорить о дискуссии в полной форме. В облегченной форме можно проводить так называемую «условную» дискуссию, начиная с базового уровня. Темой дискуссии на этом этапе могут быть общеобразовательные и страноведческие темы.

Каково место дискуссии в учебном процессе?

Если работу над какой-либо темой разделить на три этапа: а) введение нового лексического материала по теме и его отражение в элементарных, нерасширенных и нейтральных ситуациях; б) постепенное расширение темы и включение в нее ранее изученных тем; в) максимальное расширение темы и ее проблемное заострение, то место дискуссии на 3 этапе — она является заключительным этапом работы над темой, ее «венцом». Предшествующие ей недискуссионные формы работы в той или иной мере готовят дискуссию в целом.

Какова роль преподавателя в дискуссии?

Преподаватель должен подготовить, организовать и управлять дискуссией. Преподаватель должен помогать равновесию противоположных точек зрения. Он может включиться в дискуссию для защиты более слабой точки зрения. Если дискуссия идет на «спад», то преподаватель должен оживить ее, предложив участникам дискуссии рассмотреть вопрос или тему под другим углом зрения. В заключительной части дискуссии он должен обязательно дать оценку дискуссии.

При обучении слушателей дискуссионным приемам надо всячески опираться на уже частично сформированные у них на родном языке отдельные элементы техники диспута, и чем лучше подготовлены в этом плане слушатели, тем скорее можно переходить к проведению серьезных политических дискуссий на иностранном языке.

Дискуссия имеет большое значение как средство обучения неподготовленной речи.

Слушатели во внеаудиторных условиях предварительно формулируют свою точку зрения и подбирают аргументы в ее поддержку, вдумываются в точку зрения оппонента, готовят контраргументы для его опровержения. Они осуществляют подготовленные речевые акты. Это — как «внешняя речь для себя», чтобы потом развернуться в дискуссию. В аудитории слушатели воспроизводят «во внешней речи для других» то, что

сформулировали дома «для себя», но столкновение мнений в дискуссии, сравнение точек зрения оппонента со своей, перестройка аргументов — все это делает дискуссию спонтанной.

Таким образом, иноязычная учебная дискуссия может обеспечить развитие неподготовленной речи только на базе предварительной подготовки слушателей к дискуссии. При этом хорошая подготовка уменьшает количество ошибок, облегчает переход от подготовленной речи к экспромтной речевой деятельности.

Итак, дискуссия имеет следующие позитивные последствия:

- углубляет знания учащихся;
- развивает чувство уверенности в себе;
- формирует умение разговаривать с оппонентом.

То есть, дискуссия является полезным видом работы для развития устно-речевых умений слушателей и, следовательно, должна широко использоваться в учебном процессе.

В заключение хотелось бы рассказать о практических упражнениях, которые направлены на развитие навыков ведения беседы и на выступление перед аудиторией.

На младших этапах можно использовать как подготовительные формы к дискуссии: «беседа-звездочка» и «беседа кольцо».

В «беседе звездочка» преподаватель задает слушателям вопросы, которые предполагают разную степень развернутости ответов слушателей. В ходе беседы преподаватель может использовать не только пройденный материал, но и дополнительную информацию, соответствующую профессиональному ответу слушателя. В этом виде беседы большую роль играет подведение итогов и оценка ответов слушателей.

В «беседе-кольцо» общение (серия вопросов и ответов) осуществляется по цепочке от слушателя к слушателю. Каждый следующий слушатель, участвующий в беседе, ответив на заданный ему вопрос, составляет новый вопрос. «Беседа-кольцо» может проводиться как на материале общего, так и различных, но однотипных источников информации. На начальном этапе могут быть следующие темы: биография, каникулы, покупки и т.д. На среднем этапе обучения предлагаются страноведческие темы. Так, можно провести так называемую «игру в домино». Один слушатель говорит, например: «Я хотел бы поехать в Лейпциг, чтобы посетить Лейпцигскую ярмарку». Другой:

«Я хотел бы поехать в Берлин, так как много слышал об этом городе». Если следующий слушатель не знает, что сказать, то он отвечает: «У меня нет никаких идей, я остаюсь дома».

Эту игру можно ограничить рамками изучаемой страны, но можно и расширить рамки. Обосновывая желание посетить тот или иной город, слушатель должен употребить «для того чтобы» и «так как». Таким образом, наряду со свободной речью может закрепляться определенная грамматическая тема. Можно тренировать и так называемые «зиг-заг» упражнения, где группа делится на две части («за» и «против»). Текст, на который опирается обсуждение, вводится заранее, он должен быть противоречивого содержания. Слушатели собирают аргументы (за-против-за-против) и т. д. Таким образом, учащиеся ведут свободную дискуссию, используя проработанный материал и средства речи. Преподаватель может также придать дискуссии новые импульсы по содержанию.

На среднем этапе можно также раздать слушателям рисунки или фотографии разных людей и попросить угадать, из какой страны данный человек. Ответ может быть: «Я думаю, этот человек из Италии». При этом слушатель должен обосновывать свое предположение. Работа с картинками или рисунками вызывает у слушателей интерес и эмоции. Здесь активизируются и используются полученные знания и закрепляется словарный запас и грамматические конструкции, а также пропадает страх выражать свои мысли на иностранном языке.

Хорошо зарекомендовали себя на среднем этапе и «мини-диалоги». Слушатели получают карточки с вопросами по пройденной теме (эти вопросы могут быть составлены преподавателем или слушателями) и зачитывают их в группе вслух, называя коллегу, который должен ответить на этот вопрос.

На среднем и продвинутом этапе можно дать слушателям небольшие ситуации и попросить решить их. Например: «Ваш партнер считает, что изучить иностранный язык можно, занимаясь переводом. Выразите свое сомнение и убедите партнера в своей точке зрения». Или: «Вы заказали в ресторане дорогую еду, но у Вас с собой не оказалось достаточной суммы денег, чтобы расплатиться. Что бы Вы сделали?» С интересом слушатели на продвинутом этапе воспринимают следующий вид работы: преподаватель показывает заголовок

газетной статьи и спрашивает, о чем в ней может идти речь, какие проблемы затрагиваются здесь. Нужно прокомментировать заголовок, высказать свою точку зрения и обосновать ее. Но эта работа предполагает достаточную языковую и профессиональную компетенцию слушателей.

Можно также в качестве ролевой игры организовать возможную беседу в МИДе (для слушателей МО). Для этого надо составить разговор по данной проблеме, распределить роли, назначить переводчика. Слушатели должны готовить к этой беседе как в языковом, так и в политическом отношении.

И конечно, на любом этапе обучения следует давать слушателям, и как можно раньше, речевые клише, начиная с самых простых, стартовых. Например: «Добро пожаловать, рад Вас видеть» и постепенно переходить к ситуативным клише.

Ситуативные клише: начало беседы, беседа на общие темы, формулы вежливости, поздравления, вежливый ответ или просьба, приглашение, отказ, завершение беседы, реплики замечания, уклонение от ответа на вопрос, высказывание мнения, аргументация, констатация, оценка событий и фактов, протест, возражение, признание неправоты, уверенность, выводы, пословицы, поговорки.

На кафедре немецкого языка составлен список слов и выражений для ведения беседы и дискуссии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зарецкая Е. Н. Риторика: теория и практика речевой коммуникации. 4-ое издание — Москва: Дело, 2002.
2. Мирзоева Ф. Р. Учет социокультурных особенностей при обучении речевому этикету // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в высшей школе. Материалы межрегионального научно-практического семинара. М.: 2016. С. 43–50.
3. Морозова И. Г. Использование дискуссии на занятиях иностранного языка в рамках проблемного обучения при подготовке современных специалистов. Иностранный язык. Теория и практика, 2010, № 1.
4. Мочалова Т. С. Интервью как разновидность диалога на уроках польского языка // Успехи современной науки и образования. — М: 2016, № 9, т. 4 — сс. 87–90.
5. Нургалиева А. Ж. Дискуссия как метод формирования коммуникативных навыков в обучении иностранным языкам. Мир педагогики и психологии. М.: — 2017 — № 4 (9) — стр. 42–47.

6. Rainer E. Aktiv und kreativ lernen. Projektorientierte Spracharbeit im Unterricht. Deutsch als Fremdsprache- München: Max Hueber Verlag, 2005

7. Weigmann Jürgen. Unterrichtsmodell für Deutsch als Fremdsprache. (Электронный ресурс). <http://books, google.ru>

Ардаева Н. В.
Ardaeva N. V.

ДОМАШНЕЕ ЧТЕНИЕ, ИЛИ ПРАКТИКА САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ЧТЕНИЯ, НА ИНОСТРАННОМ ЯЗЫКЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

PRESENT-DAY HOMEREADING OR A FOREIGN LANGUAGE INDEPENDENT READING PRACTICE

Аннотация: Существуют различные стратегии и методы обучения, которые в течение многих лет используются во всем мире для привлечения студентов к изучению языка. Домашнее чтение остается обязательным компонентом обучения иностранному языку. Следует учесть приемы лично-ориентированного обучения данному виду учебной деятельности. Самостоятельное чтение — необходимый элемент для формирования навыков и умений владения экспрессивной речью на иностранном языке.

Ключевые слова: подбор художественных произведений, подготовительные упражнения, управление процессом чтения, принципы контроля результатов самостоятельного чтения.

Abstract: There are various teaching strategies and methods that have been used for years all over the world to engage students with language learning. Home reading remains a compulsory and critical component of a foreign language teaching Personality-oriented learning methods should be considered for this type of educational activity. Independent reading is a necessary element of skills and abilities which form expressive speech knowledge in a foreign language.

Keywords: Selection of fictions, preparatory exercises, reading process management, principles of controlling the results of independent reading.

Чтение как вид речевой деятельности входит в сферу коммуникативно-общественной деятельности и обслуживает три сферы:

1. коммуникативную,
2. познавательную,
3. эстетическую.

Являясь неотъемлемым компонентом методики обучения иностранному языку, домашнее чтение способствует формированию и самостоятельного эстетического отношения к окружающему миру, и гуманистических ценностных ориентаций в процессе знакомства с лучшими литературными произведениями зарубежной литературы [6, с. 1].

Все происходящие психические процессы при самостоятельном чтении направлены на понимание и осмысление речевого высказывания. Сам процесс чтения создает все необходимые условия для непроизвольного запоминания вербального материала, а домашнее чтение, предусмотренное учебными программами, обладает огромными возможностями и имеет большие резервы в учебном процессе.

К сожалению, в настоящее время в сфере обучения самостоятельному чтению возникают совершенно объективные трудности в виде недостатка учебных часов, выделяемых программами, приоритета других аспектов обучения, психологических трудностей в работе с современным поколением обучающихся, относящихся к так называемому «цифровому» поколению. Раньше Россия всегда считалась одной из самых читающих стран мира. В современной России в связи с появлением разнообразных информационных ресурсов 56% слушателей не читает никогда или читает редко (по статистике, предложенной Т. Ю. Поляковой [7]). В этом случае на фоне современных методик приобретает особую важность мотивационно-личностный аспект процесса чтения. Проблема личностной мотивации обретает особую значимость в вопросе ведения самостоятельной деятельности при изучении иностранного языка.

А деятельно-творческий характер обучения — наиболее сложный аспект языка [2]. Помимо того, в методике, сочетающей цифровое и гуманитарное обучение, предпочтение отдается такому дидактическому приему, как аудирование, что вполне оправдано на данном этапе (45% времени, отводимого на занятия), а на чтение приходится 16% общего учебного времени [2].

Тем не менее, основными общими положениями организации практики чтения на иностранном языке на материалах домашнего чтения остаются совершенно конкретные и вполне аргументированные требования, определяемые учебными задачами и условиями решения этих задач.

Основной методической задачей практики в чтении является управление процессами понимания прочитанного, осмысления и переработки полученной информации. Осуществление этих задач происходит в 3 этапа:

1. подготовка к деятельности;
2. собственно практика в деятельности;
3. контроль результатов.

В домашнем чтении эти процессы носят скрытый характер и подвергаются лишь косвенному воздействию извне, т. к. самостоятельное чтение не предусматривает партнеров, осуществляется внеаудиторно, поэтому особенно важно выработать у слушателя правильные приемы чтения.

Любая деятельность протекает успешно, если она подготовлена, т. е., приступая к чтению, слушатель уже должен владеть предварительными средствами для осуществления данной деятельности.

Для этого существуют подготовительные упражнения, задания, способствующие развитию необходимой группы умений и создающие установку на выполнение процесса:

1. умение извлечь и понять необходимую информацию;
2. выработать собственное отношение к прочитанному и оценить информацию;
3. сформулировать собственное мнение;
4. обобщить факты;
5. аргументировать свое мнение.

Личностно-ориентированное обучение, пришедшее на смену традиционно-авторитарному, ставит перед преподавателем при составлении подготовительных упражнений новые задачи, которые нельзя не учесть:

1. индивидуальные особенности слушателя;
2. среда жизненных, учебных и профессиональных интересов;
3. особенности темперамента;
4. уровень готовности и восприятия материала;
5. особенности поведения;
6. этническая составляющая;
7. учебные и профессиональные планы и цели.

В самом процессе работы в группе возникают сложности с представителями нового поколения, такие, как:

1. отсутствие кругозора, знаний, культурных ценностей;
2. различия в уровне подготовки слушателей;
3. недостаточная глубина осмысления информации;
4. сложности с формулированием своей точки зрения [8];
5. отсутствие привычки анализировать — их устраивают предлагаемые в СМИ готовые шаблоны мнений;
6. неумение учиться, отсутствие стратегии получения знаний.

Совершенно очевидное значение приобретают материалы для домашнего чтения. [1] Домашнее чтение, как правило, является ознакомительным, с элементами изучающего на более продвинутом этапе.

«Очень важно при данном типе работы правильно подобрать художественное произведение, поскольку устаревшее, монотонное, тусклое повествование способно не мотивировать учащихся на изучение иностранного языка, а произвести прямо противоположный эффект».

«Под домашним чтением мы понимаем аутентичные тексты, тематически связанные с лексической тематикой уроков, соответствующие уровню языковой подготовки обучающихся» [5, с. 2].

Здесь важна дозировка объема. На первых этапах приветствуются адаптированные тексты. В этом отношении на кафедре романских языков удачно составлено пособие по домашнему чтению Львовой А. О. [4]

Следует также использовать доступность ресурсов в электронном виде. Нельзя исключать и дистанционные методы обучения.

Контроль реализации учебных задач предусматривает: понимание содержания, степень сформированности различных умений, связанных с выполнением данных установок.

Приемы контроля могут меняться в зависимости от учебных и профессиональных задач и других объективных и субъективных причин.

Например, не стоит ограничиться таким распространенным приемом контроля, как пересказ, хотя и исключать его совсем нельзя, как и фрагментарное чтение материалов. При пересказе слушатели вполне могут справиться с изложением первоисточника, не читая его, а получив информацию, в том числе на русском языке.

Если же текст всё-таки прочитан, слушатели зачастую придерживаются языковой формы материала, перенося в устную речь сугубо книжные единицы.

Для инновационной реализации процесса контроля с учётом личностных особенностей обучающихся могут быть предложены следующие формы:

1. Диалог по прочитанному и/или в развитие темы.
2. Обсуждение и дискуссии.
3. Доклады и презентации (нивелируя те же негативные элементы, как при пересказе)
4. Ролевые игры.
5. Аргументированная оценка.
6. Прогнозирование.
7. Задания индивидуального характера.

Современная методика диктует следующие основные требования к практике самостоятельного чтения:

1. Чтение как речевая деятельность рассматривает литературный материал как коммуникативное высказывание и приводит к развитию экспрессивной устной речи.
2. Домашнее чтение должно быть обязательным компонентом учебного процесса.
3. Домашнее чтение должно быть подготовленным и контролируемым.
4. Домашнее чтение должно иметь учебную и профессиональную ценность.
5. Процесс должен быть управляемым.

Подводя итоги, следует подчеркнуть, что соблюдение необходимых целей, тщательный подбор материалов и правильно организованный контроль результатов домашнего чтения позволяют повысить эффективность обучения не только в области чтения, но и в обучении экспрессивной устной речи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бунина Т. А. Современные подходы к организации курса домашнего чтения в неязыковых вузах. // Филологические и педагогические аспекты гуманитарного образования в неязыковых вузах. Сборник материалов конференции. Рязань. Академия ФСИН, 2017.
2. Идилова И. С. Формирование у магистрантов умений устного общения на английском языке в неязыковом вузе. // Обеспечение качества и развития языкового образования в нелингвистическом

вузе. Отв. ред. Каменская Л. С. М.: ФГБОУ ВО МГЛУ, 2017. С. 95–105. (Вестник Московского государственного лингвистического университета; вып. 4 (775). Сер. Образование и педагогические науки).

3. Зоткина И. В. Возможности и перспективы формирования у студентов навыков чтения. // Мир педагогики и психологии. Н. Новгород: 2017. — № 11 (16).

4. Львова А. О. Пособие по домашнему чтению. Испанский язык. М.: Дипломатическая академия МИД России. 2015. — 182 с.

5. Мартюшова Е. В. Домашнее чтение на уроках немецкого языка в вузе. // Научно-методический электронный журнал «Концепт». Киров: 2016. — № 512–0,3 п. л. — URL: <http://e-koncept.ru/2016/76140.htm>

6. Оноприенко Л. И. (МБОУ «СОШ № 11») «Домашнее чтение как вид самостоятельной работы. // Сетевое издание «Проект «Инфоурок»». Смоленск: 2016. <https://infourok.ru/statya-domashnee-chtenie-kak-vid-samostoyatelnoy-raboti-na-urokah-angliyskogo-yazika-979654.html>

7. Полякова Т. Ю. Учёт особенностей современного поколения студентов в процессе совершенствования системы подготовки по иностранному языку в вузе. // Центральный кабинет методики обучения иностранным языкам ФГОУВО «МГЛУ». Программа Всероссийской научно-методической конференции неязыковых вузов «Личностно ориентированное обучение иностранному языку в системе профессиональной подготовки» 22–23 июня 2017 года, Москва.

8. Фоломкина С. К. Некоторые вопросы обучения чтению на иностранном языке в неязыковом вузе. Методика и психология обучения иностранным языкам: хрестоматия/составитель Леонтьев А. А. М.: Русский язык, 1991. С. 253–260.

Галимзянова А. К.

Galimzianova A. K.

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ «ОБЫЧНОГО/РАСПРОСТРАНЕННОГО» В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

CONCEPTUALIZATION OF "COMMON/ORDINARY" IN MODERN ENGLISH

Аннотация: В статье изложены результаты семантического описания английских прилагательных common, ordinary, typical и popular, репрезентирующих концепт «обычный, распространенный».

Ключевые слова: концепт; концептуализация «обычного, распространенного»; когнитивная модель концепта.

Abstract: The paper integrates the results of cognitive research into the language conceptualization of «being wide-spread». The concept is represented by a cluster of English adjectives — common, ordinary, typical and popular.

Key words: concept; conceptualization of «being wide-spread»; cognitive model of a concept.

Анализ семантики исследуемых лексем предполагает не только получение адекватных и по возможности исчерпывающих описаний, но и построение когнитивной модели исследуемого концепта на основе применения методики когнитивной интерпретации полученных семантических данных.

Обратимся к описанию семантики исследуемых лексем и рассмотрению особенностей языковой концептуализации «обычного, распространенного» в современном английском языке.

1.1 Когнитивная структура прилагательного *common*

В словарях прилагательное *common* трактуется как «common, of the ordinary type» («распространенный, обычного типа») (LEA); «happening frequently or existing in large amounts or numbers used, done, or shared by two or more people» («часто происходящий или существующий в большом количестве или числе, используемый или производимый/осуществляемый двумя или более людьми») (MEDEL); «ordinary, with no special status» («обычный, без особого статуса») (MEDEL); «reaching the standard that you normally expect from most ordinary people» («достигающий уровня, которого обычно ожидают от большинства простых людей») (MEDEL); «old fashioned: an insulting way of describing someone from a low social class» («старомодный: оскорбительный способ описания кого-то, принадлежащего низкому социальному классу») (MEDEL); «shared by everyone» («то, что у всех есть») (LDCE).

Данные дефиниции требуют определенного уточнения и корректировки.

У прилагательного *common* можно выделить два варианта значения, которые мы обозначим как *common 1* и *common 2*.

Common 1

Проведенное исследование показало, что *common 1* вносит информацию о том, что:

1) объект (X) может быть представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) объект (X) рассматривается как частотный, являясь элементом подкласса Y1, т. е. численность подкласса Y1 больше или равна численности других подклассов Y2, Y3, ..., Yn, принадлежащих классу Y ($X \in Y1, |Y1| \geq |Yi|, 2 \leq i \leq n$).

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий воспринимает объект (X) как одушевленный:

(1) *You might spot less **common birds** such as the great spotted woodpecker (Вы, возможно, заметите и более редких птиц, например, большого пестрого дятла);*

(2) *For example, on seeing a cat, one knows that it is a living thing, a mammal and a **common pet** (Например, увидев кошку, каждый знает, что это живое существо, млекопитающее и распространенное домашнее животное);*

(3) *This group is known as the cetaceans and comprises 77 different species, ranging from the **common dolphin** to the blue whale (Эта группа известна как китообразные и включает 77 различных видов, от обыкновенного дельфина до голубого кита);*

(4) *Rabbits are the most **common wild animals** in this area (Кролики являются наиболее распространенными дикими животными в этом районе);*

** Rabbits are the most **ordinary wild animals** in this area (Кролики являются самыми обыкновенными дикими животными в этой местности).*

В данных высказываниях прилагательное *common* вносит информацию о том, что говорящий рассматривает объект X как элемент более многочисленного (по сравнению с другими подклассами) подкласса Y1, т. е. X осмысливается говорящим как частотный.

В первом высказывании большой пестрый дятел осмысливается как необычный обитатель рассматриваемого региона, не принадлежащий множеству часто встречающихся в данной местности видов птиц (*common birds*). Иными словами, объект X (дятел) **не** принадлежит самому многочисленному, а, значит, и самому частотному подклассу Y1.

Во втором высказывании кошка осмысливается как домашнее животное (X), которое наиболее часто заводят дома по сравнению с другими питомцами, например, попугаями ($\in Y2$), игуанами ($\in Y3$), крокодилами ($\in Y4$) и прочими. В силу такой частотности кошка уже не воспринимается как экзотическое животное,

например, жителями Европы. В то время как у жителей южных стран вполне частотными могут оказаться такие экзотические для европейцев питомцы, как пауки, змеи и прочие.

В третьем высказывании дельфин (X) рассматривается как наиболее частотный представитель (среди остальных 76 видов) китообразных.

В четвертом высказывании кролик осмысливается говорящим как наиболее распространенный для данной местности вид диких животных (*common wild animals*), по сравнению, например, с другими видами лесных обитателей, такими, как волки, лисы и пр. При замене в данном высказывании *common* на *ordinary* предложение было оценено как неприемлемое.

Схожим образом может быть интерпретировано и следующее высказывание:

Flatheads are a common type of fish and good to eat (Камбала является распространенным видом рыбы и хороша для употребления в пищу);

** Flatheads are an ordinary type of fish and good to eat (Камбала является обыкновенным видом рыбы и хороша для употребления в пищу).*

В данном предложении *common* вносит информацию о том, что камбала (X) представлена говорящим как элемент многочисленного класса Y1. Действительно, камбала является многочисленным видом, распространенным практически по всему мировому океану. При замене в данном высказывании *common* на *ordinary* предложение было оценено как неприемлемое.

Рассмотрим еще высказывания:

The twentieth century was called the century of the common man (XX век называли веком обыкновенного человека).

В данном высказывании в качестве X-а выступает человек. Прилагательное *common* вносит информацию о том, что X не обладает какими-либо выдающимися свойствами, а является среднестатистическим, ничем не примечательным гражданином, каких много.

Схожим образом могут быть интерпретированы следующие высказывания:

In the fifteenth century the common people could neither read nor write (В 15 веке простые люди не могли ни читать, ни писать);

The common people go to work and raise families (Простые люди ходят на работу и растят детей).

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как неодушевленный:

(1) *The Mercedes automobile is common among the rich (Автомобиль марки Mercedes распространен среди состоятельных людей);*

** The Mercedes automobile is ordinary among the rich (Автомобиль марки Mercedes является обычным явлением среди состоятельных людей);*

(2) *Salt and pepper are the two most common seasonings (Соль и перец — две наиболее распространенные приправы);*

Salt and pepper are the two most popular seasonings (Соль и перец — две наиболее популярные приправы);

** Salt and pepper are the two most ordinary seasonings (Соль и перец — две наиболее обыкновенные приправы);*

(3) *His name was Hansen, a common name in Norway (Его звали Хансен. Это имя является достаточно распространенным в Норвегии);*

** His name was Hansen, an ordinary name in Norway (Его звали Хансен. Это имя является обыкновенным в Норвегии).*

В первом примере в качестве объекта X-а выступает автомобиль марки Mercedes. X осмысливается как элемент более многочисленного класса Y1 (класса автомобилей марки Mercedes) по сравнению с другими, менее многочисленными, а, значит, и менее частотными среди состоятельных владельцев автомобилями эконом-класса (например, марок Рено, Пежо и других).

Во втором высказывании такие приправы, как соль и перец, рассматриваются говорящим как наиболее распространенные повсеместно.

В третьем высказывании в качестве объекта X выступает имя человека. X осмысливается как элемент более многочисленного класса Y1 ($Y1 = (Y11, Y12, Y13, \dots, Y1n)$, где $Y1i$ — имя Хансен у i -ого жителя Норвегии, n — количество жителей Норвегии, носящих имя Хансен) по сравнению с другими, менее многочисленными, а, значит, и менее частотными среди жителей Норвегии классов имен.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как не физический (абстрактный) объект:

(1) *Sotheby's say that this practice of selling old pictures to buy new ones is **common practice** (Сотбис говорят, что продажа старых картин в обмен на новые является обычной практикой);*

(2) *Marie felt again the strong, almost irresistible pull of a **common sympathy** but she said nothing (Мэри снова почувствовала прилив почти непреодолимого чувства элементарного сострадания, но ничего не сказала);*

(3) *Time brought resignation and a melancholy sweeter than **common joy** (Со временем пришла отставка и наступила меланхолия, которая была слаще, чем обыкновенная радость).*

В первом высказывании продажа старых картин с целью приобрести новые рассматривается говорящим как часто используемый среди коллекционеров способ обновления своей коллекции.

Во втором и третьем примерах в качестве X-а выступают часто испытываемые человеком чувства, такие, как радость, сострадание.

Итак, обобщая результаты проведенного семантического анализа, представим когнитивную структуру прилагательного *common 1*.

Прилагательное *common 1* вносит информацию о том, что:

1) объект (X) может быть представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) объект (X) рассматривается как частотный, являясь элементом подкласса Y1, т.е. численность подкласса Y1 больше или равна численности других подклассов Y2, Y3, ..., Yn, принадлежащих классу Y ($X \in Y1$, $|Y1| \geq |Yi|$, $2 \leq i \leq n$).

Common 2

Проведенное исследование показало, что *common 2* вносит информацию о том, что:

1) объект (X) представлен как неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) качество, свойства объекта (X) оцениваются говорящим негативно.

Рассмотрим употребление *common 2* в высказываниях, в которых в качестве X выступают неодушевленные физические объекты. В следующих примерах прилагательное *common* характеризует предметы с точки зрения их качества,

внося информацию о простоте их внешнего вида, грубости отделки и т.п.: *common clothes* (простая/грубая одежда); *common furniture* (простая/грубая мебель); *common decoration* (грубая отделка); *Vivien, Clarence, and the king are dressed like peasants, in **common clothes** and smeared with mud, as they walk down the road away from Camelot* (Вивиен, Кларин и король одеты как крестьяне в грубую одежду и вымазаны грязью, поскольку им предстоит уйти далеко от Камелота).

Рассмотрим высказывания, в которых в качестве X-а выступают не физические (абстрактные) объекты:

(1) *For common men and women two or three of the **common loves** will suffice — the love of family and home, of school and church, of mountain and sea* (Для обычных людей двух или трех сильных привязанностей вполне достаточно — любви к семье и дому, к школе и церкви, к горам и морям).

(2) *For a moment, I couldn't believe she was asking about such a **common expression** (На мгновение я не мог поверить, что она спрашивает о таком грубом выражении);*

(3) *She has a **common look** (У неё вульгарный вид).*

Итак, обобщая результаты проведенного семантического анализа, представим когнитивную структуру прилагательного *common 2*.

Прилагательное *common 2* вносит информацию о том, что:

1) объект (X) представлен как неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) качество, свойства объекта (X) оцениваются говорящим негативно.

1.2. Когнитивная структура прилагательного *ordinary*

В словарях прилагательное *ordinary* трактуется как «normal or usual and not different from other people or things» («нормальный или обычный и не отличающийся от других людей или вещей») (LWD); «average, common, or usual, not different or special» («средний, распространенный или обычный, не отличающийся или особенный») (LDCE); «not particularly good or impressive» («не особенно хороший или впечатляющий») (LDCE); «normal or usual or not special» («нормальный или обычный, не особенный») (MED). Данные дефиниции требуют определенного уточнения и корректировки.

Проведенное исследование показало, что *ordinary* вносит информацию о том, что:

- 1) объект (X) представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;
- 2) говорящий осмысляет объект X как не обладающий оригинальными свойствами, отличающими его от других однотипных объектов.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как одушевленный:

(1) *The book is about **ordinary people** (Эта книга о простых людях);*

(2) *But this was no **ordinary cat** — this cat could open doors (Но это была не простая кошка — она могла открывать двери).*

В первом высказывании сообщается о том, что книга посвящена описанию жизни простых, ничем не примечательных, обладающих средними способностями людей (*ordinary people*). Замена прилагательного *ordinary* на *common* была оценена информантами как приемлемая, ср.: *The book is about **common people***. Однако информация, вносимая рассматриваемыми прилагательными, в каждом случае различна. В высказывании с прилагательным *ordinary* речь идет о заурядных людях, не отличающихся какими-либо талантами, тогда как в примере с прилагательным *common* сообщается о том, что в фокус рассмотрения автора книги попали те люди, которые составляют большинство. Таким образом, употребление *common* вызвано тем, что для говорящего более релевантным оказывается факт частотности (те люди, которые представлены большинством), нежели то, что это большинство составляют люди с заурядными способностями.

Во втором высказывании в качестве X-а выступает кошка, которая рассматривается говорящим как обладающая необычными, оригинальными свойствами, отличающими ее от других представителей данного класса — класса кошек. Замена прилагательного *ordinary* на *common* была оценена информантами как неприемлемая, ср.: * *But this was no **common cat** — this cat could open doors*. Действительно, согласно проведенному исследованию, лексема *common* вносит информацию о том, что объект (X) рассматривается как частотный, являясь элементом подкласса Y1. Однако в данном высказывании

речь идет не о кошке как представителе всего класса, а о конкретной особи, которая представлена в единственном экземпляре и поэтому не может рассматриваться как частотная.

Далее рассмотрим употребление *ordinary* в высказываниях, в которых говорящий осмысляет объект (X) как неодушевленный:

(1) *He lives in an **ordinary house** in suburban Melbourne (Он живет в обычном доме в пригороде Мельбурна);*

* *He lives in a **common house** in suburban Melbourne;*

(2) *Can you get connected to the Internet through an **ordinary telephone line**? (Ты можешь установить Интернет-соединение с помощью обычной телефонной линии?);*

* *Can you get connected to the Internet through a **common telephone line**?*

В данных высказываниях сообщается об объектах (доме, телефонной линии), которые рассматриваются говорящим как не обладающие оригинальными свойствами, отличающими их от других однотипных объектов. Замена прилагательного *ordinary* на *common* в данных высказываниях была оценена информантами как неприемлемая, так как в данных примерах речь опять идет не о представителе всего класса, а о конкретном объекте, который представлен в единственном экземпляре и поэтому не может рассматриваться как частотный.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как не физический (абстрактный) объект:

(1) *It is good because it is written in friendly, **ordinary language** (Эта книга замечательна, так как написана о на простом и доступном языке);*

(2) *In exactly the same way, a person with **ordinary abilities** solving comparatively simple problem doesn't experience noticeable difficulties (Точно таким же образом человек с обычными способностями, решая сравнительно простую проблему, не испытывает значительные трудности);*

(3) *All of them are ordinary people with **ordinary abilities** (Все они — простые люди с обычными способностями);*

(4) *In **ordinary life**, if someone says something that you do not understand, you ask him to explain himself more fully (В обычной жизни, если кто-то говорит что-то, что Вы не понимаете, Вы просите, чтобы он объяснил лучше);*

(5) *What is your usual and **ordinary occupation** for earning a livelihood (Чем Вы обычно занимаетесь, чтобы заработать себе на жизнь?).*

В данных высказываниях прилагательное *ordinary* указывает на соответствие X-а некоторой средней норме, т. е. такому порядку вещей, который естественен, имеет место в большинстве случаев. Соответствие среднему уровню обычно связано с такими свойствами X-а, как обыденный, неинтересный, серый, невзрачный.

Итак, обобщая результаты проведенного семантического анализа, представим когнитивную структуру прилагательного *ordinary*.

Прилагательное *ordinary* вносит информацию о том, что:

1) объект (X) представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект;

2) говорящий осмысляет объект X как не обладающий оригинальными свойствами, отличающими его от других однотипных объектов.

1.3. Когнитивная структура прилагательного *typical*

В словарях прилагательное *typical* трактуется как «showing the common signs or qualities of a particular kind, group, or class; representative of its type; showing the ordinary behavior or manner» («проявляющий общие признаки или качества конкретного вида, группы или класса; являющийся представителем своего вида; демонстрирующий обычное поведение»); «having the usual features or qualities of a particular group or thing» («имеющий обычные характеристики или качества конкретной группы или явления») (LDCE); «happening in the usual way» («происходящий обычным способом») (LDCE); «behaving in the way that you expect» («проявляющийся в той манере, в которой вы ожидаете») (LDCE); «mainly spoken used for saying that you are not surprised that something bad has happened» («в разговорной речи используется, чтобы сказать, что вы не удивлены, что произошло что-то плохое») (MED).

Данные дефиниции нуждаются в последующей доработке для получения более четкого определения прилагательного *typical*.

Проведенное исследование показало, что *typical* вносит информацию о том, что:

1) объект (X) представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) говорящий осмысляет объект X как обладающий набором свойств, общих для определенной группы объектов.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как одушевленный:

(1) *With his bright shirt and camera around his neck, he looked like a **typical American tourist** (В своей яркой рубашке и с фотоаппаратом на шее он выглядел как типичный американский турист);*

* *With his bright shirt and camera around his neck, he looked like a **common American tourist**;*

? *With his bright shirt and camera around his neck, he looked like an **ordinary American tourist** (В своей светлой рубашке и с фотоаппаратом на шее он выглядел как самый обыкновенный/заурядный американский турист);*

(2) *He said he was too tired to wash the dishes. **Typical man!** (Он сказал, что слишком устал, чтобы мыть посуду. Типичный мужчина!).*

В первом высказывании в качестве X-а выступает человек, который рассматривается говорящим как обладающий такими внешними признаками, по которым обычно можно определить американского туриста — яркая рубашка и фотоаппарат на шее. Замена прилагательного *typical* на *common* была оценена информантами как неприемлемая. Действительно, возможность употребления прилагательного *common* в атрибутивном словосочетании *common American tourist* означала бы наличие противопоставления элементов «*common American tourist* vs. *not common American tourist*», принадлежащих соответственно классам Y1 и Y2, где Y1 — класс часто встречающихся американских туристов, а Y2 — класс **не** часто встречающихся американских туристов. Таким образом, употребление *common* в данном высказывании приводит к возникновению когнитивного конфликта у слушающего при осмыслении описываемой ситуации, что и обуславливает низкие оценки информантов.

Высказывание, полученное в результате замены прилагательного *typical* на *ordinary* — *With his bright shirt and camera*

around his neck, he looked like an ordinary American tourist (В своей светлой рубашке и с фотоаппаратом на шее он выглядел как самый обыкновенный/заурядный американский турист) — получило неоднозначную оценку со стороны информантов, при этом средняя оценка составляет 3,1 («непредпочтительно»). Как представляется, расхождения между оценками информантов вызваны когнитивным конфликтом, возникающим при осмыслении данного высказывания. Семантика прилагательного *ordinary* не предполагает наличие у объекта X каких-либо оригинальных свойств, отличающих его от других однотипных объектов (других американских туристов), тогда как в примере сообщается о том, что объект X обладает яркими внешними признаками, отличающими его от других людей.

Во втором высказывании сообщается о том, что протагонист осмысляется говорящим как обладающий набором свойств, характерных для большинства мужчин, в том числе, по мнению говорящего, и одним из ключевых — ленью. X рассматривается говорящим как прототипический представитель класса — класса мужчин.

Далее рассмотрим употребление *typical* в высказываниях, в которых говорящий осмысляет объект (X) как неодушевленный:

(1) *What is present in a typical plant cell but not in an animal cell?* (Что есть в клетке типичного растения, но нет в клетке животного?);

(2) *How fast does a typical airplane have to travel for take off* (Как быстро должен двигаться обычный самолет, чтобы взлететь?).

В первом высказывании в качестве объекта (X) выступает растение, которое говорящий характеризует как типичное, т. е. обладающее набором свойств, общим для всех представителей царства растений.

Во втором предложении в качестве объекта (X) выступает самолет, который представляется говорящим как типичный, обладающий набором признаков, которые характерны для всех летательных средств такого класса.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как не физический (абстрактный) объект:

(1) *Mr. Stevens' appointment was typical case of promoting a man beyond his level of competence* (Назначение мистера Стивенса было типичным примером того, как продвигают человека на высокую должность не пропорционально его компетенции);

(2) *It's a typical working class community* (Это типичные представители рабочего класса);

(3) *The view is fairly typical of people of his generation* (Эта точка зрения абсолютно типична для представителей его поколения).

В первом высказывании сообщается о том, что описываемая ситуация продвижения мистера Стивенса рассматривается говорящим как характерная для определенного периода/сферы бюрократических отношений/предприятия и прочее (в зависимости от контекста).

Во втором высказывании речь идет о представителях рабочего класса, обладающих набором свойств, общих для данной социальной группы, например, определенным уровнем дохода, производственной квалификации, социальным происхождением и прочее.

В третьем высказывании сообщается о точке зрения, характерной для представителей определенного поколения.

Приведем еще примеры:

(1) *We had some warm weather, and quite a lot of rain — it was a typical English summer* (Стояла теплая и дождливая погода — типичное для Англии лето);

(2) *It's typical symptoms of headache* (Это типичные симптомы головной боли);

(3) *It's her typical behaviour: to waste time when we're already late* (Это ее типичное поведение: тянуть время, когда мы уже опаздываем).

В первом высказывании в качестве объекта (X) выступает лето, которое осмысляется говорящим как типичное для Англии, т. е. обладающее набором признаков, который может охарактеризовать практически любое лето на Британских островах. Во втором предложении в качестве объекта (X) выступают симптомы, которые осмысляются говорящим как характерные для головной боли. В третьем высказывании в качестве объекта (X) выступает поведение, которое пред-

ставляется говорящим как свойственное конкретному человеку в определенной жизненной ситуации.

Итак, прилагательное *typical* вносит информацию о том, что:

- 1) объект (X) представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;
- 2) говорящий осмысляет объект X как обладающий набором свойств, общих для определенной группы объектов.

1.4. Когнитивная структура прилагательного *popular*

В словарях прилагательное *popular* трактуется как «liked by a lot of people» («полюбившийся большому количеству людей») (LWD); «done by a lot of people in a society, group etc.» («сделанный большим количеством людей в обществе, группе и т.д.») (LDCE); «relating to ordinary people, or intended for ordinary people» («касающийся простых людей или предназначенный для простых людей») (LDCE); «suitable for ordinary people rather than experts» («подходящий скорее для простых людей, чем для экспертов») (MED); «a popular belief, feeling, attitude etc., is one that many people have» («широко распространенное мнение, чувство, отношение и т.д., что-то, что есть у многих людей») (MED). Данные дефиниции требуют определенного уточнения и корректировки.

Проведенное исследование показало, что *popular* вносит информацию о том, что:

- 1) объект (X) представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;
- 2) говорящий осмысляет объект X как пользующийся всеобщим признанием;
- 3) говорящий осмысляет объект X как свойственный, присущий большинству людей.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как одушевленный:

(1) *He is one of the most popular boys in the school (Он один из самых популярных мальчишек в школе);*

(2) *He is the most popular actor in this country (Он самый популярный актер в этой стране).*

В данных высказываниях в качестве X-а выступают люди, которые рассматриваются говорящим как пользующиеся признанием и одобрением со стороны определенной группы людей (учащихся школы, населения страны).

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как неодушевленный:

(1) *Chocolate sauce is always popular with youngsters (Шоколадный соус всегда популярен/пользуется спросом среди подростков);*

(2) *This popular book was written by the most famous writer of contemporary times (Эта нашумевшая книга была написана самым знаменитым писателем современности);*

(3) *This popular supermarket doesn't justify their confidence (Этот популярный супермаркет не оправдал их доверие);*

(4) *These cheeses are very popular in Europe (Эти сорта сыра очень популярны в Европе);*

(5) *Football is the most popular sport in Russia (Футбол — самый популярный вид спорта в России).*

В первом высказывании сообщается о шоколадном соусе (X), который рассматривается говорящим как пользующийся признанием и спросом среди определенной возрастной группы — подростков. Схожим образом могут быть интерпретированы и остальные примеры.

Рассмотрим высказывания, в которых говорящий осмысляет объект (X) как не физический (абстрактный) объект:

(1) *It's a popular misconception that all women love shopping (Это распространенное заблуждение, что все женщины любят шопинг);*

(2) *This direction in painting was very popular among painters in the 19th century (Это направление в живописи было очень популярным среди художников 19-го века).*

В первом высказывании прилагательное *popular* вносит информацию о том, что X (заблуждение) рассматривается говорящим как свойственное большинству людей. Иными словами, по мнению говорящего, большинство людей действительно считают, что все женщины любят ходить по магазинам.

Во втором высказывании сообщается направлении в живописи (X), которому следовало большинство художников 19-го века.

Итак, проведенное исследование показало, что *popular* вносит информацию о том, что:

- 1) объект (X) представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) говорящий осмысляет объект X как пользующийся всеобщим признанием;

3) говорящий осмысляет объект X как свойственный, присущий большинству людей.

Когнитивная модель концепта «обычный/распространенный»

В результате исследования были построены когнитивные структуры анализируемых прилагательных (см. подробнее 1.1–1.4), в совокупности образующие когнитивную модель исследуемого концепта «обычный/распространенный». В качестве иллюстрации рассмотрим когнитивную структуру прилагательного *common* 1.

Прилагательное *common* 1 вносит информацию о том, что:

1) объект (X) может быть представлен как одушевленный/неодушевленный физический объект/не физический (абстрактный) объект;

2) объект (X) рассматривается как частотный, являясь элементом подкласса Y1, т.е. численность подкласса Y1 больше или равна численности других подклассов Y2, Y3, ..., Yn, принадлежащих классу Y ($X \in Y1, |Y1| \geq |Yi|, 2 \leq i \leq n$).

На основе применения методики когнитивной интерпретации полученных семантических данных была построена когнитивная модель исследуемого концепта «обычный/распространенный», которую можно представить в виде таблицы:

№	Прилагательное	<i>common</i> 1	<i>common</i> 2	<i>ordinary</i>	<i>typical</i>	<i>popular</i>
	Признак					
1	Объект (X) представлен как одушевленный	+		+	+	
2	Объект (X) представлен как неодушевленный физический объект	+	+	+	+	+
3	Объект (X) представлен как не физический (абстрактный)	+	+	+	+	+

4	Объект (X) рассматривается как частотный, являясь элементом подкласса Y1	+				
5	Качество, свойства объекта (X) оцениваются говорящим негативно		+			
6	Говорящий осмысляет объект (X) как не обладающий оригинальными свойствами, отличающимися его от других однотипных объектов			+		
7	Говорящий осмысляет объект X как обладающий набором свойств, общих для определенной группы объектов				+	
8	Говорящий осмысляет объект X как пользующийся всеобщим признанием					+
9	Говорящий осмысляет объект X как свойственный, присущий большинству людей					+

В данной таблице знак «+» обозначает наличие соответствующего признака в когнитивной структуре языковой единицы. Таким образом, можно выделить интегральные и дифференциальные признаки в семантике исследуемых прилагательных.

СОКРАЩЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СЛОВАРЕЙ

MED — Macmillan English dictionary for Advanced learners. — U. K.: International student edition, 2002. — 1692 p.

CamED — Cambridge Advanced Learners dictionary, second edition. — London: Cambridge University Press, 2005. — 1572 p.

CoLED — Collins cobuild English dictionary. — London: Harper Collins Publishers Ltd, 1995. — 1951 p.

LEA — Longman Essential Activator. — Edinburgh: Addison Wesley Longman Limited, 1997. — 997 p.

LDCE — Longman dictionary of contemporary English. — Edinburgh: Pearson education limited, 2007. — 1949 p.

LWD — Longman Wordwise Dictionary. — Edinburgh: Pearson Education Limited, 2003. — 721 p.

Гусарова Н. Г.

Gusarova N. G.

АНГЛИЙСКИЙ ПОГОВОРКИ И ПОСЛОВИЦЫ КАК ОТРАЖЕНИЕ СЕМЕЙНЫХ ЦЕННОСТЕЙ АНГЛИЧАН

ENGLISH PROVERBS AS A REFLECTION OF THE ENGLISH FAMILY VALUES

Аннотация: В статье анализируются английские пословицы и поговорки, описывающие традиционный семейный уклад английской семьи.

Ключевые слова: культура, традиции, семья, семейные отношения, воспитание детей, пословицы, поговорки.

Abstract: The article studies English proverbs describing an English family way of life.

Keywords: culture, tradition, family relations, parenting, proverbs.

На протяжении многих лет и по сей день существует мнение, что одной из отличительных черт жителей Туманного Альбиона является их приверженность традициям. К таким традициям можно отнести, например, 5 часовое чаепитие или левостороннее движение транспорта.

Википедия определяет понятие «традиция», как множество представлений, обрядов, привычек и навыков практической и общественной деятельности, передаваемых из поколения в поколение, выступающих одним из регуляторов общественных отношений. В наш сложный, богатый на дра-

матические события век именно традиции дают некое ощущение постоянства и стабильности, частично отраженное в общеизвестной фразе “*No news is good news*”.

Считается, что главная роль в деле сохранения и воспроизведения традиций отводится семье; при этом семья существует и развивается благодаря следованию традициям. Семья является основой для всех других общественных форм, она создает фундамент и культуры, и цивилизации.

Повседневная частная жизнь человека определяет культуру семьи и накладывает свой отпечаток на все сферы ее существования. Здесь рождаются и культивируются традиции и обычаи, складываются внутрисемейные отношения, формируется авторитет родителей, отношение их к труду и воспитанию детей, к дому и многое другое.

Семьи каждого народа имеют свои индивидуальные черты и особенности, правила поведения, обычаи и традиции. Все это нашло отражение в языке, который «не только отражает культуру своего народа, его социальное устройство, менталитет, мировоззрение, но и хранит накопленный им социокультурный пласт, который служит важнейшим и эффективным способом формирования следующих поколений, то есть [язык является] инструментом культуры» [1. С. 87]. Таким образом, язык не только отображает действительность, но из поколения в поколение воспроизводит культурные традиции народа, отражает особенности национального характера, стереотипы поведения, этические и моральные установки. Наиболее кратко, ярко и метко они зафиксированы в пословицах и поговорках.

Но современность, наполненная компьютерами, интернетом, мобильными телефонами и т. д., вносит свои коррективы даже в такое, казалось бы незыблемое понятие, как семья. В последние десятилетия наблюдается изменение структуры семьи. К таким изменениям относятся и рост неполных семей, и появление большого количества одиноких людей, которые сознательно не желают вступать в брак и создавать стабильные партнерские отношения, и увеличение количества детей, рожденных от родителей, не состоящих в браке (в 1971 г. таких малышей было меньше десяти процентов, в 2011 г. — почти половина). [2]

Так, в 1997 г. на Всемирном конгрессе семей в Праге Стокгольм был объявлен «первым постсемейным городом», потому что 70% людей не имели, не имеют и не планируют создавать семьи. Профессор В.Н. Лексин (Институт системного анализа РАН), описывая это явление, использует такие термины, как «антисемейная идеология» и «антисемейная философия» [3, с. 30, 33].

Особенно интересно в данном контексте сопоставить английские пословицы и поговорки, отражающие различные стороны семейной жизни, и ту реальность, которая существуют в Великобритании сегодня. Нами были выбраны пять областей семейной жизни. Это — 1) семейные узы; 2) дети; 3) обучение детей; 4) дом; 5) соседи.

Целью нашего исследования не является социологический анализ института семьи, поэтому мы не затрагиваем динамику вышеназванных явлений, приводя лишь немногие убедительные статистические данные.

I. Начать лучше всего с основы основ — семейных уз и взаимоотношений между мужем и женой. В английском языке пословицы, описывающие эту составляющую семьи, многочисленны и могут послужить руководством во многих жизненных ситуациях. Например:

— Важность и ценность кровного родства

Blood is thicker than water. (Кровь гуще воды). Аналоги в русском языке: *Свой своему поневоле брат; Свой дурак дороже чужого умника; Свое дитя и горбато, да мило.* [4]

— Ответственность за выбор супруга:

Marry in haste, repent at leisure. (Жениться в спешке — сожалеть на досуге). В русском языке: *Жениться — не воды напиться.*

A great dowry is a bed full of brambles. (Богатое приданое все равно, что постель полная колючек.) Аналоги в русском языке: *Лучше на убогой жениться, чем с богатой браниться. Не бери приданое, бери милу девицу. Богатую взять — станет попрекать.*

All are good lasses, but whence come the bad wives? (Все девушки хороши, но откуда же тогда берутся плохие жены? Все невесты хороши, а откуда (отколь) берутся злые жены?)

Every Jack has his Jill. (Всякому Джеку суждена его Джил) Русские пословицы: *Всякая невеста для своего жениха родится. На всякий товар свой покупатель есть.* [4]

Нам не удалось выявить в английских пословицах аналогов русским: «Бьет, значит любит», «Люби жену, как душу, тряси ее, как грушу».

— Роль жены. Женщине отводилась очень важная роль в семье:

Behind every great man there's a great woman. (За каждым великим мужем стоит великая женщина.) В русском языке это звучит так: *Муж — голова, а жена — шея.*

Men make houses, women make homes. (Мужчины создают дома, а женщины. — домашний очаг.)

The hand that rocks the cradle rules the world. (Рука, раскачивающая люльку, правит миром.)

A good wife makes a good husband. (У хорошей жены и муж хорош.) Русская пословица: *Доброю женою и муж честен.* [4]

Однако, фактические данные опубликованной статистики говорят, что с течением времени жизненный уклад британских семей несколько изменился.

В XXI веке в Великобритании четвертая часть всех семей — это неполные семьи, причем в 9 случаях из 10 одним родителем является женщина; в Англии и Уэльсе совершалось больше сорока процентов браков заканчиваются разводом [2]; заключаются гражданские партнёрства. С легализацией однополых браков в Англии и Уэльсе гражданское партнёрство можно преобразовать в брак. В июле 2013 г. в Англии и Уэльсе, а в феврале 2014 г. в Шотландии был принят закон об однополых браках. На конец 2011 г. в Великобритании насчитывалось более пятидесяти тысяч однополых браков. [5]

II. Будущее семьи, независимо от того, в какой стране она живет, ее надежды и ожидания всегда были связаны с детьми. В.Н. Лексин цитирует американского социолога Дэвиса Кингсли: «связи детей и родителей отличаются особой крепостью» и «рожая детей, человек создает не только новые человеческие существа, но и новые прочные связи для себя самого» [3, с. 32]. Английские пословицы подтверждают это:

Happy is he that is happy in his children. (Счастлив тот, кто счастлив своими детьми.) Аналогичная русская пословица: *На что и клад, коли дети идут в лад.*

Children are poor men's riches. (Дети — богатство бедняков.)

The boy is father to the man. (Из мальчика вырастает мужчина.)

Every mother thinks her own gosling a swan. (Всякая мать считает своего гусенка лебедем.) В России говорят: *Дите хоть и криво, а отцу-матери диво.*

The black crow thinks her own birds white. (Всякой матери своё дитя мило.) [4]

Пословицы подчеркивают приоритет семьи в формировании личности человека:

Like parents, like children. (Каковы родители, таковы и дети.) В русском языке: Кто от кого, тот и в того.

Like begets like. (Подобное рождает подобное.) Аналог в русском языке: От яблони яблоко, от ели — шишка.

Like father, like son. (Каков отец, таков и сынок.) Русские пословицы: *Каков батька, таковы и детки. Каков батька, таков и сын. Каково дерево, таков и клин. Яблоко от яблони далеко не падает.*

Like mother, like daughter. (Какова мать, такова и дочь.) В России говорят: *Какова matka, таковы и детки.* [4]

Наследуется не только хорошее, но и плохое, причем нередко с обратным знаком. Как говорится, в семье не без урода:

A miserly father makes a prodigal son. (У отца-скряги сын может оказаться мотом.) В русских семьях: *Скупые умирают, а дети сундуки открывают. Бывает, что отец копит, а сын деньгами сорит. Отец накопил, а сын раструсил.* [4]

Поговорки отражают и ошибки в воспитании детей и — хоть и неявственно — последствия таких ошибок:

Many a good cow has a bad calf. (Плохие телята и от хороших коров рождаются.)

Many a good father has but a bad son. (У многих хороших отцов плохие сыновья.)

A child may have too much of his mother's blessing. (Мать своей любовью может испортить ребенка.)

Spare the rod and spoil the child. (Пожалеешь розгу — испортишь ребёнка.) [4]. Последнее, правда, уже запрещено в Великобритании.

III. Уважительное отношение к обучению и образованию нашло отражение и в английских пословицах. Родители всегда хотят для своих детей лучшего будущего и стремятся сделать максимум того, что от них зависит, чтобы их дети учились в высших учебных заведениях, что позволило бы им

получить высокооплачиваемую престижную специальность. Так, например, в 2013 г. в Соединенном Королевстве было почти восемьсот тысяч выпускников высших учебных заведений — наибольшее количество в ЕС. [6, с. 4] Более сорока процентов населения Великобритании имеет высшее образование (восьмое место в мире). [7] Например:

Better unborn than untaught. (Лучше не родиться, чем неучем жить.)

Better untaught than ill-taught. (Лучше быть необученным, чем плохо обученным. Недоученный хуже неученого. Полузнание хуже незнания.)

It is never too late to learn. (Учиться никогда не поздно. Для ученья нет старости.) В России говорят: Век живи, век учись.

Zeal without knowledge is a runaway horse. (Рвение без знания все равно, что лошадь, закусившая удила. Усердие не по разуму приносит вред. Рвенье без ученья — не польза, а беда.) [4]

Но, как и в прежние времена, так и сейчас (в гораздо большей степени) получение качественного образования в Великобритании проблематично для детей из семей со средним достатком и практически невозможно для неимущих слоев.

IV. Семейные взаимоотношения развиваются в реальном пространстве, которое является местом сосуществования и во многом определяется как семейным достатком, так и уровнем образования. То есть, речь идет о доме. Отношение англичан к дому выражено в общеизвестной пословице: *My house is my castle.* (Мой дом — моя крепость.) Но существует еще много других. Вот некоторые из них:

East or West — home is best. (Восток ли, запад ли, а дома лучше всего.) Мы говорим: *В гостях хорошо, а дома лучше. Свой уголок хоть боком пролезть — всё лучше.*

Home is where the heart is. (Дом там, где сердце.) Для нас: *Дома лучше.*

There is no place like home. (Свой дом — самое лучшее место.)

The furthest way about is the nearest way home. (Самая длинная окольная дорога — ближайший путь домой.) Русский аналог: *Хоть по уши плыть, а дома быть.*

Every bird likes its own nest. (Всякая птица свое гнездо любит.) Русские пословицы: *Всяк кулик свое болото хвалит. Глуна та птица, которой гнездо свое не мило.*

Good masters make good servants. (У хороших хозяев — хорошие слуги.) В России говорят: *Хорош садовник, хороши и крыжовник. Хозяин хороши — и дом хороши. Каков поп, таков и приход.*

Charity begins at home. (Милосердие (благотворительность) начинается у себя дома.)

A house divided against itself cannot stand. (Раздор между своими к добру не приведёт.) [4]

Однако, по мнению *The Guardian*, понятие «дом навеки» исчезает. Сегодня треть взрослого населения дважды меняла место жительства за последние три года, а почти пятая часть признается, что не знает, как долго они будут жить в нынешнем жилье. Почти половина живут в арендуемом жилье, и почти четверть проживают в одном жилом помещении с чужими людьми (не членами семьи), т. е. фактически в коммунальных квартирах. [8]

V. Среди других народов англичане считаются индивидуалистами, предпочитающими свой собственный мир общению с другими людьми и ценящими покой и независимость. Так, Т. В. Ларина в своей книге «Англичане и русские: язык культуры, коммуникация» пишет: «Идеология индивидуализма, независимости, отгороженности от внешнего мира, важности личного пространства находит отражение во многих английских пословицах и поговорках...» [9, с. 69] (При этом многие путешественники отмечают дружелюбие и отзывчивость англичан по отношению к иностранцам.) Англичане считают, что:

A good neighbour is a fellow who smiles at you over the back fence, but doesn't climb over it. (Хороший сосед — это тот, кто улыбается тебе через забор, но не перелезает через него.)

Good fences make good neighbours. (За хорошим забором — хорошие соседи.)

Love your neighbour, yet pull not down your fence. (Соседа люби, да забор не сноси.)

Sweep before your own door. (Подмета́й перед своей дверью.) Русские аналоги: *Не кивай на соседа. Не в свое дело не суйся.* [4]

Можно сказать, что взаимоотношение с соседями — единственная сторона семейной (или домашней) жизни англичан, которая сильно не изменилась. Однако, и здесь социологи склонны видеть некоторую деградацию отношений.

Британская страховая компания Черчилль провела исследование, и выяснилось, что британцы становятся все более изолированными от местных сообществ, причем более половины не знает имен своих соседей, почти три четверти не знают полного имени соседей, а около трети не знают их в лицо. По мнению Мартина Скотта, главы компании, «за последние годы, вследствие изменения образа жизни, работы и общения, отношения с нашими соседями очень сильно изменились».

Более десяти процентов опрошенных сказали, что они не доверяют и стараются избегать людей, по соседству с которыми они живут. Среди молодых людей количество испытывающих негативные чувства по отношению к соседям достигает двадцати процентов. [10]

Несомненно, пословицы являются энциклопедией народной мудрости. Они хранят и передают от поколения к поколению то, что представляется наиболее важным для данного народа, сохраняют его традиции и социальную целостность. Она основана, главным образом, на следовании базовым ценностям, одной из которых является институт традиционной семьи. Отрицание традиций, индивидуализм ведёт к утрате этих ценностей; и первой жертвой здесь становится семья, где рушатся нравственные устои не только семьи, но и общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Тер-Минасова, С. Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб. пособие. М.: Слово, 2000.
2. www.adoptionuk.org
3. Лексин В. Н. Идеологические основы упадка современного института семьи // *Общественные науки и современность*. 2011, № 2.
4. <http://www.homeenglish.ru/Proverb.htm>
5. <https://ru.wikipedia.org/>
6. [http://www.spbstu.ru/Статистика высшего образования в Европе](http://www.spbstu.ru/Статистика_высшего_образования_в_Европе)
7. <http://polismi.ru/>
8. <http://theguardian.co.uk> 14 марта 2014.
9. Ларина Т. В. Англичане и русские: язык культуры, коммуникация. — М.: Языки славянских культур, 2013. — 360 с., ил.
10. <http://theindependent.co.uk> 13 октября 2013.

Зиновьева И. Г., Парфёнов Е. В.
Zinovyeva I. G., Parfenov E. V.

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯПОНСКОГО ЯЗЫКА В ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ МИД РОССИИ

MAIN ASPECTS OF TEACHING JAPANESE IN DIPLOMATIC
ACADEMY OF THE MINISTRY OF FOREIGN AFFAIRS

Аннотация: В статье рассматриваются основные принципы современных методик обучения иностранным языкам применительно к преподаванию японского языка в Дипломатической Академии МИД РФ.

Ключевые слова: когнитивно-коммуникативный подход; омоним; иероглифика; синхронный перевод.

Abstract: The article examines the main principles of current methodology of teaching Japanese in Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.

Key words: cognitive and communicative approach; homonym; hieroglyph (Japanese characters); simultaneous interpretation.

Обучение японскому языку в Дипломатической Академии МИД РФ ведётся уже давно. Её выпускники успешно работают в МИД и других организациях Российской Федерации. Методики обучения иностранным языкам за последние годы претерпели значительные изменения, при этом общедидактические и методические принципы обучения восточным языкам начали разрабатываться не так давно. Основываются они на общих для обучения иностранным языкам принципах и методиках, сформулированными, в частности, Е. И. Пассовым. [1]

Предлагаются следующие основополагающие иерархии:

1. Принципы первого ранга, которые составляют основу обучения любому предмету.
2. Принципы второго ранга, то есть лежащие в основе обучения иностранному языку вообще.
3. Принципы третьего ранга, предполагающие основы обучения различным видам речевой деятельности.
4. Принципы четвёртого ранга, имеющие значение для узких, специализированных сфер обучения.

Российскими исследователями разработаны также такие принципы обучения иностранным языкам, как принцип активности, принцип сознательности [4], принцип наглядности, принцип развивающего обучения, принцип доступности (т.е. обучение на уровне возможностей обучаемого) и принцип прочности (закрепление пройденного материала). [7]

При обучении японскому языку в ДА МИД соблюдаются все указанные выше принципы, однако обучение восточным языкам, в частности японскому, предполагает некоторые особенности. На начальном этапе обучения широко применяются учебные пособия отечественных авторов, основанные на когнитивно-коммуникативном подходе, предложенном Л. Т. Нечаевой. [6]

Японский язык чрезвычайно труден для изучения, так как имеет грамматический строй, согласно последним исследованиям, который относят к алтайской группе языков и очень своеобразную письменность, которая признаётся самой сложной в мире. Этим обусловлена и необходимость глубокого понимания мышления японцев, что, в свою очередь, связано с необходимостью изучения национальных традиций и культуры. Без понимания этого нередко невозможно осуществление правильного перевода.

Для соблюдения принципа активности очень большое значение придаётся самостоятельной работе студентов, причем уже с первых дней обучения в Академии. Студентам приходится тратить много времени на заучивание большого количества знаков иероглифической письменности, запоминание двух фонетических азбук — хирагана и катакана. [3] В отличие от китайского языка, где иероглиф имеет одно или два чтения, в японском языке их количество гораздо больше. При этом существует и трудность сочетания чтений при использовании смешанной письменности и исторически сложившихся нестандартных чтений иероглифики. [8] Без знания и сопоставления чтений последних невозможно и постичь принципы словообразования, которое также имеет свои особенности и сложности и никоим образом не может быть сравнимо с таковым в европейских языках. Поэтому на начальном этапе обучения студентам приходится заучивать наизусть, не понимая глубоко, большой объём лексических единиц, фонетически

нередко одинаковых. Это часто приводит к тому, что студенты путают слоги и запоминают в результате другое слово.

Нельзя не привести цитату из работы Е.В. Маевского: «Японский язык оставляет позади и корейский, и сам китайский, не говоря уже о языках с фонетическими письменностями, по сложности устройства письма (точнее, по количеству соответствий между устными и письменными единицами, которые необходимо запомнить, чтобы быть грамотным человеком), и является в этом отношении абсолютным рекордсменом современного мира». [5]

Естественно, такой огромный объём материала не может быть освоен только в аудитории, во время занятий с преподавателем и поэтому возникает необходимость тщательного отбора предлагаемого студентам материала и обдумывание домашних заданий.

Особенность иероглифической письменности состоит в том, что один знак означает целое понятие. Сложный иероглиф из элементов, которые образуя целое, дают возможность воспринять явление. На начальном этапе, пока не все элементы изучены, запоминание иероглифов и их чтений представляет значительную трудность. Из нескольких способов мнемотехники студенты выбирают, как правило, один, наиболее им подходящий. В Академии используются специальные материалы для совершенствования каллиграфии. Таким образом, применяется и принцип наглядности.

Японская письменность имеет и ещё одну особенность: аутентичные газетные тексты, художественная литература используют вертикальное письмо справа налево, тексты же предлагаемых учебных пособий используют горизонтальное письмо слева направо. В Академии используются тексты обоих видов с целью подготовки студентов к работе с любыми их разновидностями. В противном случае возникали казусы, когда студенты, не получившие соответствующей подготовки, пытались читать вертикальный текст по горизонтали слева направо. Результаты были плачевными.

Ни для кого не является секретом, что изучаемый язык оказывает своеобразное влияние на психологию и поведение личности. Изучение культуры, традиций и обычаев народа изучаемого языка, безусловно, накладывает свой отпечаток.

Освоение японского языка — это огромный труд, затрачиваемый на учебный процесс, постижение характера народа, его мышления подсознательно влияет и на формирование личности обучаемого. Студенты-японисты, как правило, дисциплинированы, внимательны и тактичны.

Придаётся в Академии большое внимание и принципу прочности, закреплению пройденного материала. Благодаря наличию достаточного количества учебного материала, имеется возможность отрабатывать темы вначале на элементарном, и затем на всё более сложном уровнях. Это позволяет глубоко изучить материал. Таким образом, отрабатываются не только общеобразовательные, но и специальные, политические и экономические тексты. По этой методике в начале изучения темы даётся глоссарий, затем несложные тексты и далее тексты нарастающей сложности. Благодаря этому студенты получают хорошие навыки понимания текстов, могут перефразировать сложные понятия, излагать их более лёгким и доступным языком, а также внедрять в свою речь и более сложные структуры. Параллельно проводится отработка начальных навыков синхронного перевода.

Е.И. Пассов [7] в своих работах рассматривает методические принципы специфики обучения иностранному языку. В частности, принцип устной основы, то есть устного опережения. К сожалению, этот принцип, по мнению авторов малоприменим к иероглифическим языкам потому что, как указывалось выше, языки эти представляют собой «клиповый» текст, и зачастую без наглядной поддержки перевод невозможен, в том числе из-за большого количества омонимов. Впрочем, на начальном этапе, когда применяется метод простого запоминания, он себя оправдывает и широко используется при обучении на первом курсе Академии. Применяется он и позже, когда студенты приступают к изучению вежливой речи и правил ведения конференций и совещаний. Этот курс предполагает обширный объём штампов для заучивания, что, в свою очередь, обеспечивает и развитие навыков синхронного перевода, так как их использование позволяет не сосредотачиваться на переводе общепринятых формул, а уделять внимание основному тексту. Как отмечает О.Н. Грунина «... проблема совместимости принципа устного опережения

со сложной системой японского письма решается сложно и в разных ВУЗах по-разному: от записывания тестов транскрипцией до введения иероглифики в качестве самостоятельного аспекта». [2]

В Академии отдаётся приоритет комплексному подходу, то есть последовательному постижению студентами одновременно и письменности, и грамматики, и, параллельно с этим, усвоению навыков аудирования, овладение которыми, по нашему мнению, немислимо без письменной базы вследствие высокой омонимичности японского языка. А это приводит к тому, что при записи расшифровки фонограммы могут быть ошибочно использованы другие иероглифы, что ведёт к полному искажению смысла.

Огромное значение при обучении в Академии имеет принцип учёта родного языка. Без этого невозможно обучение двустороннему переводу. На начальном уровне без опоры на родной язык невозможно объяснение соответствия грамматических структур. [6] Общеизвестно, что метод прямого обучения не всегда даёт результаты, а иногда приводит к искажению понимания. Обучение искусству двустороннего перевода (последовательного и началам синхронного) в Академии уделяется большой внимание. Исходя из собственного опыта работы переводчиками, можно сказать, что хорошие результаты даёт предоставление большого количества аутентичных текстов, которые дают возможность проследить использование одних и тех же лексических единиц и грамматических структур в текстах разной направленности. Это позволяет понять, что одно и то же слово может переводиться по-разному. Ведётся и обучение работе со словарём, который иногда даёт лишь основное значение, из которого, следуя смыслу текста, предлагается вывести соответствующее выражение на русском языке.

Ряд методик, предлагаемых японскими исследователями, при ближайшем рассмотрении оказываются не совсем подходящими к условиям, когда основной упор делается на развитие навыков перевода. При обучении японскому языку в Академии обращается внимание и на культурологический аспект. Начиная со второго курса, студенты изучают учебник, изданный в Японии «Нихондзин но кокуро га вакару нихон-

го» («Понять менталитет японца»). Данный учебник всесторонне отражает различные аспекты общения японцев и их поведение в быту. В нём используется много идиоматических выражений, при этом разъясняются случаи уместного употребления и происхождение идиом и пословиц.

Исходя из вышеуказанного, можно отметить, что в процессе обучения японскому языку в Дипломатической Академии МИД РФ соблюдены все основные принципы и методики, разработанные отечественными исследователями. Дипломатическая Академия, являясь ВУЗом, подведомственным МИД РФ, уделяет особое внимание обучению профессиональным навыкам, необходимым для успешной работы в соответствующих Департаментах МИД, то есть углублённое изучение политико-дипломатической лексики. На экономическом факультете даются достаточные сведения по теории и практике экономического перевода и преподаются основы ведения деловой переписки на русском и японском языках. При обучении используются наработки ведущих российских и японских педагогов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов В. Н. Япония: язык и общество. Муравей; М.; 2003.
2. Грунина О. Н. Методика формирования переводческой компетенции у студентов специализированных вузов при обучении японскому языку. Дис. канд. пед. наук. М.; 2012. 186 стр.
3. Лаврентьев Б. П. Практическая грамматика японского языка. Уч. пособие. Изд. «Живой язык»; М.; 1998. 7 стр.
4. Леонтьев А. Н. Психологические вопросы в сознательности учения//в сб. «Известия АПМ РСФСР». М.; 199 стр.
5. Маевский Е. В. Графическая стилистика японского языка как проявление культурных стереотипов. Муравей-Гайд; М.; 2000. 176 стр.
6. Нечаева Л. Т. Научно-методические основы структуры и содержания учебников японского языка для русскоговорящих. Дис. докт. пед. наук в форме научного доклада. М.; 2008. 80 стр.
7. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. Русский язык; М.; 1989. 276 стр.
8. Зиновьева И. Г.; Парфёнов Е. В. Нестандартные чтения японских иероглифов. Учебный словарь. М.; 2017.

Казанцев С. В.
Kazantsev S. V.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА США

SOME PECULIARITIES OF THE US CRIMINAL JUSTICE VOCABULARY

Аннотация: В статье рассматривается базовая лексика американского уголовного судопроизводства на примере системы судопроизводства штата Нью-Йорк, и приводятся варианты её перевода. Некоторые трудности с таким переводом возникают из-за того, что отдельные процедуры и понятия отсутствуют в российском судопроизводстве, а имеющиеся зачастую имеют иной характер.

Ключевые слова: право, лексика уголовного судопроизводства, калькирование, описательный перевод.

Abstract: Basic lexis of the American criminal court is reviewed in this article, with the New York State criminal justice system as an example, and versions of its translation into Russian are given. Such translation is somewhat hindered by the absence of certain procedures and concepts in the Russian court system, while some of the existing ones are of a different character.

Key words: law, criminal court vocabulary, loan translation, descriptive translation.

В быстро изменяющемся современном мире, к сожалению, мы всё чаще сталкиваемся с ситуациями, когда граждане РФ подвергаются аресту за рубежом и выдаются по запросу иностранных государств, прежде всего США, даже когда они, по их убеждению, никаких преступлений не совершали. Для того чтобы быть чуть более готовыми к подобным случаям, а также к оказанию помощи (прежде всего, в плане перевода и понимания происходящего) нашим согражданам, оказавшимся фигурантами подобных процессов, представляется, что было бы бесполезно иметь некоторое представление об особенностях американского уголовного судопроизводства, учитывая, что почти на всех его стадиях приходится иметь дело с реальностями, и, соответственно, с отражающими их лексическими единицами, отсутствующими в русском языке.

1. АРЕСТ

Итак, Вы взяты под стражу/арестованы (arrested) полицейским (police officer). Основанием для ареста является наличие у полицейского повода полагать, что Вы нарушили закон, со-

вершив тяжкое преступление (felony), преступление небольшой тяжести (misdemeanor) или мелкое правонарушение (violation). Различия между этими видами правонарушений заключается в том, что тяжкое преступление (felony) может караться тюремным заключением более одного года или смертной казнью, преступление небольшой тяжести (misdemeanor) наказывается тюремным заключением от пятнадцати суток до одного года, а мелкое правонарушение (violation) — тюремным заключением до пятнадцати суток или штрафом [1].

Если Вы арестованы по подозрению в совершении тяжкого преступления, арестовавший Вас полицейский должен составить рапорт о совершении тяжкого преступления (felony complaint) и подать его в уголовный суд (Criminal Court). Если Вас обвиняют в совершении преступления небольшой тяжести, полицейский составляет рапорт о совершении преступления небольшой тяжести (misdemeanor complaint) и подаёт его в тот же уголовный суд (Criminal Court). Если же Вас обвиняют в мелком правонарушении, то Вас вообще не должны были арестовывать, однако полицейский должен был доставить Вас в наручники (handcuffs) в полицейский участок (police station) для вручения Вам повестки о явке в суд (desk appearance ticket). В повестке о явке в суд указываются день, время и место, куда Вы должны явиться для участия в судебном разбирательстве. Если, однако, Вы не появитесь в указанное время в указанном месте, судом выдаётся ордер на арест (bench warrant).

Уже на этой, начальной стадии возникают определённые сложности с переводом терминов felony и misdemeanor, поскольку тяжкие и особо тяжкие преступления и преступления средней и небольшой тяжести по УК РФ трактуются существенно иначе [2]. Другими словами, здесь мы имеем дело с лексическими единицами, отражающими реальности, отсутствующие в русском языке. Поэтому, во избежание недопониманий, следует либо калькировать английские термины как «фелония» и «мисдиминор», либо использовать описательный перевод; к примеру, «преступление, караемое тюремным заключением от одного года или смертной казнью». Калькирование, как более краткий вариант, в данном случае представляется предпочтительным, на что указывает и выбор англо-русского юридического словаря [3], где «фело-

ния» и «мисдиминор» приведены как единственный вариант перевода этих терминов.

2. РЕГИСТРАЦИЯ

После ареста Вас доставят в Отдел центральной регистрации (Central Booking), где Вас сфотографируют и снимут отпечатки пальцев, заведя таким образом на Вас полицейское досье (fingerprint report or rap sheet), если ранее такого досье не было.

Если прокурор (prosecutor), обсудивший Ваше дело с доставившим Вас полицейским, решит, что против Вас достаточно улик (evidence), он подготовит обвинение (charge/charges) против Вас. Если же прокурор решит, что против Вас недостаточно улик, Вы будете освобождены (released).

Если против Вас будут выдвинуты обвинения, с Вами проведет беседу представитель Агентства по уголовному судопроизводству (Criminal Justice Agency) на предмет того, установить ли Вам залог (set bail), освободить под расписку (release on your own recognizance) или держать Вас в заключении без залога (remand). Если судье будет установлен залог, он может быть внесён (posted) в любом судебном здании в рабочие часы или в любое время в КПЗ, где Вы содержитесь.

3. ПРЕДЪЯВЛЕНИЕ ОБВИНЕНИЯ

После регистрации Вам будет предъявлено обвинение (arraignment). Из него Вы узнаете, в чём Вас обвиняют (charges against you). Во время предъявления обвинения прокурор и Ваш адвокат (lawyer/attorney/consultant) могут обсудить возможность урегулирования (settling) Вашего дела без проведения судебного процесса (trial). Они могут обсуждать признание Вами вины (plea bargain), а Вы можете либо признать себя виновным (plead guilty), либо не признавать себя виновным (plead not guilty).

Во время предъявления обвинения решается вопрос о возможности Вашего освобождения под залог. Если Вас освободят под залог, Вы будете обязаны являться в суд всякий раз, когда будет назначено (calendared) слушание Вашего дела.

4. ПЕРЕГОВОРЫ О ПРИЗНАНИИ ВИНЫ

После ознакомления с Вашим делом Вами, т.е. обвиняемым (defendant), прокурором (prosecutor) и Вашим адвокатом (attorney) может быть предпринята попытка уладить или закрыть (settle or dispose of) Ваше дело без проведения судебного

процесса путём проведения переговоров с прокурором о признании Вами вины (plea bargaining).

Иногда прокурор может предложить Вам признать себя виновным (plead guilty) в обмен на обещание просить суд назначить Вам определённый приговор (sentence). В другом случае прокурор может предложить Вам признать вину в менее серьёзном преступлении (offense), чем то, в котором Вас обвиняют. Однако, поскольку приговоры выносит судья, все переговоры о признании вины должны быть утверждены судьёй (approved by the judge).

Переговоры о признании вины могут продолжаться вплоть до и даже во время судебного разбирательства. Кроме того, Вы можете в любой момент отказаться от судебного разбирательства путём признания всех обвинений против Вас, даже если прокурор не будет с этим согласен.

По каждой группе преступлений существует свой диапазон приговоров. Кроме того, может быть вынесен приговор, не предусматривающий тюремного заключения. Например, назначение лишения свободы условно, с испытательным сроком (probation) (по преступлениям средней и небольшой тяжести и некоторым тяжким преступлениям), условное освобождение без испытательного срока (conditional discharge), освобождение без каких-либо условий (unconditional discharge), возмещение убытков (restitution) или штраф (fine).

Поскольку в УК РФ понятия conditional discharge (условное освобождение) и unconditional discharge (освобождение без каких-либо условий) отсутствуют [2], существует определённая сложность в подыскании адекватных русских эквивалентов для этих терминов, которые не идентичны ни назначению лишения свободы условно, ни оправданию подсудимого. Калькирование (т.е. перевод как «условное освобождение») здесь не вполне уместно, поскольку возможно смешение с российским понятием лишения свободы условно, поэтому разумно было бы использовать в первом случае, пусть и более пространный, описательный перевод: «условное освобождение без испытательного срока».

5. БОЛЬШОЕ ЖЮРИ

Заседания Большого жюри (grand jury) закрыты для публики. В состав Большого жюри входит от шестнадцати до двад-

цати трёх человек, которые заслушивают показания (evidence) и решают, имеется ли достаточно доказательств (evidence), чтобы привлечь Вас к суду за фелонию. Если члены Большого жюри решают, что существует достаточно оснований, они голосуют за обвинительный акт (indictment).

У Вас есть право давать показания (testify) перед Большим жюри. Ваш адвокат также может присутствовать с Вами на этом заседании, однако он должен хранить молчание во время дачи Вами показаний (testimony). Ваш адвокат не может обращаться к Большому жюри или возражать (object to) против вопросов прокурора. Все Ваши переговоры с адвокатом в зале заседания Большого жюри должны проводиться шёпотом вне пределов слышимости членов Большого жюри (grand jurors). Если Вы решите давать показания перед Большим жюри, Вас может подвергнуть перекрёстному допросу (cross-examination) прокурор. Вы также можете просить, чтобы Большое жюри выслушало свидетелей, желающих дать показания в Вашу пользу, хотя Вы не сможете находиться в зале заседания Большого жюри в момент дачи ими показаний.

Если Большое жюри не проголосует за выдвижение обвинительного акта, Вас освободят из тюрьмы. Если Большое жюри проголосует за обвинительный акт, Ваше дело будет переведено из Уголовного суда (Criminal Court) в Верховный суд (Supreme Court) для предъявления в течение нескольких недель другого обвинения (arraignment). Это предъявление обвинения сходно с предъявлением обвинения (arraignment) в Уголовном суде. Вас официально обвинят в преступлениях, за которые проголосовало Большое жюри и которые упоминаются в обвинительном акте. Условия Вашего залога также могут быть пересмотрены, и вновь могут иметь место переговоры о Вашем признании вины. Если Вы не признаете себя виновным, Ваше дело будет отложено (adjourned) и направлено в суд (calendar part) для назначения даты последующих слушаний.

Большое жюри, как реалия, отсутствует в российском праве [4]; кроме того, ввиду использования одного слова («jury») для обозначения двух разных понятий (Большое жюри — grand jury и присяжные — jury), возможны недоразумения и по этому поводу.

6. ПРЕДСУДЕБНЫЕ ХОДАТАЙСТВА

После передачи дела в суд, Ваш адвокат будет иметь возможность получить больше информации о позиции прокуратуры против Вас и изучить любые вещественные доказательства (physical evidence) через направление прокурору досудебного истребования сведений по делу (discovery). Ваш адвокат может также запросить судью проверить, было ли предоставлено достаточно доказательств Большому жюри для предъявления обвинительного акта. Если по изучении протокола (transcripts) заседания Большого жюри судья сочтёт, что достаточных доказательств того, что Вы совершили действия, в которых Вас обвиняют, не было, он/она отклонит (dismiss) обвинения или снизит обвинения до менее серьёзных, если имеющиеся доказательства указывают, что были совершены только менее серьёзные преступления.

Если полицейскими у Вас было изъято какое-либо имущество, или Вы сделали им заявление (statement), Ваш адвокат может подать ходатайство (motion) об изъятии (suppression) полученных таким способом доказательств. В этом случае судья может дать распоряжение провести слушания об изъятии таких доказательств (suppression hearings), причём у Вас будет право присутствовать на таких слушаниях. Если судья подтвердит изъятие этих доказательств, прокурор не сможет использовать их против Вас на судебном процессе, и, если у прокурора нет других доказательств против Вас и он/она не будет намереваться обжаловать (appeal) решение судьи, он/она, скорее всего, будет ходатайствовать о прекращении (file a motion to dismiss) Вашего дела.

7. СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС

Когда все досудебные слушания завершены, а Вы продолжаете настаивать на своей невиновности, Ваше дело передаётся в отдел присяжных (jury part) для проведения судебного процесса (trial), на котором судья (judge) или присяжные (jury) решат, доказал ли прокурор Вашу виновность при отсутствии разумных оснований для сомнения (beyond reasonable doubt). Вы можете отказаться от присяжных (waive a jury) и быть судимы судьёй. Вы не можете, однако, оказаться от присяжных, если Вас обвиняют в преступлении, за которое возможным приговором является смертная казнь.

Судебный процесс (trial) проводится в зале суда (courtroom), куда свободно допускается публика. В каждом зале суда находятся его сотрудники. В дополнение к судье, рассматривающему ваше дело, присутствуют один или более судебных секретарей (clerks), несколько охранников в униформе (court officers), официальный судебный стенографист (court reporter) и официальный судебный переводчик (court interpreter), в случае, если английский не является Вашим родным языком.

Судебный процесс с присяжными заседателями (jury trial) начинается с отбора присяжных из жителей графства (county), в котором Вас судят (you are tried). В начале процесса в зал суда войдёт большое количество людей из списка потенциальных присяжных заседателей (jury panel). Судебный клерк (court clerk) будет называть имена людей, сидящих на скамье присяжных (jury box). Каждому из них судья, прокурор и Ваш адвокат будут задавать вопросы о том, могут ли они быть справедливым и беспристрастным (fair and impartial) заседателем (juror) по этому делу. Если какой-либо из заседателей выкажет пристрастие (expresses bias) или заявит о том, что он/она не сможет быть справедливым, он/она будет отведён на конкретном основании (challenged for cause) и не будет присяжным на Вашем процессе. В дополнение к этому прокурор или Вы (через своего адвоката) можете отвести (object to) любого из присяжных, даже если не было указаний на сомнения в том, что он/она смогут быть справедливыми и беспристрастными. Это называется отводом без указания причины (peremptory challenge). Количество таких отводов зависит от тяжести преступления, в котором Вас обвиняют.

После утверждения необходимого числа присяжных их приводят к присяге (sworn), усаживают на скамью присяжных, и судья объясняет им процедуру судебного процесса и их обязанности.

Затем прокурор делает вступительное заявление (opening statement), обращённое к присяжным, в котором он/она рассказывает, каким образом собирается доказать, что Вы совершили преступление. Ваш адвокат также может сделать вступительное обращение к присяжным, но это не является обязательным. Доказательства (evidence) состоят из показаний (testimony) свидетелей (witnesses), данных под присягой

(under sworn oath), и вещественных доказательств (physical evidence, or exhibits). Допрос прокурором свидетелей, дающих показания против Вас, называется прямым допросом (direct examination). Если Ваш адвокат сочтёт необходимым допросить этих же свидетелей, это будет перекрёстным допросом (cross-examination). Обе стороны могут ходатайствовать о предоставлении вещественных доказательств.

После представления прокурором своей части дела, Вы имеете право представить свою, называемую защитой (defense). Вы имеете абсолютное право давать (to testify) или не давать показания (not to testify). Вы также можете решить не давать показания, а представить со своей стороны свидетелей. Если Вы будете выставлять свою защиту, судья может разрешить прокурору представить дополнительные доказательства в опровержение (in rebuttal) тех доказательств, которые представили Вы. Если судья разрешит представление контр-доказательств (rebuttal evidence), то Вашему адвокату может быть разрешено представить доказательства в ответ на опровержение прокурора. Это называется переопровержением (surrebuttal).

После представления доказательств Ваш адвокат, а затем прокурор выступают перед присяжными со своими заключительными речами (summations). Каждый из них будет пытаться убедить присяжных осудить (convict) или оправдать (acquit) Вас. После заключительных речей адвоката и прокурора судья произносит напутственное слово присяжным (jury charge or jury instruction), где разъясняет присяжным закон, применяемый в Вашем деле. Затем присяжные удаляются в отдельную комнату и будут совещаться (deliberate) там за закрытыми дверями.

Решение присяжных называется вердикт (verdict). Если присяжные решают, что представленные доказательства не доказывают Вашу вину при отсутствии разумных оснований для сомнения, то их вердикт будет «не виновен» (not guilty), в противном случае вердикт будет «виновен» (guilty). Если Вас обвиняют в нескольких преступлениях, присяжные могут признать Вас виновным в некоторых и невиновным в остальных.

Вердикт присяжных должен быть единогласным. Иногда, после долгих совещаний, присяжные докладывают о том, что они не могут прийти к соглашению о вердикте. Это называется «присяжные, не пришедшие к единому мнению» (hung

jury). Если это происходит, судья объявляет судебный процесс несостоявшимся (mistrial), а прокурор решает, будет ли возбуждаться новый судебный процесс по Вашему делу.

Если Вас признали невиновным по какому-либо обвинению, это значит, что Вас оправдали (acquitted) по нему, и Вас больше никогда не смогут судить по тому же обвинению. Если Вас оправдали по всем обвинениям, Вас немедленно освобождают. Если вас признали виновным (convicted), Ваше дело будет отложено (adjourned) для вынесения приговора (sentencing).

Существенным отличием американского судопроизводства от российского [4] является наличие понятия «присяжных, не пришедших к единому мнению» (hung jury). В данном случае калькирование явно неуместно, поэтому приходится обходиться многословным описательным переводом. Кроме того, в американской системе, в отличие от российской, вынесение приговора производится на отдельном судебном слушании.

8. ВЫНЕСЕНИЕ ПРИГОВОРА

В случае признания Вами вины или признания Вас виновным в ходе судебного процесса судья выносит Вам приговор (sentence). Вы, Ваш адвокат, прокурор и, в некоторых случаях, сторона, пострадавшая от Вашего преступления, имеют возможность выступить перед судьёй по поводу Вашего приговора. Если Вас признали виновным в совершении преступления, за которое возможен смертный приговор, вынесение приговора будет происходить перед присяжными, которые должны решить, приговорить ли Вас к смертной казни или к пожизненному тюремному сроку без возможности условно-досрочного освобождения (life imprisonment without the possibility of parole).

Перед вынесением приговора в деле, где смертная казнь не является возможным приговором, отдел по испытательным срокам (Probation Department) подготовит для судьи справку о вашей биографии и обстоятельствах преступления (pre-sentence report), с целью составления которой сотрудник отдела будет предварительно встречаться с Вами. Ваш адвокат и прокурор также могут подготовить свои меморандумы (pre-sentence memoranda) для судьи.

Приговор может представлять собой тюремное заключение различной длительности (jail or prison terms), условный

тюремный срок (probation), условное освобождение без испытательного срока (conditional discharge), освобождение без каких-либо условий (unconditional discharge), возмещение убытков (restitution) и штрафы (fines).

Если Вас приговорили к условному сроку, Вас освободят и Вы будете находиться под надзором отдела по испытательным срокам в течение указанного в приговоре срока. Если Вас приговорили к условному освобождению без испытательного срока, Вы не будете находиться под надзором (supervision) отдела по испытательным срокам, однако Вам придётся подчиняться определённым условиям. Вам также могут вынести отдельный приговор (split sentence), который является комбинацией срока тюремного заключения и последующего испытательного срока. Если Вас приговорили к освобождению без каких-либо условий, Вас освободят безо всяких условий. Штрафы и предписания о возмещении ущерба могут быть выписаны отдельно, либо в сочетании с другим приговором. В дополнение Вам будет необходимо уплатить судебную пошлину (surcharge) и денежный сбор на помощь пострадавшему от преступления (victim's assistance fee).

Кроме этого, если Вас осудят по более, чем одному делу, или если Вы уже отбываете другой срок, Вы можете быть приговорены к параллельным (concurrent sentences) или последовательным срокам заключения (consecutive sentences). В первом случае сроки заключения будут Вами отбываться одновременно, а во втором — один за другим. Если Вас осудили по нескольким обвинениям, Вас могут приговорить к комбинации параллельных и последовательных сроков тюремного заключения.

9. АПЕЛЛЯЦИИ

После вынесения Вам приговора у Вас есть право обжаловать (appeal) своё осуждение (conviction) или приговор (sentence). Ваша апелляция будет рассмотрена (decided) коллегией апелляционных судей (a panel of appellate judges) (апелляционным судом) (appeals court), в зону ответственности которого входит суд, в котором Вас осудили и приговорили. У Вас есть право на обжалование независимо от того, за какое преступление Вы осуждены и были ли Вы осуждены после судебного процесса или после признания Вами вины. Однако при признании Вами вины Вы лишаетесь права обжаловать некоторые вопросы.

Извещение (notice) о Вашем желании обжаловать должно быть направлено секретарю суда и в канцелярию прокурора в течение тридцати дней со дня вынесения приговора. Ваш апелляционный адвокат (appellate lawyer) получит от суда копию протоколов (transcripts) по Вашему делу, а также другие судебные документы. Он/она подготовит необходимые документы для обжалования (справку или ходатайство) (a brief or a motion). Если вы не приговорены к тюремному сроку, Вы можете присутствовать на апелляционных слушаниях (appellate argument).

Если Ваша апелляция завершится оставлением приговора в силе (affirmance), т.е. если апелляционный суд установит, что у Вас был справедливый судебный процесс (fair trial) или что Ваше признание вины (guilty plea) было принято подобающим образом, у Вас будет ограниченное право требовать дальнейшей апелляции в высшем суде штата, Суде апелляций (Court of Appeals).

Если Ваше осуждение будет отменено (reversed), Ваше дело может быть прекращено (dismissed), Вам могут назначить новый судебный процесс или слушание и, в некоторых случаях, Ваше признание вины может быть отменено (vacated). Если Ваше осуждение будет изменено (modified), Вам могут вынести менее строгий приговор. Кроме того, апелляционный суд может перевести (remit) Ваше дело в суд для проведения слушания по конкретному вопросу.

Вы можете ходатайствовать об освобождении из тюрьмы на время ожидания решения по апелляции. Это называется прошением об отсрочке (application for a stay). Если Ваше прошение об отсрочке будет удовлетворено, Вас могут выпустить под залог (on bail) или под расписку (on your own recognizance).

В отдельных случаях, даже если обвинения против Вас сняты (dismissed), прокурор может обжаловать Ваше дело. Это называется апелляцией прокурора (People's appeal). Однако прокурор не может обжаловать Ваше дело в случае вынесения оправдательного приговора (acquittal).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Уголовный кодекс Российской Федерации. От 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 07.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017).

2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 07.03.2017, с изм. от 16.03.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 30.03.2017).

3. Андрианов С.Н., Берсон А.С., Никифоров А.С. Англо-русский юридический словарь. М.: Русский язык, 1993. 512 с.

4. Паневкина Е.И. Legal and Legitimate?//В сборнике: Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник статей. ДА МИД России, 2017. С. 57–63.

5. Criminal Justice Handbook: Procedures from Arrest through Final Appeal. New York: The Association of the Bar of the City of New York, 2000. 30 p.

Коптелова И. Е.

Koptelova I. E.

РОЛЕВЫЕ ИГРЫ В РАБОТЕ СО СТУДЕНТАМИ-ЮРИСТАМИ

ROLE PLAY WITH LAW STUDENTS

Аннотация: В статье рассматривается возможность использовать ролевые игры, направленные на развитие профессиональных компетенций будущих юристов, предлагаются определенные тактики работы с ролевыми играми.

Ключевые слова: Профессиональные компетенции, ролевая игра, парная и групповая работа.

Abstract: The article examines the possibility of using role play to develop professional competencies of future lawyers. The author also offers some role play techniques to use in class.

Keywords: Professional competencies, role play, pair and group work.

Можно сравнить студентов, разыгрывающих успешную ролевую игру в классе, с группой детей, играющих в школу, больницу или магазин. Обе группы бессознательно создают собственную реальность и экспериментируют с этой реальностью, развивая способность взаимодействовать с другими людьми. Когда студенты играют «роль», они проигрывают какую-то часть специфической ситуации. «Играют» означает, что роль воплощается в обстановке, которая безопасна и в которой студенты наиболее творчески активны. Не присутствует ни один из рисков общения и поведения реального мира. Деятельность приятна и не угрожает личности студента.

«Проигрывание» роли способствует возникновению уверенности в своих силах.

Изложенное выше демонстрирует ту деятельность, которую включают в данное понятие. Ролевая игра, которую репетируют, заучивают и затем показывают другим, становится драматическим представлением. Ролевая игра должна касаться процесса проигрывания роли, а не конечного продукта. Это должно быть ясно с самого начала, так как многие студенты стесняются, когда их просят «сыграть» на публику. Ролевая игра может быть включена в симуляцию гражданского или уголовного процесса, она может быть частью драматических занятий, но ее проще организовать. Она чрезвычайно гибкий инструмент, предоставляющий возможность использовать упражнения для личной инициативы и воображения. Как ни парадоксально, порой требуется гораздо меньше усилий, чтобы сыграть хорошо известного реального или выдуманного персонажа, чем изобразить будущую профессиональную деятельность самих студентов.

Каковы особые причины, чтобы использовать ролевые игры на профессионально-ориентированных уроках английского языка?

Многие учат английский язык, чтобы затем использовать его в определенных сферах жизни. Для таких студентов полезно попытаться познакомиться и поэкспериментировать с языком, который им потребуется, в безопасной обстановке классной комнаты. [1] Для таких студентов ролевые игры — репетиция реальной жизни. Она дает им возможность не просто накопить ряд устойчивых фраз, но и научиться тому, как может происходить взаимодействие в разнообразных ситуациях. Через ролевые игры преподаватель может обучать студентов навыкам говорения в любой ситуации, что вынуждает их использовать широкий спектр функций и структур. Более того, ролевые игры ставят студентов в ситуации, когда требуется использовать и развивать такие формы языка, которые необходимы для живого общения, но которые трудно втиснуть в программу обучения. Многие студенты полагая, что язык имеет дело только с передачей информации от одного человека другому, не могут вести непринужденный диалог и, как следствие, часто кажутся неоправданно резкими и крат-

кими. Навыки социального общения как раз и можно создавать с помощью ролевых игр, начиная с очень низкого уровня знания языка.

Кроме того ролевые игры могут помочь многим застенчивым студентам, предоставив им своего рода «маску». Некоторым студентам чрезвычайно трудно участвовать в беседе, рассказывая непосредственно о себе, или в других действиях, основанных на их собственном опыте. Ролевые игры освобождают их, поскольку они не чувствуют, что затрагивается их личность. При этом студентам-экстроведам часто удается убедить своих более робких коллег, что им не о чем беспокоиться. Однако преподавателю следует помнить, что в любом классе или группе студенты во время нескольких первых ролевых игр более или менее сдержаны. Этого можно избежать, если давать студентам ролевые игры, основанные на какой-либо задаче. Например, можно включить упражнение по передаче информации в контекст ролевой игры. Неактивные студенты выполняют его просто как таковое, но закончив, они могут оглядеться и увидеть, что из такого упражнения можно извлечь гораздо больше пользы.

И, наконец, возможно самая важная причина использования ролевых игр та, что они доставляют удовольствие. Поняв, что от них ожидают, студенты наслаждаются, давая полную свободу своему воображению.

Существует несколько полезных советов, о которых стоит помнить, когда вы организуете ролевую игру, поскольку ни один преподаватель не любит неуправляемые классы.

- начинать следует с парной, а не групповой работы. С практической точки зрения, легче общаться с одним человеком рядом или напротив тебя. С психологической точки зрения, такую задачу легче выполнить, и студенты менее стеснительны, если они могут видеть глаза собеседника.
- Игра должна быть короткой, пока студенты не привыкнут к ней.
- Вы должны быть уверены, что игру можно проводить с любым количеством студентов. Нет смысла готовить игру для семи студентов и обнаружить, что в классе в этот день присутствуют пять или шесть.

- Пока студенты не привыкнут, не используйте ролевые игры, которые слишком усложнены или эмоционально перегружены. В противном случае студенты могут перейти на русский язык.
- Установите жесткие рамки времени и обязательно придерживайтесь их.

Преподаватели часто жалуются, что ролевые игры лишены жизни, поскольку их студенты «приклеены» к ролевым карточкам. Ролевые карточки должны содержать только необходимую информацию. Когда студенты прочитают карточки, они либо возвращают их преподавателю, либо переворачивают и подглядывают в них только в том случае, если они совершенно не знают, о чем говорить. Без ролевых карточек они свободны «проигрывать» свою роль спонтанно. Не пытайтесь навязать студентам эмоциональное состояние такими, например, ролевыми карточками: “You are Mr Smith and you are angry.” Это может быть сдерживающим фактором. Ролевая карточка должна содержать ситуацию, которую разыгрывают по вашему желанию студенты, а не эмоциональное состояние.

В качестве подготовки к ролевой игре преподаватель может предложить студентам диалоги для завершения [4]. Предполагается, что студенты заполняют пропуски за одного из участников диалога.

Completion dialogue. Два студента — из России и США — обсуждают Конституцию США.

Student A (from Russia)

Peter As far as I know your Constitution is a very old one, isn't it?

Stephen _____

Peter Hasn't it been altered since then?

Stephen _____

Peter Sometimes you can hear the words “the Bill of Rights” but I don't think it is a part of the Constitution.

Stephen _____

Peter By the way, how many amendments have been already adopted?

Stephen _____

Peter It all sounds very fascinating. Thank you a lot for the talk.

Stephen _____

Student B (from the USA)

Peter _____

Stephen Oh, yes, it was adopted as far back as in 1787.

Peter _____

Stephen As a matter of fact, there were no alterations to it. But a number of amendments have been made.

Peter _____

Stephen Sorry, but you are mistaken. The first ten amendments to the Constitution are known as the Bill of Rights. So it is a part of the Constitution.

Peter _____

Stephen Only 26 amendments altogether have been adopted.

Peter _____

Stephen The pleasure was mine.

Половина студентов получают одну часть, другая — вторую. В парах студенты работают над всеми возможными высказываниями партнеров по беседе. Затем студенты формируют новые пары таким образом, чтобы у них поменялись роли. Карточки с репликами следует отложить во время этой фазы. Получившийся диалог относительно понятный, и студенты радуются своим собственным способностям.

Ниже дано описание двух ролевых игр, которые можно использовать со студентами-юристами начального уровня и низкого среднего уровня.

Одна из самых простых ролевых игр, с которых можно начать, это, так называемый, «опрос свидетелей», когда студент заполняет вопросник о происшествии. Установите предел времени в 20 минут. Цель ролевой игры — помочь студентам импровизировать, задавая вопросы для ответов. Эту ролевую игру можно организовать в парах или в группах по трое. Необходимо сделать фотокопии вопросников. Объясните ситуацию, которую вы выбрали и убедитесь, что студенты ее понимают. Затем разделите студентов на пары или тройки. Дайте студенту А соответствующий вопросник и попросите заполнить его, задавая студенту Б вопросы. Настаивайте на том, чтобы студенты формулировали вопросы правильно, а не просто показывали их в вопроснике своему партнеру. Объясните студенту Б каждой группы, что они должны придум-

мать ответы на вопросы и что ответы должны быть, насколько возможно, достоверные и четкие. Когда студент А каждой группы закончит свой опрос, можно поменяться ролями или провести другую ролевую игру. Некоторые студенты выполнят эту деятельность как упражнение по простой передаче информации, в то время как другие превратят его в развернутую ролевую игру. Для начала пусть более слабый студент задает вопросы, а более сильный студент повоображает. В качестве закрепления этой ролевой игры можно попросить студентов описать события, которые они только что разыграли, в местной газете, предупредив, чтобы они не забыли о заголовке для статьи, или они могут записать показания свидетеля и дать другому студенту подписать его. Вы можете предложить следующую ситуацию: «Сообщение о вооруженном ограблении в местном банке».

LOCAL CONSTABULARY

Record of criminal events

No. of people present ____/No. of gunmen _____
 Type of arms carried ____/Were the arms used to threaten?
 No. of shots fired ____/No. of victims _____
 Means of escape _____

Detailed description of gangsters:

Height ____/Build _____
 Hair ____/Colouring _____
 Clothes ____/Distinguishing features _____
 Any other comments _____

В качестве более сложной ролевой игры вы можете дать студентам короткие статьи об уголовных преступлениях и попросить пересказать события, как будто они только что были их свидетелями. Цель данной ролевой игры — способствовать развитию у студентов импровизации, используя информацию, которую они получили из этих статей. Для ролевой игры подготовьте достаточное количество коротких, ярких статей для каждой пары студентов. Если хотите, вы можете придумать свои собственные короткие рассказы, которые подходят для ваших студентов. Чтобы подготовиться к ролевой игре, спросите у студентов, могут ли они рассказать о каком-либо преступлении. Если они смущаются, вы можете рассказать

что-то из вашего опыта или из прочитанного. История может быть правдой или выдумкой. На доске напишите очень коротенькую статью и попросите класс прочитать ее про себя. Когда студенты поймут ее, сотрите с доски и попросите по очереди передать ее содержание как будто они были свидетелями события. Предложения могут варьироваться в зависимости от уровня класса. Класс с небольшими знаниями возможно просто перескажет ее в прошедшем времени, а класс более высокого уровня может добавить в свое повествование драматический эффект, используя при этом сложные грамматические конструкции, например, инверсию:

You'll never believe this, but...

So frightened was I that

Out came the gunman...

Разделите класс на пары или тройки, если присутствует нечетное количество студентов. Затем раздайте рассказы или статьи и попросите студентов прочитать одну из статей про себя. Убедитесь, что каждый из пары или тройки читает разную статью. По очереди попросите каждого студента пересказать рассказ, который он только что прочел, другому члену пары или группы так, как будто это только что случилось. Скажите, что они могут задавать друг другу вопросы или, если желают, придумать сами какие-либо детали. Во время пересказа обратите внимание студентов на то, что они должны решить, кому они рассказывают — членам семьи, друзьям, сокурсникам, поскольку это должно влиять на то, как они рассказывают эту историю. Убедитесь, что студенты отложили статью прежде, чем они начали ролевую игру.

Вариант 1. Вы можете использовать короткие заметки о демонстрациях, происшествиях, ярких событиях подобным же образом.

Вариант 2. Можно использовать фотографии, например, об ограблении, происшествии и т.д. как наглядный материал для отчета свидетеля. Чтобы студенты больше сосредоточились на задании, попросите их подумать над тем, как они могли себя чувствовать в тот момент.

Вы можете попросить студентов развить эпизод из известного фильма. Когда студенты хорошо освоят данный вид деятельности, вы можете предложить им ролевую игру, свя-

занную с их профессиональной деятельностью. [2] Для студентов-юристов это может быть снятие свидетельских показаний или небольшая сценка в суде. Можно попросить разыграть беседу между пожилой женщиной и нотариусом, готовящим по ее просьбе завещание. Можно предложить разыграть разговор между прокурором, обвиняемым, адвокатом, судебным медиком. Преподаватель может найти интересные предложения по ролевым играм в учебнике С. Д. Комаровской [3]. Или можно разыграть сложную ролевою игру, взяв, например, факты по делу Карен Силквуд из книг Ladousse Gillian Porter и “The Death of Karen Silkwood” (автор Joyce Hannam, OUP) [5], превратив в конечном итоге ролевою игру в симуляцию (moot).

Ролевая игра это целая гамма коммуникативных приемов, которые развивают беглость речи и способствуют взаимодействию в классе, увеличивая мотивацию. Это, возможно, самый гибкий прием, и преподаватель, хорошо его освоивший, может удовлетворить бесконечное количество потребностей благодаря подходящим и эффективным упражнениям. Ролевые игры принадлежат к той области обучения языку, которую порой определяют как low input — high output. Это значит, что презентация преподавателем занимает мало времени и не похожа на тренировочные упражнения. После краткого введения, студенты занимаются деятельностью, в которой свобода речи более важна, чем правильность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Довженко С. В. Проблемные методы обучения в процессе преподавания иностранного языка в высшей школе. // Мир педагогики и психологии. Н. Новгород: — 2017. — № 2 (7). С. 6–9.
2. Зоткина И. В. Использование ролевого репертуара языковой подготовки учащихся в формировании навыков и умений профессиональной коммуникации. // Профильная школа. М.: — 2011 — № 3. С. 53–57.
3. Комаровская С. Д. Английский язык для юристов. «Книжный дом «Университет», Москва, 2007. 352 с.
4. Цапина Е. Прагматическая схематика обозначения речевых тактик в диалогической речи. // Вестник Военного университета. М.: — 2008. — № 3. С. 118–124.
5. Ladousse Gillian Porter. Role Play. Oxford University Press, 1991.
6. Riley A. English for Law. MacMillan Publishers Ltd, 1994.

Коржева Л. Б.
Korzheva L. B.

ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА В ТЕСТИРОВАНИИ ГОССЛУЖАЩИХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ

THE USE OF COMPETENCE-BASED APPROACH IN TESTING FOREIGN LANGUAGE SKILLS OF CIVIL SERVANTS

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы компетентностного подхода в системе высшего образования и формирования иноязычных компетенций у выпускников вузов, в частности Дипломатической академии. В статье анализируется опыт тестирования сотрудников Евразийской экономической комиссии, основанный на компетентностном подходе.

Ключевые слова: компетентностный подход, иноязычные компетенции, высшее образование

Abstract: The article is devoted to competence-based approach in higher education and the development of foreign language skills and competences of the Diplomatic Academy graduates. The article analyses the actual examination of employees of the Eurasian Economic Commission bases on competence testing.

Keywords: competence-based approach, foreign language competences, higher education

Компетентностная модель подготовки специалистов включена в новые Федеральные Государственные Образовательные Стандарты. Компетентностный подход, заложенный в ФГОС ВО, связан с идеей всесторонней подготовки и воспитания личности не только в качестве специалиста — профессионала своего дела, но и как члена общества, способного к успешному сотрудничеству со своими коллегами и партнёрами.

Стремительное развитие информационных технологий привело к принципиальным изменениям в повседневной, учебной и профессиональной деятельности, в которую вовлечены студенты и недавние выпускники вузов. Традиционные специальности постоянно трансформируются в новых условиях, кроме этого появляются принципиально новые. В таких условиях продуктивность профессиональной деятельности напрямую зависит не от обладания статичными знаниями и умениями, а от способности ориентироваться в информационных потоках, справляться с нестандартными проблемами

и искать оптимальные и новые пути решения, а также быстро и продуктивно овладевать новыми необходимыми знаниями и навыками. Как следствие, изменились требования не только к выпускникам вузов, но и к системе образования в целом. Начиная с момента вступления России в Болонский процесс, модернизация образования была направлена в сторону развития мобильности, саморазвития и вариативности процесса обучения. Базисным подходом в новой парадигме является компетентностный подход.

Компетентностный подход — это ответ на запросы общества, когда от выпускников вузов требуется не набор теоретических знаний, а сформированность у обучаемых способности самостоятельно решать проблемы в различных сферах и видах деятельности на основе использования полученного ими социального опыта, как теоретического, так и практического.

К сожалению, ВУЗы, включая в рабочие программы необходимые компетенции, заложенные в ФГОС по той или иной специальности, зачастую не перестраивают сам образовательный процесс таким образом, чтобы он был нацелен на формирование данных компетенций.

В Дипломатической академии МИД России содержание и принципы обучения иностранным языкам в магистратуре постоянно модернизируются, чтобы соответствовать задачам подготовки специалистов-международников со знанием одного или двух иностранных языков. Обучение иностранному языку направлено на комплексное развитие коммуникативной, когнитивной, информационной, социокультурной, профессиональной и общекультурной компетенций студентов. Для обеспечения этого преподавателями кафедр создаются специальные пособия. [4, 5]

Формирование вышеперечисленных компетенций происходит как внутри каждой отдельной дисциплины, так и с учетом принципа междисциплинарности, поскольку компетенция — это способность применять знания, умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, а также, в определенной профессиональной области. Таким образом, современный выпускник вуза должен обладать набором компетенций, которые помогут ему успешно реализовать себя в последующей профессиональной деятельности.

Эта задача отражается и в экзаменационных требованиях к магистрантам Дипакадемии, которые проверяют умения будущих специалистов-международников аналитически работать с разными видами информации, получаемой из различных источников — бумажных и электронных СМИ, аудио и видео ресурсов. Именно поэтому для нас не стал неожиданным запрос руководства Евразийской Экономической комиссии по поводу тестирования более сорока сотрудников этой организации, нацеленного не столько на проверку языковых знаний, сколько умения применять английский язык в качестве рабочего инструмента, т. е. проверки сформированности профессиональных иноязычных компетенций сотрудников.

ЕЭК является крупнейшей международной экономической организацией, созданной в России. Согласно сайту ЕЭК, «Евразийская экономическая комиссия (ЕЭК) — постоянно действующий регулирующий орган Евразийского экономического союза. Основное назначение Евразийской экономической комиссии — обеспечение условий функционирования и развития ЕАЭС, разработка предложений по дальнейшему развитию интеграции». Эта организация занимает активную позицию на международной арене с целью представления деятельности евразийского сообщества и вовлечения в интеграционные процессы ключевых партнеров из европейского и азиатско-тихоокеанского регионов, ведет активную работу в целях обеспечения исполнения обязательств России перед ВТО, участвует в крупнейших международных экономических форумах, ведет переговоры с партнерскими организациями о соглашениях о свободной торговле, таможенных квотах и тарифах и т. д.

Какими же компетенциями в области иностранных языков должны владеть специалисты, работающие в данной области? Наиболее значимыми нам представляются следующие:

- Социокультурная и коммуникативная (речевая) компетенции — умение планировать свое речевое и неречевое поведение на иностранном языке с учетом специфики ситуации общения; вести беседу на общие, служебные и профессионально-ориентированные темы.
- Когнитивная и информационная иноязычная компетенция, состоящая в умении найти необходимую информацию на иностранном языке; проанализировать текстовые, аудио или

иные материалы, выделить суть и грамотно изложить содержание и сформулировать свою позицию по данной тематике.

- Дискурсивная компетенция, т. е. способность передавать информацию в связных аргументированных высказываниях (говорение и письмо); в составе дискурсивной компетенции рассматривается спецификация письменных и устных типов текстов и тактик речевого поведения в зависимости от жанра делового общения (презентации, переговоры, выступления на совещаниях, телефонные переговоры, письмо, служебная записка, отчет) и функции общения — согласия/несогласия, убеждения/переубеждения собеседника, выражение жалобы/претензии и ответ на претензию и т. д.

В соответствии с данными профессиональными компетенциями и заданием заказчика была разработана структура тестирования:

1. Собеседование о профессиональных обязанностях тестируемого. (3–4 вопроса).

2. Обсуждение прочитанной статьи по экономической тематике. (4–5 вопросов)

3. Прослушивание аудиофрагмента (аутентичные выступления или аудио подкасты на актуальные темы международного бизнеса, микро- и макроэкономики) и пересказ с комментированием.

4. Ролевая ситуация — аргументы в пользу своей позиции на переговорах или контраргументы по позиции противной стороны.

5. Тестируемый пишет памятную записку (memo) по четырем предыдущим экзаменационным пунктам.

6. Преподаватель — эксперт проверяет записку и пишет свое экспертное заключение на русском языке (по предложенной схеме) с определением уровня по системе уровней МИД России.

Относительно тематики текстов и диалогов/выступлений на аудирование, было решено, что они будут посвящены вопросам развития мировой торговли, макроэкономики, проблемам вокруг ВТО, способам преодоления глобального экономического кризиса и т. п.

Ролевые ситуации были предложены руководителями соответствующих департаментов и отражали наиболее острые проблемы, с которыми сталкиваются специалисты данных де-

партаментов на переговорах с зарубежными коллегами. Вот примеры данных заданий:

I. Список дискуссионных вопросов для тестирования Проект 01 04 14

Департамент торговой политики

1. Do you think that today countries should invest more efforts in developing FTAs network rather than in development of the WTO system? Please provide arguments.

2. Do you think that today the WTO is successful as global trade rulemaker? Please provide arguments.

3. Do you think that the free trade agreements of the Customs Union should go beyond the WTO obligations? Why? Please provide arguments.

4. The amount of FTAs is constantly growing and they often contain different provisions on many issues such as TBT, SPS, etc. As a result the regulations in different FTAs often overlap, some going deeper and some being lighter. What do you think is the influence of such different provisions on trade? Please provide arguments.

5. Do you think that today countries should invest more efforts in developing FTAs network rather than in development of the WTO system? Please provide arguments.

6. Do you think that today the WTO is successful as global trade rulemaker? Please provide arguments.

II. Список кейсов для тестирования

Департамент защиты внутреннего рынка

1. Кейс 1. Background: Aucklandia is a developed WTO Member. Its trade openness significantly contributes to economic growth and social welfare. The trade officials of Aucklandia are instructed to achieve the maximum possible market access as a result of the FTA with Customs Union (CU). However, the negotiations on trade in goods were not successful due to the unwillingness of the CU to grant concessions on the period of elimination of duties. Moreover, the CU proposed to exclude several sensitive products from the Schedule of Tariff Commitments. These products are of particular interest for the Aucklandian exporters.

In the third round of the free trade negotiations Aucklandian negotiators on trade remedies proposed the elimination of

antidumping measures between Aucklandia and the CU. The Aucklandia's approach implies that the application of the antidumping measures shall be replaced by the competition rules. Aucklandia argues that the rules on antidumping measures introduce uncertainty in the market and inhibit market integration at the firm level. Moreover, similar provisions have been negotiated by Aucklandia in other regional trade agreements and Aucklandia is instructed to follow the provisions of previous FTAs. Aucklandia emphasizes that the application of antidumping duties will prevent its exporters from obtaining full gains of the FTA.

Aucklandia proposed the following text of Article X.3 on antidumping measures.

Article X.3. Antidumping Measures

A Party shall not apply anti-dumping measures as provided for under the WTO Agreement in relation to products originating in another Party.

In order to prevent dumping, the Parties shall undertake the necessary measures as provided for under Chapter X [on Competition Rules].

However, the CU opposes this approach and submits a counterproposal:

Article X.3. Antidumping Measures

The rights and obligations of the Parties in respect of the application of anti-dumping measures shall be governed by Article VI of the GATT 1994 and the WTO Agreement on Implementation of Article VI of the General Agreement on Tariffs and Trade 1994.

Task: Provide Aucklandia with the arguments on the necessity to use the antidumping measures between the Parties of the FTA and prepare a table or a chart that identifies the CU's interests, the bottom line, and potential options for the agreement.

2. Кейс 2. Background:

Keralia is one of the most active users of trade remedies. Although Keralia is the WTO Member, it is recognized that its national law and practice in the field of trade remedies is not transparent. During the second round of free trade negotiations the officials from the CU were instructed to negotiate the additional provisions regarding transparency issues, including the establishment of the relevant contact points, consultations, as well as early notification requirements.

Task: Provide Keralia with the arguments that support the need to include the provisions on transparency. Will the provisions of articles on antidumping measures and countervailing measures differ in terms of the maximum period to provide the written notice of initiation of the investigation and the maximum period for entering into consultations?

Письменная часть экзамена заключалась в подготовке памятной записки (мемо) по итогам тестирования (включая беседу, анализ текста, аудирование и ролевую игру) примерно на 220–270 слов. Это должен был быть формализованный, структурированный и ясный документ «для руководства», суммирующий все затронутые вопросы и позиции сторон.

Таким образом, такое тестирование позволяет проверить как общую лингвистическую компетенцию (общее владение языком и специализированной лексикой) так и более конкретные профессиональные иноязычные компетенции (структурированное изложение позиции в профессиональной тематике, восприятие информации на слух, и подготовка корректных обобщающих документов по итогам встреч).

По итогам тестирования по каждому испытуемому составлялось экспертное заключение, состоящее из 2 частей — балльной и оценочной.

Оценочная часть должна была отразить сильные и слабые стороны по ключевым навыкам испытуемого, дать понятные рекомендации, на развитие каких навыков необходимо направить усилия. Например, содержались такие заключения, как:

«... Говорит бегло и уверенно, однако речь построена на простых даже примитивных фразах, при этом скорость речи достигается в ущерб четкости произношения».

«... Текст понимает и интерпретирует уверенно, хорошо владеет профессиональной лексикой, но плохо воспринимает речь на слух, старается «угадывать» смысл сказанного собеседником».

«... Заготовленные позиции озвучивает уверенно и с хорошим произношением, однако в дискуссии испытывает затруднения как с пониманием собеседника, так и с изложением собственного мнения».

Для сравнения приведем экспертные заключения по трем уровням владения иностранным языком, принятым в систе-

ме МИД РФ (ВКИИЯ МИД РФ, МГИМО (У), Дипломатическая академия МИД России) — функциональному, соответствующему Intermediate (B1), оперативному, Upper-Intermediate (B2) и профессиональному, Advanced (C1)

Характеристика 1. (уровень функциональный)

ХАРАКТЕРИСТИКА

ответа на экзамене

ФИО: ...

Собеседование о профессиональных обязанностях тестируемого:

Оценка ответа: Говорит о себе и своих обязанностях быстро, но произношение нечеткое.

Не стремится донести до собеседника суть своего высказывания. Не хватает навыков и лексических средств делового общения.

Знание языка: Делает отдельные грамматические ошибки в более сложных оборотах. Лексический запас ограничен тематикой профессиональной специфики.

Название статьи “US international trade commission...”

Оценка презентации: Адекватное понимание текста и заданных вопросов, однако, испытывает трудности в формулировании ответа из-за очень узкой профессиональной позиции, материал оценивается только с юридической точки зрения, все остальные моменты не принимаются во внимание.

Знание языка: Словарный запас нуждается в расширении, беглость речи ниже, чем при подготовленном высказывании. Встречаются достаточно серьезные грамматические ошибки в построении фраз (отсутствует согласование глагольных форм с существительными), напр.: “Is developing countries, is developed countries”, что должно означать «существуют развивающиеся страны и существуют развитые» и пр.

Дискуссионный вопрос (Изложение позиции по проблеме) (вопрос 3)

Оценка презентации: Знает профессиональную тематику, говорит уверенно, выдвигает несколько аргументов, не испытывает трудностей с пониманием собеседника. Однако, предложенные аргументы не всегда четко поддерживают ту или иную позицию, являясь просто декларативными заявлениями.

Знание языка: В речи используются достаточно сложные структуры, однако сформулированы он не всегда правильно («not many enough opportunity»). Вопросы экзаменатора понимает полностью.

Прослушивание аудиофрагмента: (Outsourcing).

Оценка презентации: Понимание неполное, хотя основная информация изложена без искажения содержания.

Знание языка: Навыки аудирования не позволяют подробно передать содержание аудиофрагмента, не знает простых экономических терминов: “profit”, “to cut costs”, etc

Письменная работа

Подробная работа, ошибок гораздо меньше, чем в устной речи. Чувствуется навык аналитической работы.

Общая характеристика ответа и рекомендации: Испытуемый владеет лексикой по ограниченному кругу профессионально-ориентированных тем. Нет навыков устного делового общения, однако хорошо развита письменная речь. Необходимо расширять словарный запас за счет общеэкономической и повседневной лексики, совершенствовать навыки аргументирования, работать над четкостью произношения, грамматикой.

Общая оценка

Уровень: функциональный

Балл: Хорошо.

Характеристика 2. (уровень оперативный)

ХАРАКТЕРИСТИКА

ответа на экзамене

ФИО:

Собеседование о профессиональных обязанностях тестируемого

Оценка ответа: Говорит относительно бегло, со знанием дела. Четкое произношение.

Знание языка: Некоторые грамматические ошибки. Достаточно обширный словарный запас.

Название статьи: “Economies of Britain and France Have More Similarities than Differences”

Оценка презентации: Адекватное понимание текста и заданных вопросов. Ответы ясные, демонстрируют широкое понимание экономической проблематики, выходящее

за рамки узко-профессиональных обязанностей. Хорошо подготовленный пересказ, но изложение статьи не очень логично, в ответах на вопросы переходит от темы к теме без логических связок. Не требуется времени для обдумывания ответов на вопросы.

Знание языка: Речь беглая, но с некоторыми ошибками (артикли с названиями стран, различие в употреблении глаголов do-make).

Дискуссионный вопрос (Изложение позиции по проблеме) (№ 2)

Оценка презентации: Ответ хорошо аргументирован и продуман. Владеет профессиональной тематикой, продемонстрировал хорошее знание проблемы.

Знание языка: Использует несколько примитивные грамматические структуры, иногда делает ошибки в порядке слов. Хорошо владеет профессиональной лексикой.

Прослушивание аудиофрагмента (3,5–4 минуты) (Why economies are important.)

Оценка презентации: Хорошо анализирует информацию, может вычленил и изложить суть проблемы.

Знание языка: Не услышал и не смог пояснить идиоматичные устойчивые выражения, встречающиеся в диалоге. Словарный запас несколько однообразный. Некоторое количество грамматических ошибок, но часто сам себя исправляет.

Письменная работа

Хорошо и подробно изложен материал, однако по оформлению тето недостаточно структурировано. Есть некоторое количество ошибок, не влияющих на понимание текста.

Общая характеристика ответа и рекомендации: Говорит уверенно, относительно бегло, с некоторыми грамматическими ошибками. Легче говорит на знакомые темы. Достаточно обширный словарный запас. Может принимать участие в переговорах, выступать с предварительной подготовкой по знакомой тематике.

Рекомендуется продолжать совершенствовать знание как делового, так и экономического английского.

Общая оценка

Уровень: оперативный

Балл: хорошо

Характеристика 3. (уровень профессиональный)

ХАРАКТЕРИСТИКА

ответа на экзамене

ФИО: И... Т...

Собеседование о профессиональных обязанностях тестируемого

Оценка ответа: Спокойная и уверенная манера изложения. Говорит четко, ясно, по существу и со знанием дела.

Знание языка: Хорошее произношение, правильная, естественная речь с использованием языковых структур, характерных для делового стиля, богатый словарный запас. Ошибок практически нет.

Статья: “WTO Agreement Condemned as Deal for Corporations, not World’s Poor”

Оценка презентации: Хорошо подготовленный ответ, четкое построение, соблюдена внутренняя логика статьи. Ответы на вопросы четкие, ясные, исчерпывающие.

Знание языка: Речь беглая, свободная, идиоматичная, быстрая реакция.

Дискуссионный вопрос (Изложение позиции по проблеме) (№ 3)

Оценка презентации: Хорошее знание темы беседы. Говорит уверенно, не испытывает трудностей с пониманием собеседника. Может взглянуть на проблему с разных точек зрения. Конкретные ответы на поставленные вопросы, четкость в аргументации. Активно участвует в беседе.

Знание языка: Свободное владение языком.

Прослушивание аудиофрагмента (3,5–4 минуты) (Going Global)

Оценка презентации: Запись поняла, изложила хорошо и подробно. Не возникло необходимости задавать вопросы.

Знание языка: Хорошее понимание на слух. Уверенное профессиональное владение языком. Хорошая беглость речи.

Письменная работа

В работе подробно изложено содержание экзамена. Однако по стилю это скорее письмо, чем тето. Сложные фразы с небольшим количеством ошибок, не влияющих на понимание текста.

Общая характеристика ответа и рекомендации: Отличный уровень владения языком, богатый и идиоматичный язык,

обширный запас профессиональной лексики. Может выступать по профессиональным темам без предварительной подготовки, вести переговоры и беседы и принимать в них участие. Может работать устным переводчиком на высоком уровне.

Рекомендуется привлекать к работе с устным английским.

Обратить внимание на письменную речь, различные жанры деловой письменной коммуникации.

Общая оценка

Уровень: профессиональный

Балл: отлично

Как видим, оценка уровня владения языком у специалистов складывается не только из знания грамматики и лексики, но в большей степени из способности профессионально работать с информацией, умения вести диалог, «слышать» и понимать собеседника или выступающего, суммировать информацию и логически выстраивать свое сообщение.

Следует отметить, что среди испытуемых сотрудников находились несколько выпускников МГИМО и Дипломатической академии, которые показали хорошо сформированные компетенции в разделах аудирования и комментированного изложения текста статьи. Однако аргументированное изложение своей позиции и оспаривание контраргументов «оппонента» (экзаменатора) вызвало некоторые затруднения. Многие сотрудники не понимали разницу между аргументом и заявлением/утверждением, что в целом характерно для русского дискуссионного стиля.

Разделом тестирования, вызвавшим наибольшие затруднения, оказалось написание памятной записки (memo) по итогам тестирования. Предполагалось, что это должен был быть структурированный, четкий документ «для руководства», кратко описывающий процедуру и этапы тестирования с точки зрения испытуемого, суммирующий все затронутые вопросы и позиции сторон. Вместо этого зачастую у испытуемых получался пересказ статьи или краткий перечень этапов тестирования без суммирования результатов и самооценки. Наилучшие результаты в этом разделе показали представители правовых департаментов или юристы, участвующие в переговорном процессе. Приведем пример успешного с точки

зрения оформления и содержания меморандума. (сохраняется стилистика и грамматика автора):

«**Date:** May 21, 2014

From: V... A....

Subject: Testing report

Memo

As a result of a meeting I wish to inform you of the general topics of test.

1. In the first part of the exam I had a brief conversation with the purpose to discuss my professional background and duties/responsibilities in the Commission.

2. I was requested to read a short text about a seminar on the regional trade and economic integration in East Africa. The main subject of the seminar was the Trade Facilitation and Single Windows concept. During the following discussion I described my opinion regarding the issue raised.

I have supported the position of one speaker, who said that the main benefit of the TF wasn't reducing the "red tape" and corruption. It would be much better if developing countries generate a tax base through creation of new working places.

3. Talking about the role of the WTO as global rule maker, I expressed my view, that there was no international institute which could substitute WTO in near future. That's why I have evaluated the result of WTO activities as successful.

4. Then, I was requested to listen to an audio dialogue on macroeconomic topics. David and Gordon discussed the economic situation in South East Asia especially in Vietnam and Cambodia. They referred to the problem of Vietnam economy (low income, corruption and infrastructure development) and appreciated the success of the Vietnamese measures in the job creation, in fiscal policy and investment regime.

5. Finally, at the end of the discussion I wrote this memorandum to summarize the text discussions, listening and positional parts.

In my opinion, the absence of language practice, especially in 'listening' has a negative influence on common knowledge of English. This effect could be smoothed by the regular English lessons for staff".

Итак, экономические, финансовые и общественные изменения во многих странах, в том числе в России, привели

к существенной смене модели образовательного процесса и появлению большого количества очень серьёзных задач и вызовов. Большинство работодателей интересует не диплом будущего или работающего сотрудника, а то, сможет ли он справиться с поставленными задачами, умеет ли он работать в команде, быстро принимать решения, осваивать новые области профессиональной деятельности, быть открытым к новым тенденциям и проектам.

Следовательно, если вуз хочет добиться конкурентоспособности своих выпускников на рынке труда, то его задачей становится обучение определённым компетенциям, которые им понадобятся в их будущей работе, а также формирование активной личности и компетентности профессионала. Компетентность не означает сумму отдельных компетенций или знаний, а носит общекультурный характер, становится свойством личности и поднимает значимость полученных знаний в вузе, когда положительный результат достигается сочетанием традиционных и инновационных методик обучения студентов.

Следовательно, компетентностный подход стал объективной потребностью, единственным путём обеспечить для студентов, востребованность на рынке труда, а задача ВУЗа — сделать обучение иностранным языкам еще более ориентированным на практику, а также разработать такую систему оценки и контроля, которая будет максимально приближена к условиям будущей профессиональной деятельности выпускников

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белоцерковский А. В. Российское образование: о вызовах и рисках//«Высшее образование в России», 2012, № 7.
2. Василенко Т. Д. Методологические принципы реализации компетентностного подхода в вузе.//«Высшее образование в России», 2015, № 1
3. Елина Е. Г. Компетентность и результаты обучения: логика представления в образовательных программах.//«Высшее образование в России», 2015, № 1.
4. Долгоруков А. И. Метод case-study как современная технология профессионально ориентированного обучения.//www.evolkov.net/case.study
5. Никанорова И. А. Пособие по двустороннему переводу для магистров, обучаемых по направлениям «Менеджмент» и «Экономика», 2014, Москва, ДА МИД России.
6. Никанорова И. А. Экономический английский в XXI веке. (по материалам ВВС), Москва, «Канон», 2016.

Ликунова И. Ф.
Likunova I. F.

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ ПОРТУГАЛЬСКОГО ИМПЕРФЕКТА

STYLISTICAL FUNCTIONS OF THE PORTUGUESE IMPERFECT

Аннотация: Статья посвящена анализу стилистических функций португальского индикативного имперфекта в языке художественной литературы. Примеры приводятся как из бразильского, так и из лужитанского вариантов португальского языка.

Ключевые слова: Художественный стиль, контекст, бразильский вариант, лужитанский вариант, коннотация.

Abstract: The article analyzes stylistic functions of the Indicative Imperfect Tense of the Portuguese language in fiction. The examples from the Brazilian as well as from the Luzitanian variant of the Portuguese language are provided.

Key words: Literary style, context, Brazilian variant, Luzitanian variant, connotation.

Слово «функция» имеет очень широкое значение, и в него нередко вкладывается разное содержание. С практической точки зрения представляется наиболее приемлемым определение функции как роли, которую выполняют языковые единицы (в частности, грамматические формы времени) в составе предложения, абзаца, главы или целого произведения, «обогащая при этом содержание высказывания эмоционально-оценочными, образными или понятийно-логическими компонентами» [3, с. 210].

Стилистическая функция свойственна любому речевому проявлению, но более всего она присуща литературно-художественной сфере общения. Стилистическая функция обуславливается контекстом, но при этом тесно связана с грамматическими свойствами форм времени. В силу специфики описываемой формы, обозначающей действие непресеченное, неограниченное пределом, имперфект очень широко используется в описательном и повествовательном стилях, которые характерны для художественной речи.

Выработке у временной формы стилистической функции обычно способствует какой-то один семантический признак. Так, *живописно-изобразительный имперфект* (термин

Н. М. Фирсовой) базируется на способности этой формы обозначать действие вне предела [2, с. 174].

Эту специфику имперфекта писатели широко используют в языке художественной литературы, создавая картины природы, быта, стремясь показать действия как проходящие параллельно.

A vila **anoitecia** branca o bela. Ao sol posto, aquela brancura mourisca **prolongava-se** na sombra dum destino sempre igual. Tudo **era** calma, tudo **eram** sombras estendendo-se (Urbano Tavares Rodriguez).

Описание статичных событий с использованием имперфекта характерно также и для речи персонажей:

Eu **terminava** a pena num dia 21 de Janeiro, na manhã do dia 22 **deviam** mandar-me em liberdade. **Andava** já nervoso, excitado com a idéia de voltar a vida normal, a família, a profissão (Fernando Miguel Bernardes).

При помощи имперфекта в подобных случаях дается подробное изложение событий. Описание становится неторопливым и детальным.

Когда имперфектные формы выражают действия, следующие друг за другом, рассматриваемые формы создают динамическую картину их последовательного развития.

Entrava un amigo, **tomava** dois goles, **queria** sair (José Carlos Bordes).

В стиле художественной литературы не менее важной является *качественно-описательная* функция, когда форма имперфекта служит для описания свойств и качеств предметов, внешней и внутренней характеристики действующих лиц.

Os olhos do velho **riam**, humedecidos por uma leve emoção. **Adivinhava-se** a onda de ternura que lhe **sacudia** o peito, a extraordinária luz que lhe **transbordava** da alma (Arminda Fortes).

С качественно-описательной функцией имперфекта связана его другая функция — *детализирующая*. Имперфект в этой функции используется для уточнения наиболее важных событий, деталей внешнего облика персонажей или их поведения:

A voz da mulher, que **berrava** dentro da casa, saltou cá fora, à noite (Manuel Tiago).

Обычно детализирующий имперфект встречается в независимых предложениях или в придаточных дополнитель-

ных, где названная функция находит опору в синтаксической структуре предложения.

Обращает на себя внимание употребление имперфекта в реплико-указательной функции, то есть при оформлении прямой речи:

— E se eu dissesse à minha família que tinha visto o cágado? — **pensava** para si o homen que era muito senhor da sua vontade (Antologia da ficção portuguesa).

Подстановка претерита вместо имперфекта снимает оттенок развивающегося действия, напоминающего, если так можно сказать, действительное состояние.

При взаимодействии с контекстом имперфект в этой функции может указывать на повторяющийся характер действия:

Era o seu assunto preferido...

— Hoje em dia, já não há incêndios — **comentava** ele. — Vejam vocês, toca o sino da igreja; a autobomba desse do quartel...

— Lá isso é verdade — **concordava** eu, inquieto (Manuel de Fonseca).

Немаловажную роль при использовании имперфекта в функции оформителя прямой речи играет семантика глаголов, которые выступают в качестве индикаторов прямой речи. Как правило, это неопределенные глаголы, передающие «процессуальность» глагольного действия: *pensar, comentar, dizer, concordar, perguntar*.

Как и другим временным формам глагола, используемым в художественной литературе, имперфекту свойственна *художественно-композиционная* функция. Повествовательный имперфект активно участвует в создании композиционной структуры текста. Весьма характерным является употребление данной временной формы в зачинах произведений различных жанров, в начале главы, повести, рассказа и т. д. Эту способность имперфекта можно обозначить как *анафорическую* (начинательную) подфункцию. Примером могут служить следующие отрывки:

Havia um homem que era muito senhor da sua vontade (Antologia da ficção portuguesa).

Era meio-dia quando o Elias Carrusca chegou ao monte de Alba Grande (Manuel de Fonseca).

Анафорический имперфект «вводит» читателя в мир и атмосферу тех событий, которые последуют дальше.

Стилистической выразительностью отличается *эпифорический* (завершающий) *имперфект*, когда он употребляется в конце абзаца, главы, романа и т. д.

Virada para o campo, ela **ouvia** calada... Lá fora, o Outono **nascia** entre folhas arrancadas o maçãs maduras (Jorge Amado).

O gortear indeciso o espaçado **punha** na noite uma nota de mistério (Manuel Tiago).

Подобный имперфект как бы оставляет читателя в ожидании недосказанного, в раздумьях, давая волю фантазии.

Описательно-повествовательный имперфект при реализации в художественной речи взаимодействует с разными временами. Чаще всего он встречается в контексте претерита. Сочетание имперфекта и претерита также служит для художественно-композиционной организации повествования. Для разграничения разнохарактерных описаний, картин или даже действий.

Foi com a Adelaide ver os «ratihnos» na seifa. **Parecia** un dia de Agosto. O sol **ofegava** em chamas claras, no suaõ escaldante sobre os piorneiras emaranhadas, de onde **se levantavan** os tordos e os cotovias (Urbano Tavares Rodrigues).

Foi nesta excitação que chegaram aos meus ouvidos, acerados pela insónia, uns gemidos insistentes. Levantei-me e, dando voltas à casa, esses vagidos de cortar a alma guiaram-se por fin ao presépio. O que **via** o **ouvia** era inacreditável. Num rechonchudo desespero, o menino Jesus **estorcia-se** nas palhinhas e **estendia-me** os braços. E o meu assombro cresceu quando daquele terno corpihno saiu um vozeiraõ... (Tôrres Alexandre Pinheiro).

В первом примере имперфект, следуя за претеритом, в котором ведется изложение основных событий, вводит описание природы. Во втором имперфект рисует картину, представшую перед глазами героя и вызвавшую его удивление.

Роль «переключателя» действия выполняет имперфект и при введении несобственно-прямой речи в основную линию повествования:

O cavaleiro acercou-se e perguntou-lhe o caminho para Moura. **Havia** tantos anos que naõ ali **passava** (Urbano Tavares Rodrigues).

На особую роль португальского имперфекта в организации несобственно-прямой речи указывает Родригеш Лапа [5, с. 207].

Способность имперфекта представлять события как бы развертывающимися на глазах читателя сближает данное время с презенсом. Это отмечает бразильский языковед Аталиба де Каштилю, утверждая, что «имперфект и презенс растворяют (diluem) время, обволакивая (incluindo) или словно “завертывая (envolvendo)“ нас в него» [4, с. 125]. Поэтому не случайно можно встретить имперфект в сопровождении указателя настоящего времени *agora*.

Dona Maria ficou escutando com atenção o cântico, que *agora chegava* até eles muito nítido (Leo Vitor).

...ela **voltava-se agora**, num movimento súbito, felino, fitava os olhos em mim com algum dramatismo e repetia... (Tôrres Alexandre Pinheiro).

Особую стилевую заостренность получает форма имперфекта в контексте настоящего времени.

— Que pensas tu da vida?

Maria Brenda perturba-se. Nunca **esperava** aquela pergunta. Mas ele naõ parece interessado na resposta (Augusto Abelaira).

При подобном соположении презенса и имперфекта четко проявляется контраст временных планов. В композиционном отношении имперфект способствует противопоставлению разных временных пластов.

Enfim, éramos os três inseparáveis, cada um roendo o seu osso. *Hoje*, praticamente, só resto eu (Manuel de Fonseca).

Antigamente, o Lago **era** o centro do mundo. *Hoje* é apenas um cruzamento de estradas, com casas em volta... (Manuel de Fonseca).

В последних двух примерах в создании временного контраста активно участвуют временные лексические индикаторы *hoje, enfim, antigamente*.

Способность имперфекта противопоставлять временные пласты проявляется не только при его сочетании с презенсом. Несомненный интерес представляют те случаи, когда имперфект при помощи соответствующих временных наречий выражает вневременное действие, которое может соотноситься как с планом прошедшего, так и с планом настоящего:

Dantes cantava histórias, animava; *hoje dava* ordens parvas (Soeiro Pereira Gomes).

Naõ interessa, *ontem* naõ **podia**, *hoje necessitava* absolutamente de estar contigo, discutir, conversar, irritar-te e pensar (Mario Ventura).

При таком использовании имперфекта, естественно, весьма велика роль его лексического окружения. [1, с. 76] Локализовать действия, выраженные имперфектом, помогают наречия времени *dantes, ontem, hoje*.

Таким образом, наличие больших композиционных возможностей обеспечивает высокую активность и «живучесть» имперфекта в языке художественной литературы, который является самостоятельным функциональным стилем и обладает своими закономерностями реализации заложенных в языке стилистических возможностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ликунова И.Ф. Основное значение индикативного имперфекта в португальском языке. // Современный испанский язык в глобализованном мире: в сб. материалов докладов и сообщений Международной научно-практической конференции. 2015.
2. Фирсова Н.М. Грамматическая стилистика испанского языка. — М., 1984. — 272 с.
3. Хованская З.И. Принципы анализа художественной речи и литературного произведения. — Саратов: Саратовский Университет, 1975. — 432 с.
4. Castilho, Ataliba T., de. A Sintaxe do verbo e os tempos do passado em português / Ataliba T. de Castilho. — São Paulo: Alfa Marília, 1966. — P.105–154.
5. Rodrigues Lapa, Manuel. Estilística da língua portuguesa. — São Paulo, 1965. — 300 p.

Николаичева Т. Е.

Nikolaicheva T. E.

О ПРОФИЛАКТИКЕ ОРФОГРАФИЧЕСКИХ ОШИБОК (на опыте преподавания арабского языка)

ON PREVENTING SPELLING MISTAKES
(on the basis of the Arabic language)

Аннотация: В статье освещается вопрос развития фонематического слуха у изучающих арабский язык в целях профилактики орфографических ошибок. Дается ряд методических рекомендаций для преподавателей и студентов.

Ключевые слова: Коммуникация; фонематический слух; фонетическая интерференция; арабский язык; орфографические ошибки

Abstract: The article concerns the prevention of spelling errors as a result of training phonemic hearing skills during learning Arabic. Some practical recommendations are given for teachers and students.

Key words: communication, phonemic hearing, phonetic interference, Arabic, spelling errors

Важной задачей практического преподавания иностранных языков является формирование у слушателей фонематического слуха, т.е. способности выделять, воспроизводить и различать звуки речи (фонемы). Эта способность составляет основу для понимания смысла услышанного.

Слушатели с неразвитым фонематическим слухом, как правило, испытывают серьезные трудности при коммуникации и допускают большое количество орфографических ошибок на письме. Напротив, те, кто обладает развитым фонематическим слухом, успешны в языках, говорят правильно и чисто.

Проблема развития фонематического слуха особенно актуальна для арабского языка, и ей следует уделять внимание на самом раннем этапе преподавания.

Что же надо делать для развития фонематического слуха?

В ходе вводного курса при изучении арабского алфавита у слушателя должна сформироваться устойчивая связь между звуком и соответствующей буквой (харфом).

На этом этапе основная трудность состоит в том, чтобы заучить графическое изображение каждого харфа (всего их 28). Шесть из них соединяются только с предшествующим и поэтому имеют только два варианта написания (в начале и середине слова), а остальные могут соединяться с предыдущим и последующим и имеют четыре варианта написания (в начале, середине, конце слова и отдельно).

Для проверки и закрепления материала можно «поиграть в слова»: написать реально существующее слово, соединив отдельно стоящие харфы, учитывая все вышесказанное. Добавив огласовки (краткие гласные), можно переходить от графического изображения слова к его произнесению.

В дальнейшем при выполнении домашних заданий рекомендуется прописывать новую лексику (по три-четыре строки каждое слово) с одновременным проговариванием. Практика

показывает, что такой прием способствует как становлению почерка, так и развитию фонематического слуха у учащихся.

При отработке фонем нужно учитывать, что звуковые системы русского и арабского языков достаточно сильно различаются, так же как и их артикуляционные базы.

В русском языке не используются как активные глубокие органы речевого аппарата — увула, глотка, гортань. Поэтому в русском языке нет таких звуков как увулярные, фарингальные, гортанные.

Значительную трудность при постановке нормативного арабского произношения представляет артикуляция эмфатических согласных звуков [t, d, s, z]. Особенностью их артикуляции является подъём и напряжение задней части языка с одновременным опусканием его средней части. Передняя часть спинки языка, наоборот, расслабляется и становится рыхлой. Губы и боковые стенки щек расслаблены. Подобного уклада речевых органов в русском языке нет.

Артикуляция фарингальных звуков [ɛ] и [h] также затруднительна для изучающих арабский язык, так как область их артикуляции — глотка (фаринкс) — является необычной для русскоговорящих. Поэтому для освоения способа их артикуляции требуется гимнастика корня языка и стенок глотки.

В этом смысле работа преподавателя, ведущего вводно-фонетический курс, во многом напоминает работу логопеда.

Очень часто в результате фонетической интерференции (когда при произнесении звуков иностранного языка коммуникатор использует уже сложившуюся у него акустико-артикуляционную базу) могут возникнуть фонематические ошибки, ведущие к искажению смысла высказывания.

Например, труднопроизносимый глубоко-задненёбный звук [q] в слове [qalb], что в переводе означает «сердце», заменяется на легче произносимый средненёбный звук [k] — [kalb], что означает «собака».

Вместо эмфатического [d] в слове [baʕad] в значении «некоторые, несколько» — произносится аналогичный русскому звонкий звук [d] — [baʕada] в значении «после». Эта неосознанная ошибка слухового восприятия ведет к орфографической ошибке. Так, многие пишут неправильно [baʕada dars], имея ввиду «после урока».

В русском языке четкая артикуляция удвоенных согласных не всегда обязательна. В арабском языке удвоение коренного согласного в составе слова играет смыслообразительную роль и относится к одному из средств словообразования. Например, [darasa] — «изучать, учить» и [darrasa] — «обучать».

Произнесение краткого гласного звука вместо долгого также часто приводит к изменению смысла. Например, [kataba] — «написать», а [kātaba] — «состоять в переписке». Часто вместо слова [qādim] — «будущий» говорят [qadim] — «старый, древний» с долготой на втором слоге.

Правильная артикуляция звуков неродного языка требует тонкой настройки речевого аппарата, разработки мышц гортани, не задействованных при разговоре на родном языке. Этого можно достигнуть путем систематических упражнений при обязательном контроле со стороны преподавателя.

Задача преподавателя в ходе этих упражнений состоит в том, чтобы помочь учащемуся настроить речевой аппарат и доходчиво объяснить, как артикулировать тот или иной звук. Иногда помогает образ или ситуация из повседневной жизни.

Например, довольно трудно добиться чистого произношения фарингального звука [h], который получается в результате выдыхания только шумом без участия голоса. Помогает совет представить ситуацию, как будто ты дуешь на заиндевевшее стекло, пытаясь отогреть его своим дыханием, и т. д.

В этой связи следует отметить, что коррекционную работу при постановке произношения необходимо проводить совместно с развитием фонематического слуха, так как формирование фонематического слуха происходит в тесном взаимодействии с развитием артикуляционной базы звуков и, наоборот, умение произносить какой-либо звук способствует и его лучшему восприятию на слух. При этом необходимо постоянно опираться на контроль слуха и мышечного чувства.

Если фонема трудна для артикуляции, предпочтителен путь введения изолированного звука. При этом ввод трудной фонемы включает четыре компонента: демонстрация звука; объяснение способа его произнесения; упражнения в дифференциации; воспроизведение нового звука изучающими, поскольку безусловно правильно мы слышим только те звуки речи, которые мы умеем произносить.

За правильным произношением нужно следить не только на начальном, но и на всех последующих этапах обучения. Этой задаче служит фонетическая зарядка. Она часто выполняется в начале урока и дает хороший рабочий настрой. Материалом для нее могут быть отдельные звуки, звукосочетания, слова, предложения и короткие тексты, содержащие фонетические трудности, отобранные из текущего материала, а также фонетические оппозиции, развивающие фонематический слух (k — q; t — t̃; d — d̃; h -h̃ и др.).

Устные упражнения целесообразно сочетать с фонетическими диктантами, тем самым закрепляя орфографию, подкрепляя при этом зрительную и слуховую память моторной.

Выводы

1. Одной из первостепенных задач преподавателя является формирование у студентов устойчивых навыков артикуляции звуков, которые следует контролировать на протяжении всего процесса обучения, добиваясь автоматизма.

2. Студенты должны понимать, что для того, чтобы осуществить свое коммуникативное намерение и быть правильно понятыми носителем языка, очень важно не допускать фонетических и фонологических (меняющих смысл) ошибок.

3. Знание механизма работы пассивных и активных органов речи делает возможным мониторинг и прогнозирование типичных ошибок произношения.

4. Преподаватель должен постоянно осуществлять самоконтроль в том случае, если он сам не является носителем языка.

5. «Чистка» звуковой памяти самым непосредственным образом влияет на снижение количества орфографических ошибок.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бальхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного (нового): Учебное пособие для преподавателей и студентов. — М.: Издательство Российского университета дружбы народов, 2007.

2. Лебедев В. Г., Тюрева Л. С. «Практический курс арабского языка. Вводный курс», Изд. «Восток-Запад», 2004.

3. Каменский Н. С. «Краткий вводный курс фонетики арабского литературного языка». Военный институт иностранных языков, М. 1946.

Панёвкина Е. И.

Panyovkina E. I.

ПРИНЯТЬ, УТВЕРДИТЬ, ОДОБРИТЬ, РАТИФИЦИРОВАТЬ

TO ACCEPT, TO APPROVE, TO ADOPT, TO RATIFY

Аннотация: В статье исследуется словарь, используемый при написании и введении договоров в силу. Цель — раскрыть правовую суть формальных юридических процедур через используемую терминологию. Рассматривается ряд английских терминов, являющихся базовыми и общими для различных международных правовых документов, наряду с русскими эквивалентами, чтобы облегчить понимание их смысла в обоих языках.

Ключевые слова: Право договоров, ратифицировать, одобрять, принимать, присоединяться, соглашение, договор, конвенция

Abstract: The article studies the vocabulary coupled with the processes of treaty writing and putting into effect. Its goal is to reveal the legal matter of the formal stages through the terminology used. English words which are basic and common for the international legal documents are presented alongside with Russian terms to understand their implications in both languages.

Key words: Law of Treaties, to ratify, to approve, to accept, to adhere, agreement, treaty, convention

Как-то коллега разбиралась со статьёй для группы политологов и, не поняв описанную в ней ситуацию, связанную с обращением Палестины в Международный Суд ООН, задала вопрос, отвечая на который, я упомянула слово *statute*. Отсюда начался разговор про английские слова и их русские эквиваленты, которые нельзя выбрать адекватно, не понимая того, что за ними стоит.

Давайте и начнем с этого самого слова *statute*, т. е. статута, которое является калькой в русском языке и берёт своё начало в старо-французском и старо-латинском со значением «иметь силу, обладать статусом, выступать в каком-то качестве». Вот, что пишет толковый словарь:

1250–1300 Middle English *statut* < O. French *estatut* < Late Latin *statūtum*, noun use neuter of Latin *statūtus* [past participle of *statuere* — *to make stand, set up*, — derivative of *status*], equivalent to *statū* (verb stem) + *tus* (past participle suffix)

It is used only in a noun form and only in law:

(A) 1. An attachment made by legislature and expressed in a formal document

2. The document in which such an attachment is expressed

(B) (*Int. Law*) an instrument annexed or subsidiary to an international agreement, as a treaty

(C) A permanent rule established by an organization, corporation, etc., to govern its internal affairs.

В словарных объяснениях встречаются такие слова, как *agreement* и *treaty*. Очевидно, что они — синонимы, но возникает вопрос, в чём их различие, и почему существует в английском языке великое множество слов с тем же значением — *соглашение, договор*. Позволю себе привести их: *accord, agreement, bargain, cartel, charter, concord, convention, contract, concordant, covenant, deal, entente, memorandum, modus vivendi, pact, protocol, treaty, transaction...* и этот список неполный! Нет необходимости касаться всех приведённых терминов, стоит обсудить лишь те, которые встречаются чаще других, и посему воспринимаются как базовые, основные, наиболее значимые. Исходя из вышесказанного, начнём со слова *agreement* и посмотрим, как его толкует Black's Law Dictionary:

“**An agreement** — a concord of understanding and intention, between two or more parties, with respect to the effect upon their relative rights and duties, of certain past or future facts or performances. The act of two or more persons, who unite in expressing a mutual and common purpose, with view of altering their rights and obligations.”

Стоит заметить, что данное определение ничего не сообщает о форме документа, и сразу же напрашивается другой вопрос: а что имеется в виду под словом *concord*? Тот же словарь так отвечает на этот вопрос так:

A concord — an amicable agreement between parties, esp., between peoples or nations, a compact or a treaty.

Эти определения доказывают лишь одно: эти слова — 100% синонимы! Чтобы не запутаться в них дальше и всё же понять разницу, обратимся к книге Сэмюэля Уиллистона, именитого американского юриста, профессора права, (*Samuel Williston* 1861–1963) “**The Law of Contracts**”. В ней находим следующее описание:

“**An agreement**, as the courts would say, is nothing more than a manifestation of mutual assent by two or more legally competent

persons to one another. Agreement in some respect is broader term than contract, or even bargain or promise.”

Из вышесказанного делаем вывод: это слово можно использовать, имея в виду любой контракт, сделку, при этом не всякое соглашение (*agreement*) будет являться письменным документом, т.к. подчас оно не содержит материальной части.

Другие слова, через которые мы шли к пониманию сути слова *agreement* — *compact or treaty*. **Black's Law Dictionary** предлагает следующее:

Compact — an agreement or contract usually applied to conventions between nations or sovereign states. A compact is a mutual consent of parties concerned respecting some property or right that is the object of stipulation, or something that is to be done or forborne.

Из чего полагаем, что *compact* — это *соглашение* или *контракт*, обычно используется при написании конвенций, заключаемых между государствами. Этот документ отражает взаимное согласие сторон относительно определённой собственности или права, что является предметом договорных отношений или тем, что необходимо предпринять или воздержаться от действий. Слово-синоним *контракт* в определении нас интересует меньше, т.к. оно реже используется. А вот слово *treaty* стоит рассмотреть внимательнее:

Treaty (*Int. Law*) — an agreement between two or more independent states. An agreement, league, or contract between two or more nations or sovereigns, formally signed by commissioners properly authorized, and solemnly ratified by several sovereigns or the supreme power of each state.

Чтобы быть последовательными, стоит кратко остановиться на некоторых словах-синонимах упомянутых выше списком, а именно (определения взяты из **Black's Law Dictionary**):

Concordat — дружественный договор/соглашение между лицами, государствами и Папой Римским как главой католической церкви и суверенного государства Ватикан;

Covenant — формальное согласие через соглашение или договор; устав (Лига Наций); завет (Books of the Old and the New Covenant); земля обетованная (land Covenant);

Modus vivendi (Lat., “living together”) — временная договорённость между субъектами международного права, кото-

рая впоследствии вырастает в обязательства сторон/участников этой договорённости;

Пакт — соглашение между двумя или более сторонами: государствами, или государственными институтами, или их представителями. Иногда в официальном названии пакта вносятся имена этих представителей.

И последнее, на наш взгляд, заслуживающее внимания слово *convention*. Обычно в названии конвенции отражается материальная суть документа. **Oxford Law Dictionary** даёт очень точное толкование:

Convention — соглашение между сторонами, охватывающее конкретные области, менее формально в сравнении с договором, например, “*The convention signed by the six parties bordering on the Black Sea, aims to prevent further pollution.*”

Мы вспомнили эти термины, т. к. они являются наиболее частотными и не только в сугубо юридических текстах. А теперь вернёмся к определению слова *treaty* из **Black’s Law Dictionary**:

Treaty (Int. Law) — an *agreement* between two or more independent states. *An agreement*, league, or contract between two or more nations or sovereigns, *formally signed* by commissioners properly authorized, and *solemnly ratified* by several sovereigns or the supreme power of each state.

Для простоты его можно кратко передать как соглашение, которое прошло все формальные стадии заключения. Хочется привести развёрнутое определение этого слова, предлагаемое **Free Merriam-Webster Dictionary**:

Treaty — an official agreement that is made between two or more countries or groups; the action of treating and especially of negotiating; an agreement or arrangement *made by negotiation*: (1) private treaty, (2) a contract *in writing* between two or more political authorities (as states or sovereigns) *formally signed* by representatives duly authorized and *usually ratified* by the lawmaking authority of the state; a document in which such contract is set down.

Выделенные курсивом слова отражают определённые ступени в жизни любого договора. Раздел международного публичного права — Право международных договоров — занимается всеми стадиями, деталями и тонкостями договорного процесса. Всё это подробно изложено в конвенции, которую

нельзя не упомянуть здесь, а именно «Венская конвенция 1969 г. о праве международных договоров». По формальным правилам составления юридических документов в начале даются определения, и Венская конвенция не является исключением. Она открывается с дефиниций таких слов как *a negotiating state*, *a contracting state*, *a party*, и, безусловно, *a treaty*. Последнее она трактует достаточно широко: международное соглашение в рамках международного права, представленное в одном или нескольких документах в письменном виде.

Не вдаваясь в юридические подробности, перейдём к словам, встречающимся в процессе создания и реализации международных договоров. Согласно объяснению **Free Merriam-Webster Dictionary** сначала текст документа пишется, тщательно обсуждается на экспертном уровне, переводится на языки участников данного договора и согласовывается, что чрезвычайно важно, если договор многосторонний. Страны выражают своё согласие быть связанными с правовой точки зрения обязательствами данного договора через процедуру подписания — *initialing*, *signing* — и одобрения — *approving*. Тот же словарь среди прочего отмечает, что это — формальное выражение официального согласия сторон; например, “*Congress approved the proposed budget.*” По сути, очень общее слово, т. к. процедура «одобрения» имеет формальный характер. Возвращаясь к определению слова *treaty*, видим, что слова *to approve* и *to ratify* стоят рядом и воспринимаются как синонимы. Стоит обратиться к основному документу права договоров Венской конвенции 1969 года, чтобы не осталось никаких сомнений относительно понимания и применения данных слов (**The Vienna Convention on the Law of Treaties 1969**):

“The consent of a state to be bound by a treaty may be expressed by *signature*, exchange of instruments constituting a treaty, *ratification*, *acceptance*, *approval* or *accession* or by any other means if so agreed.”

Выделенные слова составляют цепочку однородных членов предложения и опять производят впечатление синонимов. И всё же это совсем не так. «Ратификация» одно из тех слов, которое мы слышим регулярно при обсуждении международных документов. Но, если вы попросите студентов объяснить суть процесса ратификации, то в ответ услышите,

в лучшем случае, что после этой процедуры договор вступает в силу. В чём-то они правы: именно после того, как договор ратифицирован уполномоченным органом, начинается процесс реализации его на практике. Стоит заметить, что необходимость ратификации прописывается в самом договоре, а также в федеральных законах, например таких стран, как США и РФ. В других государствах существуют на этот счёт разные национальные законодательные подходы. Именно внутреннее законодательство стран определяет право сторон в договоре, будет или нет тот или иной договор подлежать ратификации. Студенческое восприятие процедуры ратификации умаляет её значение. В процессе ратификации законодательные органы тщательно анализируют международный документ. Парламентарии рассматривают (1) необходимость внесения поправок в существующее законодательство, или создания нового законодательного акта в связи с будущей имплементацией договора; (2) в соответствии с конституцией РФ процедура ратификации является обязательной; (3) правительство анализирует документ с точки зрения существующего бюджета, а также политических и правовых последствий. Но воспринимать ратификацию как исключительно «внутренний» процесс было бы ошибкой. Ратификационные инструменты по его окончанию должны быть исполнены, подлежат обмену между сторонами договора и размещены в депозитарии.

Третий глагол в нашей цепочке *to accept* очень часто заменяет глагол *to approve*, т.к. документ принимается, будучи подписанным, одобренным и ратифицированным. В процитированном ранее тексте Венской конвенции остался ещё один глагол *to access*, значения которого в нашем контексте таковы: а) *to become a party to a treaty*; б) *to express approval or consent*. Сейчас стоит упомянуть глагол близкий по значению — *to adhere*. Существенная разница между предыдущими глаголами *to approve*, *to accept*, *to ratify* состоит в том, что присоединяющаяся к договору сторона не участвовала в переговорах, но в положениях данного договора прописывается возможность присоединиться к нему другим странам.

Существует ещё один синоним, но он не упоминается ни в одном из приведённых толкований, ни в тексте конвенции — *to adopt*. Объяснить это можно тем, что первое значе-

ние этого слова в юридическом контексте сводится к «усыновлению»: *to adopt a child, to adopt a moderate tone, to adopt a highway*, говоря об обслуживании дороги. Лишь третьим указывает **Free Merriam-Webster Dictionary** значение *to accept formally and put into effect (adopt a resolution, amendment...)*.

Заканчивая на оптимистической ноте описание «жизни» договора его вступлением в силу, коротко заметим, что это происходит в разных странах по-разному. В США для этого нужна подпись президента, в Великобритании — королевы, в Российской Федерации исполнение обязательств по нему начнётся только после опубликования его текста в «Российской газете».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. The Vienna Convention on the Law of Treaties 1969.
http://www.un.org/en/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml; http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml
2. Willson, Samuel. Treatise on the Law of Contracts. 1922. New York Baker, Voorhis & Co.
3. Roberg, Jeffry L. The Importance of International Treaties: Is Ratification Necessary?//World Affairs. Vol. 169, No. 4. PP. 181–186.
4. Black's Law Dictionary 9th ed. West Group, 2009.
5. Merriam-webster.com/dictionary
6. Oxford Dictionary of Law. 7th ed. OUP, 2009.

Просвирина О. А.
Prosvirina O. A.

СЕРБСКОХОРВАТСКИЙ ЯЗЫК: ОТ ПОЛИВАРИАНТНОСТИ К ПОЛИЦЕНТРИЧНОСТИ

SERBOCROATIAN:
FROM POLYVARIANT TO POLYCENTRIC LANGUAGE

Аннотация: С 1967 года некоторые хорватские лингвисты добивались закрепления в конституции СФРЮ названия «хорватский язык» вместо равноправных названий «сербскохорватский/хорватскосербский». Название языка рассматривалось как атрибут национальной идентичности. После распада Югославии появились официальные черногорский и боснийский языки. Сегодня некоторые хорватские лингвисты предлагают отказаться

от искусственного нагнетания различий и лингвистической дискриминации, апеллируя к ценностям западной демократии. Российским дипломатам следует учитывать орфоэпические и лексические особенности четырех официальных языков в соответствии с требованием властей.

Ключевые слова: социолингвистика, территориальные варианты языка, поливариантный язык, литературная норма, диалект.

Abstract: Since 1967 some Croatian linguists have been fighting for the constitutionally established name the "Croatian language" instead of two equal names "Serbo-croatian" and "Croatio-serbian". The language name was considered to be an attribute of a nation. After the collapse of Yugoslavia the official Montenegrin and Bosnian languages appeared. Today some Croatian linguists suggest giving up the artificial strengthening of differences and linguistic discrimination, which is in contradiction with the democratic values of the western society. Russian diplomats should obey orthoepical and lexical rules of the four official languages according to the authorities' demand.

Key words: sociolinguistics, territorial language variants, polycentric language, standard language norm, dialect.

17 марта 2017 года в Хорватии торжественно отмечалась юбилейная дата: 50-летие публикации «Декларации о названии и положении хорватского литературного языка». [9] Среди хорватских деятелей науки и культуры, да и в широких массах хорватского населения это событие оценивается сегодня как первый удар по единству Югославии, заложивший фундамент свободы. Формальным поводом для обнародования этого документа послужила «двусмысленность» некоторых положений заключенного в 1954 году в городе Нови-сад соглашения о названии языка сербов и хорватов: сербско-хорватский или хорватско-сербский, причем оба названия признавались равноправными. Тем не менее, в 1967 году ряд хорватских лингвистов и деятелей культуры потребовали законодательного закрепления названия «хорватский язык», подчеркивающего национальную самобытность языка. В юбилейном 2017 году появился документ с противоположной направленностью — «Декларация об общем языке», в которой утверждается, что национальная самобытность вполне совместима с признанием общей лингвистической базы языка. [10] Попробуем проанализировать события, происходившие в течение полувека.

Что стояло за названиями сербскохорватский и хорватско-сербский? Они закрепляли статус территориальных вариантов за двумя исторически сложившимися литературными

нормами: сербской и хорватской. Варианты предполагают наличие инварианта, функцию которого выполняла штокавская диалектная база с общей грамматической системой и (в основном) общим лексическим фондом. Штокавские говоры распространены почти на всей территории Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, а также на большей части Хорватии. Именно поэтому в 1850 году в Вене был подписан договор о штокавской базе литературного языка сербов и хорватов. На территории современной Хорватии существуют кайкавский диалект и северные чакавские диалекты со своей литературной и культурной традицией, но претендовать на статус литературного (или стандартного) языка всех жителей Хорватии они не могут по причине малочисленности носителей этих диалектов. Штокавская грамматическая и лексическая основа была оптимальным выбором в XIX веке, но в XX веке ситуация усложнилась. [1] На выбор названия сербскохорватский/хорватско-сербский повлиял ряд экстралингвистических факторов, в том числе то обстоятельство, что на территории Хорватии проживали православные сербы, которых Австро-венгерская монархия использовала для защиты от турецкой агрессии (в мирное время они занимались крестьянским трудом в качестве свободных фермеров, что вызывало раздражение закрепощенного католического населения). На всей территории Сербии, Боснии и Герцеговины, Черногории жили хорваты-католики, словаки, венгры и т. д., ведь Югославия сложилась из осколков Австро-Венгрии и Османской империи. Казалось бы, название общего языка, в котором упомянуты два крупнейших этноса в Югославии, должно было устраивать всех.

К моменту подписания Декларации в 1967 году варианты литературной нормы общего языка различались главным образом на орфоэпическом и лексическом уровнях. Сравним отрывок из романа классика хорватской литературы Мирослава Крлежи и его «перевод» на сербский язык.

Хорватский оригинал: *Već osamnaest (6) milijuna godina hodamo na stražnjim nogama a još smo četveronošci uglavnom svi. I što to znači (6) znati čitati i pisati kada pišemo već sigurno (6) dulje od pedeset hiljada godina a svakih se stotinu godina rodi po jedan (a) čovjek koji (a) umije doista (6) pisati a njega ne čita (6) nitko.* [13]

Сербский перевод: *Već osamnaest miliona godina hodamo na stražnjim nogama a još smo četveronošci uglavnom svi. I što to znači znati da čitaš i pišeš kada pišemo već sigurno duže od pedeset hiljada godina a svakih se stotinu godina rodi po jedan čovek koji ume doista da piše a njega ne čita niko.*

В приведенных отрывках подчеркнуты следующие различия: (а) орфоэпические («экавский» и «екавский» рефлекс древнего звука «ять»); (б) лексические (все подчеркнутые лексемы имеют помету W = west, предупреждающую о том, что слово более типично для западной, хорватской нормы) [7]; (в) синтаксические (для сербского узуса более характерно употребление конструкции *да+ презент* вместо инфинитива, хотя обе конструкции допустимы). Разумеется, в 1967 году произведения Крлежи изучались и в хорватских, и в сербских школах без перевода. Ведь различия обычно носят статистический характер, то есть фреквентные единицы в хорватском варианте являются маргинальными в сербском и наоборот. И сегодня сербы не отрекаются от Иво Андрича, писавшего о трагичной истории народов, которые стали орудием борьбы между империями и конфессиями, хотя в его текстах много хорватизмов и турцизмов. Милорад Павич не стал чужим из-за того, что в его романах встречаются дублиеты вроде хорв. *glazba* = серб. *muzika*, хорв. *kruh* = серб. *hleb*. [4]

Именно писатель Крлежа, коммунист с пятидесятилетним стажем, стал «тараном», пробившим дорогу к публикации Декларации 1967. Он общался на короткой ноге с югославским лидером Йосипом Броз-Тито, этническим хорватом, и как теперь можно прочесть в многочисленных источниках, убеждал вождя, что положение хорватского варианта языка самое бедственное. Он поставил свою подпись под документом, в котором сербы обвинялись в унитаризме и навязывании норм сербского варианта. Впрочем, в письме, которое Мирослав Крлежа направил в адрес руководства Союза коммунистов, говорилось лишь о названии: «Я подписал Декларацию как проект поправки к конституции о названии хорватского и сербского языка». Обвинения в нарушении равноправия двух вариантов были подкреплены лишь одним конкретным примером. Речь шла о тексте Резолюции съезда Союза композиторов Югославии, которая была опубликована на сербско-

хорватском, македонском, словенском, а «перевод» на хорватский вариант сделать забыли (скорее всего ненамеренно). Декларация была перепечатана хорватскими СМИ в эмиграции. Многие выдающиеся сербские лингвисты поддержали инициативу хорватских коллег.

Официально название «хорватский язык» было принято спустя несколько лет, но работа по наращиванию различий началась немедленно. В школьные учебники вносились изменения, напр.: кислород и водород сербские школьники изучали как *kiseonik* и *vodonik*, а хорватские — как *kisik*, *vodik*. В Сербии на уроке математики уравнение называли *jednačina*, а в Хорватии — *jednadžba*. В лексике усугублялся пуризм, восходящий к XIX веку, когда иностранные слова калькировались с помощью славянских корней, ср.: хорв. *kolodvor* — нем. *Bahnhof*, хорв. *brzojav* — англ. *telegram*.

В хорватских грамматиках порядок падежей несколько отличался от сербских, хотя сами окончания совпадали, ср.:

Сербский вариант

Nominativ: ko, šta?

Genitiv: koga, čega?

Dativ: kome, čemu?

Instrumental: kim, čim?

Lokativ: o kome, o čemu?

Хорватский вариант

Nominativ: tko, što?

Genitiv: koga, čega?

Dativ: komu, čemu?

Lokativ: o komu, o čemu?

Insrumental: kim, čim?

Приводились варианты окончаний прилагательных: *Genitiv: lepog/lepoga; Dativ: lepom/lepomu/lepome*. В сербских грамматиках вариант окончания с гласным [u] рекомендовался лишь для прилагательных с основой на мягкий согласный: *lepome*, но *vrućemu*. [6]

Разумеется, не все лингвисты выступали за разграничение языков, большинство югославских и советских лингвистов сравнивали территориальные варианты сербскохорватского языка с вариантами английского, немецкого и др. [3] Этот постулат полностью соответствовал реальному положению дел. Территориальные варианты имеют общую грамматическую базу и общую лексику с модификациями и различиями, обусловленными соседством с разными языками и этносами.

Этническими вариантами их нельзя было назвать, в частности, потому что православные сербы на территории Хорватии (ранее Австро-Венгрии) испокон веку говорили с теми же орфоэпическими и лексическими особенностями, что и католики-хорваты. Однако в силу экстралингвистических факторов борьба за название языка продолжилась вплоть до 1972 года, когда в конституции СФРЮ было закреплено название «хорватский язык». На деле речь шла не о названии, а о статусе, что выяснилось после распада Югославии.

То, что происходило в независимой Хорватии, наиболее объективно сформулировала хорватская лингвистка Снежана Кордич, анализируя природу и социальные корни языкового пуризма: «... Пуризм не является свойством языка, а лишь характеризует убеждения отдельных людей. Уже поэтому мы не можем утверждать, что пуризм является традицией хорватского языка, а должны признать, что существуют отдельные группы людей, приверженных пуризму./.../ Несмотря на рекомендации пуристов очевидно, что их влияние на язык незначительно. Это подтверждает огромное количество заимствованных слов в хорватском языке, употреблявшихся нашими предками и существующих сегодня, причем мы даже не отдаем себе отчет в том, что они когда-то пришли из других языков. Следовательно, доминантное свойство традиции не пуризм, а открытость по отношению к другим языкам, что наблюдается и сегодня. Ну а сторонники пуризма поддерживают миф о необходимости борьбы за чистоту языка, которая якобы является традиционной. Тем самым они привлекают к себе внимание общественности и позиционируют себя в качестве спасителей нации и национального языка» [12] (перевод О. А. Просвириной)

Язык органов государственного управления, армии, международных организаций в первую очередь подвергся чистке, ср. хорв. *sabor* — серб. *skupština*, хорв. *Vijeće sigurnosti UN* — серб. *Savet bezbednosti UN*. И сербам, и хорватам знаком термин *poručnik*, но в сербской армии есть звания *poručnik* «лейтенант» и *potporučnik* «младший лейтенант», а в хорватской — *poručnik* «лейтенант» и *natporučnik* — «старший лейтенант». Когда президентом Хорватии была избрана Колинда Грабар-Китарович, на сайте правительства появилась офици-

альная биография с заголовком *Životopis*. Однако в СМИ одинаково часто употреблялись слова *biografija*, *životopis* иной раз в соседних абзацах. Посол по-сербски *ambasador*, а по-хорватски *veleposlanik*; верительные грамоты — серб. *akreditivi*, хорв. *verodajnice*. Это официальные различия. Журналисты же могут употреблять эти слова параллельно, как синонимы: *Hrvatski ambasador predao verodajnice... Novi hrvatski veleposlanik u SAD govori engleski...* [10] Интересно сравнить сербские и хорватские инструкции, прилагаемые к бытовым приборам: помимо двух-трех территориальных дублетов, в них обязательно используются синонимы и синтаксические трансформации, нагнетающие впечатление несходства. Что касается грамматических форм, то в современных учебниках нередко игнорируются формы, принятые и у сербов, и у хорватов, и навязываются или рекомендуются различия. Скажем, упомянутые ранее окончания прилагательных *lepoga*, *lepomu* подаются как единственно возможные в хорватском языке, хотя по-прежнему в речевой практике живы формы *lepog*, *lepom/lepome*. В качестве форм презента глагола *otići* приводятся словоформы *otidem*, *otideš...*, хотя на всей территории распространения сербскохорватского языка также употребителен вариант *odem*, *odeš...* [2]

Сравним два фрагмента Декларации 1967 года и Декларации 2017 (перевод с хорватского О. Просвириной).

1967

Многовековая борьба народов Югославии за национальную свободу и социальную справедливость достигла кульминации в революционных преобразованиях 1941–1945 гг. Словенцы, хорваты, сербы, черногорцы и македонцы сформировали федерацию из шести социалистических республик, гарантирующую равноправие и взаимное братское сотрудничество./.../ Вопреки решениям VIII съезда, IV и V пленумов ЦК СКЮ, особо отметивших важность социалистических принципов равноправия народов Югославии и следовательно, их языков, посредством административного аппарата и средств массовой информации/.../, а также вследствие языковой практики в армии, федеральных органах управления, законодательстве, дипломатии и политических организациях фактически и сегодня осуществляется навязывание «государственного языка»...

2017

Навязывание небольшого количества существующих различий и принудительное разграничение четырех стандартных вариантов приводят к ряду негативных социальных, культурных и политических явлений, в частности, к использованию языка в качестве предлога для сегрегации детей в некоторых многонациональных социумах, к ненужному «переводу» в языке администрации и СМИ, к измышлению несуществующих различий, к бюрократическому произволу, а также к цензуре (и неизбежной самоцензуре), с помощью которой языковой узус превращается в критерий этно-национальной принадлежности и в инструмент проверки политической лояльности./.../Поэтому мы, подписавшие эту Декларацию, призываем к отмене всех видов языковой сегрегации и дискриминации в образовательных и государственных учреждениях; к прекращению репрессивных и вредных для носителей языка попыток разделения языков и жесткого регулирования стандартных вариантов, к отказу от ненужного, бессмысленного и дорогого «перевода» в судебной и административной практике, а также в СМИ...

Декларацию 2017 подписали более 230 представителей Хорватии, Боснии и Герцеговины, Черногории и Сербии, столкнувшиеся с последствиями того, за что боролись подписанты Декларации 1967, которая в конечном итоге вдохновила политический класс всех государств, возникших на обломках Югославии, к провозглашению официально закрепленных отдельных языков, в частности, боснийского и черногорского. В Декларации 1967 в духе марксистской теории язык рассматривается как атрибут национальной идентичности. При этом, то обстоятельство, что на территории Хорватии проживали православные сербы (250 тысяч сербов подверглось этнической чистке в 90-е годы, по данным российского МИД), а также другие меньшинства, авторы этого документа не учитывали. Имплицитно декларация 1967 объявляла хорватами всех, кто проживал на территории Хорватской социалистической республики, границы которой в те времена воспринимались как административные. Такая стратегия формирования гомогенной нации оказалась более эффективной, чем концлагеря или насильственное обращение в католичество в годы

фашистского Независимого государства Хорватии. По результатам последней переписи лишь около 10 000 жителей Хорватии указали, что пользуются сербскохорватским или хорватскохорватским языком.

Декларация 2017 выдержана в духе демократических ценностей западного сообщества. И несколько раз в ней упоминается дороговизна перевода, тоже в духе европейского рационализма. В тексте этого документа, тем не менее, неоднократно подчеркивается, что признание общности языка сербов, хорватов, черногорцев и боснийцев (мусульман-босняков) не предполагает возврат к названию «сербскохорватский», наоборот, каждое государство вправе использовать свое название языка. Авторы Декларации 2017 предлагают считать общий язык полицентричным, поскольку речь идет не о территориальных вариантах языка в границах одной страны, а о вариантах, каждый из которых обладает государственным статусом (используемый в некоторых источниках термин плюроцентричный неблагозвучен, поэтому целесообразно согласиться с хорватскими экспертами в выборе термина). Таким образом, речь идет о полицентричном языке, имеющем четыре названия. Подписанты Декларации 2017 стали объектом резкой критики и даже репрессий — точно так же, как в свое время подписанты Декларации 1967.

В середине 90-х годов профессор Корнелльского университета (США) У. Браун предсказывал две тенденции развития сербскохорватского языка под влиянием экстралингвистических факторов (гражданская война, массы беженцев и перемещенных лиц): 1) перемешивание диалектов и смазывание границ между ними и 2) параллельная усиленная кодификация внутри каждого варианта языка. [7] Развитие событий подтвердило правоту исследователя. Работают кафедры, институты, издательства. Публикуются грамматики и словари, призванные подтвердить объективное существование 4 языков: сербского, хорватского, боснийского, черногорского. В органах государственного управления наблюдается тенденция к строгому соблюдению новых норм. А простые люди хотят жить и работать без лишних неудобств (им проще общаться на сербскохорватском, чем, скажем, на английском).

Российским дипломатам приходится ориентироваться на официальную установку. В каждой из стран, где распространен сербскохорватский язык, дипломатические документы подписываются так: «перевод с сербского/хорватского/черногорского/боснийского языка». В общении с коллегами-дипломатами рекомендуется придерживаться орфоэпических и лексических норм соответствующего языкового варианта. При всем сочувствии к интеллектуалам, подписавшим Декларацию 2017, призывы к толерантности не стоит адресовать представителям политического класса. Каковы же будут отдаленные последствия публикации этого документа, узнаем через полвека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Багдасаров А. Р. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.). // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС-пресс, 2004, с. 30–49.
2. Багдасаров А. Р. Хорватский язык. Санкт-Петербург: Каро, 254 с.
3. Гудков В. П. Сербохорватский язык. // Славянские языки, М.: Издательство МГУ, с. 250–288.
4. Милорад Павић. Унутрашња страна ветра или роман о Хери и Леандру. Београд: Просвета, 1991, 213 с.
5. Просвирина О. А. Учебник сербохорватского языка: экстралингвистические и лингводидактические проблемы. // Мир педагогики и психологии. № 7 (12), 2017. Сс. 5–12.
6. Eugenija Barić i dr. Priručna gramatika hrvatskoga književnog jezika. Zagreb: Školska knjiga, 1979, 501 s.
7. Morton Benson uz saradnju Biljane Šljivić-Šimšić. Srpskohrvatsko-engleski rečnik. Drugo dopunjeno i prerađeno izdanje. Beograd: Prosveta, 1980, 784 s.
8. Wayles Browne. Serbo-Croat. // The Slavonic Languages. Edited by Bernard Comrie and Greville G. Corbett, London and New York: Routledge, p. 306–387.
9. Deklaracija o nazivu i položaju hrvatskog književnog jezika. // Telegram, br. 359. Zagreb, 17. 03. 1967.
10. Deklaracija o zajedničkom jeziku. Текст Декларации предъявлен общественности на пресс-конференции в Загребе, Белграде, Подгорице, Сараево 30. 03. 2017 года.
11. Hrvatski veleposlanik predao vjerodajnice. // Jutarnji list. 10.09.2017.
12. Snežana Kordić. Jezik i nacionalizam. Zagreb: Durieux, 2010, s. 23.
13. Miroslav Krleža. Povratak Filipa Latinovicza: elektire.skole.hr, s. 77.

Русакowa И. Б.
Rusakova I. B.

ОБУЧЕНИЕ АУДИРОВАНИЮ НОВОСТНЫХ СООБЩЕНИЙ

TEACHING TO LISTEN TO NEWS REPORTS

Аннотация: В статье рассматриваются психофизиологические механизмы аудирования, отличительные особенности новостных текстов. Представлены упражнения, способствующие развитию навыков аудирования новостных радиосообщений.

Ключевые слова: новостное сообщение, новостной текст, навыки аудирования.

Abstract: The article deals with psychological aspects of listening and the features of news reports. Exercises to develop the skills of listening are considered.

Key words: news report, news text, listening skills

В соответствии с программой «Иностранный язык профессиональной деятельности» (английский) умение воспринимать и перерабатывать информацию на иностранном языке, полученную из аудиоисточников, является одним из требований, предъявляемым к слушателю академии. Выпускник (бакалавр) факультета «Международные отношения» ДА МИД РФ должен научиться понимать и излагать содержание прослушанных аудиосообщений по общественно-политической тематике [2].

Аудирование — рецептивная деятельность, которая включает одновременное восприятие и понимание звучащей речи. «Процесс понимания состоит из анализа и синтеза разноуровневых языковых единиц (фонем, морфем, слов, предложений)», в результате чего реципиент преобразует воспринимаемые им звуковые сигналы в смысловую запись [9, с. 99]. Аудирование связано с другими видами речевой деятельности. Целью чтения и аудирования является восприятие и смысловая переработка информации. Устная речь включает аудирование и говорение.

Восприятие речи на слух связано с преодолением трудностей, среди которых выделяют условия коммуникации, лингвистические особенности звучащей речи, сложность перекодирования звуковых сигналов в смысловую запись [9].

К условиям коммуникации относятся такие факторы, как однократность предъявления информации и необратимость звучащей речи, что требует от слушающего быстрого опознавания звуковых сигналов, темп воспринимаемого сообщения, необходимость адаптироваться к голосам разной силы и тембра, к произношению, отсутствие зрительных опор и обратной связи с говорящим (источником информации).

Среди трудностей, связанных с лингвистическими характеристиками звучащей речи, отмечают фонематические особенности, т. е. расхождение графического и акустического облика слова в условиях быстрого темпа речи и «сокращенного» произношения слов; ритмико-интонационные особенности; лексические особенности (распознавание омофонов, выбор лексико-семантического варианта многозначных слов); трудности восприятия экспрессивной и стилистически окрашенной речи. По сравнению с учебными аудиоматериалами новостные сообщения отличаются высоким темпом речи, наличием большого количества имен собственных, цифр, незнакомых слов. Даже знакомые слова (словосочетания) могут вызывать сложности, так как студенты не всегда могут соотносить звуковой образ слова с его семантикой [8].

Понимание содержания получаемой информации осложняется восприятием фактического (событийного) плана сообщения (что случилось, где, когда, с кем), пониманием логики изложения фактов, осмыслением общей идеи сообщения, мотивов говорящего, а также формированием собственного отношения к услышанному [9, с. 100].

Понимание психофизиологических механизмов аудирования помогает преодолеть трудности, связанные с аудированием. Восприятие речи на слух включает внутреннее проговаривание, во время которого реципиент преобразует звуковые (звуковые и зрительные) образы в артикуляционные. От точности такого внутреннего воспроизведения во многом зависит понимание услышанного. Правильность внутреннего проговаривания определяется качеством сформированности произносительных навыков во внешней речи. Л. П. Ткаченко отмечает, что на начальном этапе обучения иностранному языку навыки аудирования должны развиваться в тесной связи с навыками чтения вслух и говорения. Это обеспечивает не только

формирование четких произносительных навыков, но и способствует установлению прочных связей между артикуляционными и слуховыми ощущениями, поскольку говорящий одновременно воспринимает собственную речь на слух. [7]

На начальном этапе изучения иностранного языка звучащая иноязычная речь нередко воспринимается как сплошной поток звуков. Понимание целого сообщения обеспечивает механизм сегментации речевой цепи, с помощью которого целое сообщение делится на лексико-семантические звенья (фразы, словосочетания, слова).

Для осмысления фразы (фрагмента) реципиенту необходимо некоторое время удерживать в сознании воспринятые на слух слова и словосочетания. Объем воспринимаемой информации определяется механизмом оперативной памяти: чем лучше развита оперативная память, тем более крупными блоками воспринимается сообщение и тем меньше времени необходимо для ее усвоения.

Механизм идентификации понятий также играет существенную роль в аудировании, так как позволяет слушающему определить, какой из лексико-семантических вариантов многозначного слова актуализирован в данном контексте.

Процесс восприятия звучащей иноязычной речи облегчает антиципация, т. е. прогнозирование смысла высказывания. Ситуация общения, контекст, личность говорящего, опыт общения на иностранном языке во многом облегчают восприятие сообщения.

Идентификация понятий и прогнозирование основаны на работе механизма долговременной памяти. Именно долговременная память позволяет сравнивать поступающие речевые сигналы со стереотипами, которые хранятся в сознании реципиента, и определять их как знакомые или незнакомые. В отличие от других механизмов долговременная память определяется всем предшествующим языковым опытом реципиента [9, с. 101].

Механизм осмысливания позволяет преобразовать словесную информацию в образную. С помощью этого механизма производится компрессия фраз, фрагментов, целого текста: опускаются подробности, в памяти остается только «стук» смысла.

На занятиях по иностранному языку особое внимание уделяется формированию аудитивных умений у слушателей. Основной единицей обучения аудированию является аудиотекст. Поскольку на экзамене слушатели ДА должны продемонстрировать умение излагать содержание прослушанного сообщения по общественно-политической тематике, основным материалом для аудирования являются новостные тексты (радиосообщения), в частности BBC.

Т.Г. Добросклонская рассматривает общие признаки новостных текстов (как в печатных СМИ, так и на радио и телевидении): динамичность, информативность, стремление к нейтральному стилю изложения. На морфосинтаксическом уровне отмечается активное употребление лексических словосочетаний (*top level meeting, energy supply problem*), синтаксических словосочетаний с ограничивающим прилагательным, которое выделяет предмет из ряда аналогичных (*temporary ceasefire*), смешанные типы словосочетаний, которые включают в себя лексический и синтаксический способы соединения (*dangerous riot situation, civil rights demonstration*).

Основной задачей новостного текста является передача информации, сообщение о событиях. Динамичность, информативность таких текстов поддерживается глагольными словосочетаниями.

В новостных сообщениях широко распространены пассивные глагольные формы и безличные конструкции. Исследователь указывает на интерпретационные свойства пассивных форм, которые особенно ярко проявляются в сообщениях о конфликтных ситуациях. В таких случаях авторы сообщений нередко используют пассивные конструкции для смещения смысловых акцентов, например, в предложении *The miner was arrested by the police* логический акцент переносится на возможного виновника происшествия — шахтера. [1, с. 111]. Также отмечается частотность наречий на *-ly* (*to be deeply concerned, to be basically aimed*), конструкций *there is | are*, форм *Continuous*.

Главной особенностью новостных текстов на лексикофразеологическом уровне является высокая степень клишированности. При составлении новостного сообщения по определенной теме используется достаточно ограниченный набор

узуально-клишированных словосочетаний [1, с. 126]. Так, словосочетания *to hold a meeting, to take place, to be represented at the conference, to be attended by* используются для передачи сообщения о месте проведения мероприятия и о его участниках. Для описания атмосферы и результатов — *in an atmosphere of sharp differences, in a constructive and businesslike atmosphere, to arrive at an agreement*. Для новостных текстов также характерно употребление устойчивых коллокаций (*strong collocation*), т.е. устойчивых словосочетаний, не имеющих явной тематической соотнесенности: *to express concern, to show interest, joint effort*. Клишированность новостных текстов, в некоторой степени их предсказуемость способствуют лучшему пониманию звучащего новостного сообщения.

Особенностью текстов массовой информации является их соотнесенность с текущими событиями социально-политической и культурной жизни. Медиатексты представляют собой «моментальный синхронный срез жизни современного общества, мгновенное изображение того или иного лингвокультурного коллектива» [1, с. 132]. Фоновые знания, т.е. сведения экстралингвистического характера, необходимы для понимания таких текстов.

Новостной текст отличается многослойностью. Новости представляют собой последовательное соединение отдельных текстовых сегментов — слов ведущего, репортажей, высказываний интервьюируемых. Важным текстообразующим компонентом новостного текста являются ссылки на источник информации, цитаты, устойчивые фразы-связки, используемые для объявления и завершения программы, приветствие ведущего, фразы, которые связывают отдельные части новостного текста.

Новостные аудиотексты отличает их тематическая повторяемость. Информация новостных сообщений может быть уже известна слушателям, поскольку подготовка к занятию включает самостоятельную работу студента с интернет-ресурсами, поиск и изложение новостного сообщения на уроке.

При организации работы с аудиоматериалами необходимо принимать во внимание как психофизиологические особенности процесса восприятия речи на слух, так и учитывать специфику самих аудиотекстов, которые, с одной сторо-

ны, затрудняют, а с другой, облегчают понимание содержания сообщения.

Упражнения на развитие речевого слуха и формирование устойчивых навыков восприятия и понимания на слух новостных сообщений способствуют минимизации аудитивных трудностей [4, с. 342].

Работа с новым, сложным для восприятия лексическим материалом включает отработку произношения слова, перевод слов/словосочетаний, прослушивание целого сообщения или его отрывка и распознавание слов, словосочетаний в потоке речи, определение значения из контекста, например: прослушайте сообщение/отрывок и отметьте в списке услышанные слова/фразы, отметьте в списке слова в той последовательности, в которой они звучат, заполните пропуски в тексте сообщения данными словами и, прослушав сообщение (отрывок), проверьте правильность заполнения.

Подготовка к прослушиванию также включает определенный настрой на восприятие предлагаемого новостного сообщения. Студенты отвечают на вопросы, которые позволяют им спрогнозировать содержание аудиотекста, например: Какое событие недавно произошло в ...? Что случилось в...? Какое событие, важное для всех граждан страны, произойдет в ... на следующей неделе? Можно прочитать отдельные слова/словосочетания, имена собственные, даты и попросить студентов определить тему новостного сообщения. Кроме того, прослушивание новостного сообщения может предваряться прочтением сходной по содержанию статьи, заметки. [6]

Для понимания и удержания в памяти прослушанного сообщения необходимо понимать его логико-смысловую и композиционную структуру. Предъявление печатного текста новостного сообщения (особенно на начальном этапе обучения аудированию) помогает слушателям понять логику построения новостного сюжета, позволяет определить ключевые слова и понятия [4, с. 343]. Постепенно объем печатного текста уменьшается, студенты привыкают работать с новостным сообщением без зрительной опоры.

Прослушивание новостного сообщения предполагает письменную краткую фиксацию его содержания, запись мысли. При прослушивании новостей запоминается не более 28%

услышанного. Опора на краткие, схематичные записи позволяет удерживать в памяти больший объем информации, необходимый для изложения содержания. Использование символов, сокращений экономит время записи. Так, система универсальной переводческой скорописи (УПС) «отражает не отдельные слова, а мысли, использует как английский, так и русский язык» [3, с. 9].

В зависимости от сложности предъявляемого аудиотекста и степени сформированности аудитивного навыка студентам можно предложить следующие задания: прослушайте сообщение и назовите страну, имена политиков, названия организаций, события, о которых шла речь; расскажите по-русски, что поняли; скажите, что произошло, почему, где, когда, с кем, кто принимал участие, в чем, какие результаты, последствия; изложите содержание сообщения на английском языке, расскажите, что вы еще слышали/читали по данной теме. При организации работы с новостным аудиотекстом необходимо помнить о том, предлагаемый текст является речевым образцом, а основная цель прослушивания — «вывести материалы текста в речь обучаемых и способствовать формированию у них умения самостоятельно строить собственные высказывания, имея в качестве звукового речевого образца теле- или радиотекст» [5, с. 114].

Самостоятельная работа студентов включает письменную расшифровку новостных сообщений с последующей проверкой преподавателем или во время аудиторных занятий.

Таким образом, при обучении аудированию новостных текстов необходимо учитывать как психофизиологические особенности механизмов аудирования, так и специфику новостных сообщений. Работа с новостным аудиотекстом должна регулярно и систематически проводиться не только во время аудиторных занятий, но и самостоятельно выполняться студентами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Добросклонская Т.Г. Лингвомедийные свойства основных типов медиатекстов//Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ: современная английская медиа речь: учебное пособие/Т.Г. Добросклонская.- М.: Флинта: Наука; 2008.- С. 94–139.

2. Коптелова И. Е. Рабочая программа дисциплины «Иностранный язык профессиональной деятельности» (английский). Направление подготовки: 031900 Международные отношения; профиль подготовки: Мировая политика. Квалификация (степень): бакалавр. М., 2012.

3. Косоплечева Т. А., Шибаева Л. В., Шитарева М. В. Пособие по развитию навыков аудирования на основе политической радиоинформации Би-Би-Си. Визиты. Переговоры. Соглашения. Книга для преподавателя. М., 2002. С. 6–12.

4. Лопатинская В. В. Развитие навыков аудирования радиосообщений на английском языке у студентов направления подготовки «Международные отношения» // Коммуникация в современном полткультурном мире: прагматика лингвистического знака: сборник статей. Москва, 2015. С. 339–345 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23913175&> (дата обращения: 24.08.2017).

5. Никитина Ю. А. Речеведческий подход к формированию умений аудирования как средство повышения профессиональной компетенции студентов факультетов иностранного языка (на материале жанров англоязычной новостной информации): Дис... канд. пед. Наук. Тольятти, 2002. 238 с.

6. Погодина Т. Ю., Шибаева Л. В. Об обучении иноязычному аудированию. // «Опыт и перспективы обучения иностранному языку в евразийском образовательном пространстве». Барнаул. 2016. СС. 84–91

7. Скубневская Т. В. Методика обучения чтению литературы по специальности на основе аудирования профессионально направленной речи // Современные исследования в области преподавания иностранных языков в неязыковом вузе. Сборник научных трудов. — Барнаул: ИП Колмогоров, 2012.

8. Тарасенко М. А. Обучение студентов-международников восприятию и пониманию на слух иноязычных новостных текстов на основе ориентирующих упражнений // Практика преподавания иностранных языков на факультете международных отношений БГУ: электронный сборник. Вып. 1. 2011. С. 33–34 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5269/1/tarasenko_2011_Lang_practice.pdf (дата обращения 26.08.2017)

9. Ткаченко Л. П. Обучение аудированию // Практическая методика обучения русскому языку как иностранному / Под ред. А. Н. Щукина. — М., Рус. Яз., 2003. — С. 98–106.

Синицын А. Ю.
Sinicyn A. Yu.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИЙНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

APPLICATION OF MULTIMEDIA FOR THE MASTERING OF FOREIGN LANGUAGES

Аннотация: В статье приводятся основные задачи, методы и примеры применения мультимедийных средств в процессе обучения иностранному языку. Описываются современные мультимедийные материалы и преимущество их применения на занятиях и во внеклассной деятельности учащихся.

Ключевые слова: мультимедиа, иностранные языки, методика обучения, видеообзор, подкаст, информационные технологии, интенсификация самостоятельной работы учащегося.

Abstract: The article is concerned with the most relevant objectives, methods and examples of the usage of multimedia means in the learning and practicing of foreign languages. Some contemporary multimedia means are indicated and described paired with advantage of their application both in class and for individual preparation activities.

Key words: Multimedia, foreign languages, methodology, footage, podcast, information technologies, development of personal contribution in the study.

Глобализация современного мира является сложным многомерным процессом, подразумевающим, в частности, взаимопроникновение культур и традиций, создание общего культурного пространства. Люди больше общаются благодаря развитию межнационального делового партнерства, интернету, социальным сетям, туризму. В этой связи, интерес к изучению иностранного языка и в частности его разговорного аспекта, как основного средства коммуникации, значительно возрос.

Возросли и ожидания изучающих в отношении методов преподавания. Раньше преподаватель владел некоторой монополией на знание предмета, а основными источниками информации были, прежде всего, учебники и книги. Позже появились разнообразные иллюстрированные пособия, аудио- и видеокассеты. Так началось массовое внедрение «мультимедиа» в среду изучающих иностранные языки.

Обучение стало постепенно приобретать более увлекательный характер. [3] Появился даже неофициальный тер-

мин эдьютейнмент. Это новообразование представляет собой сочетание слов (которое некоторые именуют *portmanteau*): education — образование и entertainment — развлечение. Слово эдьютейнмент используется для объединения образования и развлечения, особенно их мультимедийных средств. Учащийся развлекается, сосредоточившись при этом на учебном процессе. [1] Любопытно то, что сам термин мультимедиа, который мы тесно ассоциируем с компьютером, появился вне всякой связи с ЭВМ. Его впервые применил художник и певец Боб Гольдштейн в 1966 году на открытии своего светового шоу на Лонг Айленде. [7] В более узком, профессиональном аспекте мультимедиа понимается как совокупность аппаратных и программных средств, организующих единую информационную среду, состоящую из тестовой информации, звука, графики, анимации [8]. И действительно иностранный язык не является простым списком выученных слов и набором грамматических правил, по которым «натаскиваются» наши слушатели. Язык — это культура, история, это радость общения с абсолютно другими по своему жизненному укладу и психологии людьми. И изучающие иностранный язык, а в особенности молодые люди, понимают это. Им уже недостаточно ограничиваться только грамматическими упражнениями и «новыми словами урока». Современное поколение с его клиповым мышлением, то есть восприятием мира через яркие образы и короткие послания, ожидает большего разнообразия не только в своей личной жизни, но и в процессе обучения. И спрос рождает предложение. Обучение становится все более ориентированным на студентов. Современные пособия и методы обучения помогают преподавателям разнообразить средства, используемые при проведении аудиторных занятий, отходя от устаревшей практики *“Talk and chalk”*. Студентам в свою очередь это дает возможность обучаться на современном страноведческом материале, представленном с использованием современных технических средств.

Спектр подобных технических возможностей существенно расширился за последнее пару десятилетий. Такие методики прошлого как 25-кадр, особые сигналы на магнитной ленте, методика обучения во сне были дополнены современными способами. Это применение нейро-лингвистического

программирования (НЛП), использование программного обеспечения в виде словарей, игровых приложений для расширения словарного запаса и углубления знаний грамматики, просмотр фильмов и видеороликов с возможностью чтения субтитров на нескольких языках, возможность загрузки звуковых учебных файлов, использование порталов с песенной лирикой практически любого исполнителя. [3]

Все вышеперечисленные средства дополняются самостоятельной работой учащихся, которые также могут применить мультимедийные средства. Например, изучающие иностранный язык могут воспользоваться программой Power Point для создания творчески скомпилированной презентации практически по любой теме, от сообщения по грамматическому правилу, до страноведческого доклада, получив при этом ценный опыт публичного выступления (public speech practice). Данный вид деятельности развивает у учащихся следующие ключевые умения: 1) самостоятельность — учащийся ищет информацию, или ответ на вопрос, принимает решение о его правильности; 2) коммуникативность — прежде всего, проявляется в парной или групповой работе над презентацией или проектом; 3) сетевое мышление — учебный материал можно искать в разных источниках, на различных сайтах, в разной последовательности, сравнивать результаты [8]. Презентации могут использоваться при изучении нового материала, позволяя иллюстрировать его разнообразными наглядными средствами, а также в качестве дополнительного материала, позволяющего закрепить полученные знания. [10]

В последнее время в качестве вспомогательных технических средств широкое распространение получили интерактивные доски, представляющие собой сочетание компьютера, проекционной техники и сенсорного экрана. Их использование дает возможность использовать на занятиях видеоконтент, таблицы, схемы, сделав изложение материала урока более наглядным и доступным. [8]

Для внеклассной работы имеются электронные голосовые переводчики с возможностью фотоперевода и озвучивания текста без подключения к интернету, а также компактные ручки-сканеры. Все это далеко не полный список практики

применения мультимедийных средств при обучении иностранным языкам.

Поскольку учащиеся, а особенно взрослые студенты, не всегда обладают достаточным количеством свободного времени, способностями к обучению иностранным языкам, а подчас и просто недостаточным уровнем общих образовательных знаний и навыков, роль внешних мультимедийных средств при освоении языкового материала значительно повышается. Действительно, красочно прорисованная компьютерная программа, любимый фильм или понравившаяся песня, содержание которой хочется узнать, значительно повышают мотивацию изучающих иностранный язык.

При этом следует отметить, что мультимедийные средства развивают не только лингвистические навыки продуктивного владения языком (говорение и письмо), но и представляют значительную базу страноведческого материала, живо показывая то, как люди общаются друг с другом, как ведут себя в повседневной жизни, какие проблемы для них представляются наиболее актуальными и о чем они поют в своих народных и авторских песнях. Как показывает преподавательский опыт автора, студенты с готовностью воспринимают задания, основанные на применении мультимедийных средств обучения, практика использования которых расширяется во всем мире.

Какие мультимедийные средства могут использоваться на занятиях? Это, прежде всего, различные подкасты новостного, грамматического и страноведческого характера. Слово подкаст составлено из двух слов: iPod и broadcast. Подкасты загружаются из сети на смартфоны и планшетные компьютеры и, после их прослушивания, автоматически удаляются. Примерами могут служить подкасты сайта BBC (Global News; 6 Minute English; Americana: inside the USA) и Voice of America — VOA (Everyday Grammar TV; English in a Minute; Words and Their Stories). [2, с. 22–24] Второй большой мультимедийной группой являются отрывки из художественных и документальных фильмов, а также короткие видеосюжеты (footages). Наилучшие результаты достигаются при наличии сопроводительного раздаточного материала по видео и с сопровождающими субтитрами. Большой энтузиазм обучающихся вызывает перевод и прослушивание песенной лирики на иностранном

языке, которая также носит страноведческий и культурологический аспекты страны изучаемого языка. [3]

Основные задачи использования всех этих средств сводятся к следующему:

- Повышение интереса и мотивации в деятельности по изучению специализированного аспекта иностранного языка;
- Расширение и закрепление лексической базы по специальности;
- Использование аутентичных материалов, позволяющих ознакомить студентов со спецификой профессионального, социального и культурного контекста;
- Совершенствование умений аудирования, анализа прослушанного материала, просмотр и слушание для работы с определенной частью материала, включая устное высказывание и приведения выводов.

Использование мультимедийных средств обучения иностранному языку обладает значительными преимуществами в сравнении с классическими методами преподавания. Они позволяют тренировать различные виды речевой деятельности и сочетать их в различных комбинациях; помогают создать коммуникативные ситуации, автоматизировать языковые и речевые действия; способствуют реализации индивидуального подхода и интенсификации самостоятельной работы учащегося. [4]

Таким образом, традиционные технологии обучения должны если не замениться, то существенно дополниться новыми информационными развивающими педагогическими технологиями. Для успешного внедрения этих технологий в процесс обучения преподаватель должен иметь практические навыки использования компьютерных аппаратных и программных средств, уметь организовать поиск необходимого контента, владеть навыками построения информационных структур. [6]

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дьяконова О.О. Эдьютейнмент в обучении иностранным языкам//Иностранные языки в школе — 2013 — № 3 с. 58–61.
2. Коптелова И.Е., Нечаева Е.И. Использование ресурсов СМИ в интернете при обучении английскому языку./Мир педагогики и психологии. 2017. № 7 (12). С. 20–26.

3. Синицын А. Ю. Мультимедийные средства обучения ESP для магистратуры, Канон +, М., 2015 г.

4. Соболева А. В. Использование мультимедийных технологий в обучении иностранным языкам [Текст]//Педагогика: традиции и инновации: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2013 г.). — Челябинск: Два комсомольца, 2013. — С. 119–123.

5. Шевченко А. П. Применение компьютерных технологий в обучении иностранному языку.//Современная информационно-образовательная среда: проблемы и перспективы развития. М.: 2017. С. 127–132.

6. <https://for-teacher.ru/technique/78-multimedia-tehnologii-v-obrazovanii.html>

7. <https://en.wikipedia.org/wiki/Multimedia>

8. <http://nsportal.ru/shkola/inostrannye-yazyki/library/2016/12/26/statya-po-teme-multimediynye-sredstva-v-obuchenii>

9. <http://sandbox.openclass.ru/node/252300>

10. <http://www.uchportal.ru/publ/30-1-0-7588>

11. <http://www.bbc.co.uk/podcasts/series/globalnews>

Степанова С. Ю.
Stepanova S.Yu.

РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ БРИТАНСКИМ И АМЕРИКАНСКИМ ВАРИАНТАМИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

DIFFERENCES BETWEEN BRITISH AND AMERICAN ENGLISH IN POLITICAL DISCOURSE

Аннотация: Цель статьи — выделить наиболее типичные различия между британским и американским вариантами английского языка в политическом газетном дискурсе. Материалом анализа явились газетные статьи и аудио материалы из британских и американских источников. Из всех описанных в лингвистической литературе отличий выделяются те, которые характерны для анализируемого стиля. Наиболее важные из них включают лексические, грамматические, произносительные особенности, касаются использования предлогов и артиклей и некоторых стилистических предпочтений. Полученные результаты могут быть использованы в пособиях для студентов-международников.

Ключевые слова: британский и американский английский, политический газетный дискурс, произношение, лексика, грамматика, частотность.

Abstract: The aim of the article is to single out the most typical differences between British and American English in political press discourse. The author analyses written and audio materials from British and American media. Of all differences registered in linguistic literature the author points out those characteristic which are typical of the style under analysis. The most important of them include lexical, grammatical and pronunciation peculiarities and concern the use of prepositions and articles as well as some stylistic preferences. The obtained results may be used in English courses for international relations students.

Key words: British English, American English, political press discourse, pronunciation, vocabulary, grammar, frequency of occurrence.

Изучение вариантов английского языка относится к сфере социолингвистики, так как они отражают особенности языка того или иного социума. Британский и американский варианты английского языка рассматриваются как равнозначные с точки зрения социолингвистики национальные варианты английского языка, сформировавшиеся на территории Великобритании и США в результате исторического, культурного и общественного развития этих стран и формирования наций. Национальный вариант языка имеет устную и письменную форму, литературную норму, а также различные дифференциации: социальную, территориальную, функциональную-стилистическую и стратификационно-ситуативную.

Различия между британским и американским вариантами английского языка во всех их дифференциациях хорошо изучены и описаны в многочисленных исследованиях. Однако для студентов факультета МО и МП Дипломатической академии МИД РФ наиболее важно знать те особенности двух вариантов английского языка, которые содержатся в газетных/новостных материалах, которые они изучают и обсуждают на языковых занятиях. Соответственно, субъектом анализа, представленного в данной статье, являются особенности британского и американского вариантов английского языка, которые содержатся в газетном дискурсе политического характера. Эти материалы занятий были взяты из британских и американских источников (газеты и радио) и представляют собой подстиль публицистического функционального стиля.

Актуальность исследования объясняется необходимостью учить студентов видеть различия между британским и американским английским и осознанно использовать в речи тот или иной вариант, избегая мешанины из их характеристик.

Материалом исследования стали 50 статей из The Independent, The Guardian, The Financial Times, the Economist, the BBC и the International New York Times, the Washington Post, Time, CNN,— солидные средства массовой информации, в которых используется литературный британский и американский английский. Статьи изучались, чтобы подтвердить или опровергнуть данные по отличиям между двумя вариантами английского языка, описанные в лингвистической литературе [1, 4, 5, 6].

Далее будут выделены различия между британским и американским вариантами английского языка (BrE, AmE), которые являются релевантными для политического газетного дискурса.

Лексика

Как известно, лексические различия между двумя вариантами английского языка наиболее многочисленны. Существуют целые словари таких лексических единиц. Однако они употребляются в основном в бытовых ситуациях общения и редко используются в политических контекстах. Эдвард Файнеген пишет, что британец, читая Time или Newsweek, заметит на каждой странице лишь малое количество американских слов и выражений, так же как и американец увидит лишь пару британизмов в The Economist [5]. Однако такие нейтральные слова, как vacation, maybe, two weeks (AmE) vs. holiday, perhaps, fortnight (BrE), безусловно, используются во всех стилях и являются маркерами двух вариантов языка. Из тех слов, которые имеют отношение к газетному стилю, можно выделить следующие в качестве примера.

AmE	BrE
administration	government
attorney	barrister, solicitor
editorial	editorial, leader, leading article
fire (v)	sack (v)
lay off	make redundant
to be obligated	to be obliged (также и AmE)

ouster – a person who ousts	the act of ousting
pension scheme	pension project
pressman —operator of a printing press	- journalist
pressure (v)	pressurize (v)
presently – at present, now	- in a short time, soon
public transit/transportation	public transportation
wage raise	wage rise
run for (president)	stand for (president)
schedule	timetable

Следует отметить, что fire и lay off тоже используется в британском английском [5 Dictionary of English language and culture]. Интересно, что press conference выделяется как американизм [6], но в Dictionary of English Language and Culture не имеет такой пометы. Но в наших AmE материалах употребляется news conference: *In the news conference, the Russian minister underlined that agreement has been undermined ... (Washington Post, October 9, 2016)*

Отдельно нужно упомянуть такие метонимы, как Wall Street vs. The City (финансовые круги в США и Великобритании), the White House vs. Westminster/10 Downing Street (администрация президента США и правительство Великобритании, премьер министр) и так далее, которые относятся скорее к области знаний реалий, а не чисто языковых знаний.

Орфография

Орфографические различия хорошо известны и не требуют подробного описания. Достаточно было упомянуть такие соответствия в AmE — BrE, как –ize vs. –ise (criticise), — or vs. –our (favour), — er vs. -re (centre), — se vs. –ce (defence), canceled, signaled, traveled vs. cancelled, signalled, travelled, manoeuvre vs. manœuvre, catalog vs. catalogue, check vs cheque, program vs. programme, tire vs. tyre, ton vs. tonne, story vs. storey, czar vs. tsar, aid (помощник) vs. aide и т. д.

Произношение

Мы говорим о произношении, так как материалом анализа являются также и устные дискурсы, поскольку студенты

выполняют различные устные задания при работе с газетными статьями, а также слушают и обсуждают новости. Причем известно, что владение хорошими произносительными навыками и знание вариантов произношения облегчает понимание речи носителей языка и, в частности, текстов для аудирования. [2]

Описание многочисленных различий в фонематической системе и в интонационных моделях не входит в нашу задачу. Здесь можно перечислить часто встречающиеся в газетном стиле слова, которые по-разному произносятся в американском и британском вариантах английского языка.

	AmE	BrE
schedule	[ˈskedʒul]	[ˈʃedʒu:l]
current, currency, hurricane	[-z:r-]	[-ʌr-]
deterrent, deterrence	[-z:-]	[-er-]
Asia, Asian, Persia, Persian	[-ʒ-]	[-ʃ-]
missile, fertile, mobile	[-əl]	[-aɪl]
emirate	[ɪˈmɪərɪt]	[ˈemɪrɪt]
junta	[ˈhʌntə]	[ˈdʒʌntə]
Premier	[priˈmiə]	[ˈpremiə]
progress (n)	[ˈprɑːɡres]	[ˈprəʊɡres]
repatriate	[riːˈpeɪtriət]	[riːˈpætriət]
via	[viːə]	[vaɪə]
commentary	[ˈkɑːməntri]	[ˈkɒməntri]
laboratory	[ˈlæbrətɔːri]	[ˈlæbrətəri]
administrative	[ədˈmɪnɪstreɪtɪv]	[ədˈmɪnɪstrətɪv]
territory	[ˈterɪtɔːri]	[ˈterɪtəri]

В последних четырех словах в американском варианте английского языка на предпоследний слог приходится третичное ударение, благодаря чему гласный не редуцируется.

По-разному произносятся также многие географические названия, что важно знать студентам-международникам.

В этот список входят следующие названия (транскрипцию можно посмотреть в пособии Survival Phonetics [3]): Abu Dhabi, Acapulco, Bangkok, Belfast, Bogota, Bucharest, Budapest, Caracas, Falkland, Hiroshima, Iowa, Kuala Lumpur, Ljubljana, Missouri, New Orleans, Nicaragua, Niger, Puerto Rico, Rio de Janeiro, Singapore, Suez, Tallinn...

Грамматика

Грамматических различий между британским и американским вариантами гораздо меньше, чем лексических, и они бессистемны. Причем они гораздо более разнообразны и частотны в бытовых ситуациях общения, чем в газетном стиле. Поэтому в наших материалах не были зафиксированы описанные в лингвистической литературе [1, 5, 6] случаи употребления следующих грамматических различий между AmE и BrE: do you have vs. have you got, I wish he **was** here vs. I wish he **were** here; He drives **slow** vs. He drives **slowly**; They are **real** rich vs. They are **really** rich; It looks **like** it's going to rain vs. It looks **as if** it's going to rain; anybody, everybody, nobody (чаще в AmE) vs. anyone, everyone, no one (чаще в BrE); a half dozen vs. half a dozen; a half hour vs. half an hour; There **are** a boy and a girl there (AmE); What's her chances? (AmE); When you coming back? vs. When **are** you coming back?

Также широко известным отличием является замена настоящего совершенного времени на прошедшее неопределенное в разговорном американском варианте английского языка. Однако в проанализированных газетных текстах эта особенность не наблюдалась. Во всех текстах из американских источников используется Present Perfect. Например:

The gulf monarchies have been concerned that the nuclear deal struck last year has empowered Iran... (New York Times, April 18, 2016)

Во всех исследованиях отмечается, что собирательные существительные (например, government, team, company, committee, названия организаций) по-разному согласуются с глаголом в двух вариантах английского языка: в единственном числе в AmE и во множественном в BrE. В наших материалах из британских источников в подавляющем большинстве случаев использовалось единственное число глаголов за исключением следующего:

The international community want Iran to scale back its enrichment of uranium... (BBC, April 8, 2014)

Однако четко прослеживается различие в употреблении глагола **help**: без частицы *to* в AmE и с ней в BrE. Например:

He helped found his country's Socialist Party and became its leader. (New York Times, October 15, 2016)

Refugees ... were being handed over to international organisations, which Germany was helping to fund ... (Financial Times, September 5, 2017)

Среди грамматических различий нужно упомянуть, что глаголы *burn, dream, lean, learn, smell, spill, spell, spoil* имеют правильные (*burned, dreamed, leaned, learned, smelled, spelled, spoiled*) и неправильные (*burnt, dreamt, leant, learnt, smelt, spilt, spelt, spoilt*) формы в BrE, но только правильные в AmE. Наоборот, глаголы *quit* и *fit* могут использоваться как правильные (*quitted, fitted*) и неправильные (*quit, fit*) в AmE, но только как правильные в BrE. В AmE употребляется форма причастия прошедшего времени *gotten* глагола *get*.

В использовании артикля есть хорошо известные отличия в таких фразах, как *in the hospital, at the university* (AmE) vs. *in hospital, at university* (BrE). Это не касается фраз *in/at school, in class, in college, to church*, где нет различий. По-разному читаются даты: *June fourth* vs. *the fourth of June, June the fourth*.

Для нас особенно интересно недавно появившееся отличие в использовании артикля с названием террористической организации *Islamic State (IS)*: в британских текстах оно употребляется без артикля (по-видимому, чтобы подчеркнуть условность и нелегитимность этого названия), а в американских с определенным артиклем, что прослеживается во всех проанализированных материалах. Например:

One point of discussion may be how the gulf states can help thwart the expansion of the Islamic State in Europe, Libya and Afghanistan. (New York Times, April 18, 2016)

Iraqi forces have retaken almost all of Tal Afar, Islamic State's stronghold in the north-west of the country ... (Guardian, 27 August 2017)

Предлоги

Различий в использовании предлогов в двух вариантах английского языка достаточно много и они довольно хоро-

шо известны. Это такие соответствия между AmE и BrE, как *around* vs. *round*; *toward** vs. *towards*; *speak with* vs. *speak to**; *on the weekend* vs. *at the weekend*; *the end of July* vs. *at the end of July*; *happen with/to** vs. *happen to*; *on a street* vs. *in a street*; *ten after/past five* vs. *ten past five*; *ten to/of/before/till five* vs. *ten to five*; *outside of smth** vs. *outside smth*; *stand at attention* vs. *stand to attention*; *Monday through/to Friday* vs. *Monday to Friday*; *battle difficulties** vs. *battle against difficulties*; *protest smth* vs. *protest against/about/at smth*; *depart Washington* vs. *depart from Washington*; *to visit with smb* (также *a visit with smb**) vs. *visit smb*; *different from/than** vs. *different from/to* и другие. [Звездочками* отмечены те случаи, которые были зафиксированы в наших материалах]

Самое частотное отличие, зафиксированное в наших материалах, касается использования предлога “*on*” с днями недели и датами. В BrE “*on*” всегда употребляется, а в AmE часто (но не всегда) опускается. Например:

Kerry discussed Iraq's political crisis Thursday ... (CNN, April 8, 2016)

The United States and Russia agreed here Friday to the renewal of a cease-fire ... (Washington Post, October 9, 2016)

Russia and the Trump administration clashed in a vote at the United Nations Security Council for the first time on Tuesday ... (BBC, 28 February, 2017)

Разное

В лингвистической литературе можно найти описание тенденции по-разному располагать информацию об упомянутых политических и общественных деятелях в письменных газетных текстах в американских и британских изданиях [6]. В американских газетных статьях фраза о занимаемом poste или должности в большинстве случаев предшествует имени деятеля, а в британских предпочтение отдается обратному порядку, когда сначала приводится имя, а потом название должности этого человека как приложение.

Мы проанализировали эту тенденцию и сделали следующие заключения. Если название должности состоит из одного-трех значимых слов и если речь идет о высших государственных должностях (U.S. President Donald Trump, Russian Foreign Minister Sergei Lavrov, U.S. Secretary of State

John F. Kerry), то такая фраза в большинстве случаев предшествует имени вне зависимости от издания. Однако, если приводится имя и должность деятелей другого ранга, то здесь действительно наблюдается указанная тенденция. В американских изданиях в 72% случаев должность предшествует имени. Например:

The top U.S. diplomat will meet with Prime Minister Haider al-Abadi, Foreign Minister Ibrahim al-Jaafari and Council of Representatives Speaker Salem al-Jabouri. (CNN, April 8, 2016)

The United Arab Emirates' ambassador to the United States, Yousef Al Otaiba, recently said that Iran remained "as dangerous as ever." (New York Times, April 18, 2016)

В британских печатных изданиях, наоборот, в 73% случаев имя предшествует названию должности политического деятеля. Например:

Donald Tusk, the European Council president, has called for a ceasefire in the verbal hostilities over Brexit ... (Financial Times, May 4, 2017)

Dimitris Avramopoulos, the European Commissioner for migration, said some countries have failed to relocate a single person ... (Independent, 16 May, 2017)

Однако следует отметить, что в устных материалах BBC порядок слов, содержащих эту информацию, противоположный: всегда должность предшествует имени:

The Russian President Vladimir Putin has met the French far-right presidential hopeful Marine Le Pen in Moscow ... (BBC news, 24 March, 2017)

Еще одно наблюдение касается употребления имен политических деятелей в печатных материалах. По данным, приведенным Э. Файнегеном [6], некоторые издания (британские и иногда американские) используют слова Mr, Mrs, Ms с именем политика после первого упоминания, при котором его имя и должность называется полностью. В большинстве американских изданий после первого полного указания должности с именем дальше в тексте чаще используют просто фамилию без Mr., Mrs., Ms.

По нашим наблюдениям использование одной фамилии действительно больше характерно для американских изданий. В проанализированных британских газетных текстах та-

кое употребление было зафиксировано только в тех случаях, когда цитировались чьи-либо слова. Например:

Clinton tops Sanders handily as the candidate who would be more effective at solving the country's problems ... (CNN, February 29, 2016)

"We want to put pressure together on Moscow to distance itself from Assad to lower tensions ..." (Financial Times, April 11, 2017)

Проведенный анализ позволил четко выделить и классифицировать различия между британским и американским вариантами английского языка, которые характерны для политического газетного дискурса. Наиболее значимы те выводы, которые касаются употребления настоящего совершенного времени, определенного артикля с названием Islamic State, предлогов, согласования между собирательными существительными и глаголом, тенденций во взаимном расположении имени политического деятеля и его (ее) должности и в употреблении фамилий со словами Mr, Mrs и Ms и без них. Полученные материалы могут быть использованы в учебном процессе при обучении студентов-международников и для дальнейших исследований в этой сфере.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вейхман Г. М. Новое в английской грамматике: Учебн. Пособие для ин-тов и фак. иностр.яз. — М.: Высш.шк., 1990. — 128 с.
2. Предтеченская Н. В. Интонационное выражение восклицательности в американском варианте английского языка в сопоставлении с британским (экспериментально-фонетическое исследование) [Текст]: автореф. дисс... канд. филол. наук. — М.: 1979. — 22 с.
3. Степанова С. Ю., Гришина Л. В. Survival Phonetics: Пособие-справочник по фонетике английского языка. — М.: Дипломатическая академия МИД России, 2015. — 48 с.
4. Швейцер А. Д. Американский вариант литературного английского языка: пути формирования и современный статус. — Вопросы языкознания. № 6 — М.: 1995. С. 3–17.
5. Algeo John. British or American English? Cambridge: Cambridge University Press, 2006. — 348с.
6. Finegan Edward. Language in the USA: Themes for the Twenty-First Century. Cambridge University Press, 2004. С.18–39.

Трофимова З. С.
Trofimova Z. S.

СЛОВА-СИГНАЛЫ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ США (второй срок президентства Баракка Обамы)

LANGUAGE UNITS MOST SALIENT IN THE CURRENT
US POLITICAL DISCOURSE
(President Obama's second term)

Аннотация: В статье рассматриваются фоновые знания, как важная составляющая работы с оригинальными текстами из американской и английской прессы и из других средств массовой информации. Необходимость достижения высокой коммуникативной компетенции, понимания не только текста, но и так называемого субтекста материала предполагает проведение серьезного лингвострановедческого анализа. Для этого важны, прежде всего, актуальные фоновые знания, но также и фоновые знания культурного наследия.

Для студентов Дипломатической академии — это знакомство с социально-обусловленной вариативностью языковой структуры определенного социального коллектива. В статье представлено значительное количество лексических единиц, наиболее определенно отражающих политический нарратив данного отрезка времени. Часть этих единиц объяснена и прокомментирована в соответствии с их частотностью или не всегда понятной коннотативностью.

Ключевые слова: Фоновые знания (актуальные и так называемые «нестабильные» или фоновые знания культурного наследия), лингвострановедческий анализ, общественно-политический дискурс в США, второй срок президентства Баракка Обамы, ономастическая лексика (топонимика, антропонимика), идеологический кризис, избирательная кампания.

Abstract: The article examines the background knowledge of a certain social group, mostly political elites of the USA (and partly Britain). Hence, the texts we deal with come from original "quality" mass media texts. The article focuses on special relevance of socio-cultural analysis of those texts, which naturally contributes to a better understanding of the underlying subtext i.e. core cultural background knowledge of a native reader. The article provides a number of language units (signal words) illustrating the current political narrative.

Key words: Background knowledge, socio-cultural analysis, political discourse, onomastics (toponymy, anthroponymics), ideological crisis, President Obama's second term, election campaign.

В моей статье речь идет о языковых единицах, своего рода словах-сигналах, имеющих особое значение для лингвострановедческого анализа текста. Используемый термин «дис-

курс» соотносится с совокупностью понятий «рассуждения», «разговоры», «устная/письменная речь», «процессы языковой деятельности», то есть со всем тем, что писалось и говорилось на данную тему. В отдельных случаях синонимом «дискурса» выступает «нарратив».

Объектом моего изучения всегда были неология, а также фоновые знания общественно-политической жизни США, что является обязательным для однозначного истолкования речевого произведения, его лингвострановедческого анализа.

В своей работе я всегда стараюсь исходить из профессиональных нужд дипломатических работников. Отсюда — особое внимание уделяется фоновым знаниям. Эта трудно определяемая, а иногда и трудно вычленимая категория важна для полноценного чтения, понимания, интерпретации предложенного материала. В американской литературе в данном контексте используется термин "background knowledge" или "cultural literacy".

По определению профессора Г. Д. Томахина, «фоновые знания — это знания актуальные в массовом обыденном сознании носителей данной культуры, принципиально отличные от научных знаний, входящих в курс фундаментальных наук». [4] По определению профессора Ахмановой, это — «обоюдное знание говорящим и слушающим, являющееся основой языкового общения». [2]

В качестве непосредственного объекта данного исследования выступает социально-обусловленная вариативность языковой структуры определенного социального коллектива. Это — фоновые знания, присущие наиболее грамотной, образованной части населения, вовлеченной в общественно-политическую деятельность часто не только США, но и мирового сообщества, использующего английский язык в профессиональных целях.

Чаще всего мы имеем дело с актуальными фоновыми знаниями (отсюда — слова-сигналы данного отрезка времени). При этом не надо забывать, что наши студенты (и мы сами) часто нуждаются в выделении и обсуждении некоторых фоновых знаний культурного наследия (так называемые «нестабильные» фоновые знания). Примеров множество. Сейчас, например, во время горячих дискуссий о «конце либерализма» опять

всплыла на поверхность концепция «конца истории» в связи с эссе, а потом и знаменитой книгой Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек». Это — всего навсего 1992 год, но для наших студентов это — уже terra incognita. [6]

Во время избирательной кампании, критикуя экономические идеи Д. Трампа, Х. Клинтон использовала несколько подзабытый термин *trickle-down theory* [5] согласно которой в результате государственной помощи большому бизнесу часть доходов «просочится» к беднякам.

Можно взять более сложный пример из английской литературы: одно из самых аллюзивно используемых стихотворений У.Б. Йейтса «Второе пришествие». Увидеть эту аллюзию непросто; здесь необходима помощь. Недавно *Russia Today* ссылалась на американский бестселлер Роберта Борка “*Slouching Towards Gomorrah*” [8] («США сползают в Гоморру», а у Йейтса — «бредут в Вифлеем»). Или другой пример: в написанной в феврале 2015 г. известным экономистом и постоянным автором *Financial Times* статье звучит обвинение элит в том, что в своем благодушии и самоуверенности они считают, что “*the centre will hold*” («основа удержится» или «крепь не рухнет»), а у поэта: “*the centre cannot hold*” — «основа расшаталась» или: «рухнула крепь»). [19] В обоих случаях аллюзия для читателя очевидна, также как очевиден его трагический смысл. Интересно отметить, что именно это стихотворение стало хрестоматийным не только в англоязычном мире.

Сегодня я не ставлю перед собой задачу классификации тех актуальных фоновых знаний, которые я представлю через определенные языковые единицы, как, впрочем, я и не имею ввиду рассматривать их с точки зрения словообразования.

Следовательно, лексические слова-сигналы, отобранные мною для данного выступления должны быть актуальны, частотны и ярко отражать изменяющийся политический дискурс, а также стиль мышления, общественные нормы, риторике и ценностные представления политических элит США. Преподаватель должен выступать проводником в труднопроходимом субтексте жизни, который имеет выражение в некоторых ссылках на географические названия, произведения искусства, идеологические и философские дискуссии, а также в ссылках на исторические факты, как на носителей

определенных ассоциативных компонентов. Этот субтекст может быть важнее текста, так как оставшееся за кадром, часто весьма существенно для полного понимания. И неизбежно подобный анализ способствует достижению более высокой коммуникативной компетенции. И, наконец, играет первостепенную роль в практике перевода. Но сегодня эта тема не будет освещаться.

Возникает естественный вопрос о роли преподавателя. Работа со СМИ требует от нас ежедневной вовлеченности и постоянного изучения фонового аспекта данного нарратива. Кроме того, мы регулярно обмениваемся результатами наших изысканий на своих семинарах и заседаниях кафедры. Однако все это не предполагает, что подобным анализом в аудитории занимается только преподаватель. Объяснение некоторых терминов поручается студентам заранее после индивидуальной беседы. Могу вспомнить “*Gilded age*” («позолоченный век»), а в предыдущем семестре “*RtoP*” или “*R2P*” (“*Responsibility to Protect*” — ооновский термин «Обязанность защищать»).

Начну с общественно-политического дискурса второго срока президента Барака Обамы. С этим периодом ассоциируются такие языковые единицы, как “*engagement*”, “*reaching out*”, вторая книга Б. Обамы «Дерзость надежды» (“*Audacity of Hope*”) [16], название которой часто используется для такого стилистического приема, как игра слов. В качестве примера можно взять и одну из последних статей в «*Экономисте*» — “*Агония надежды*” (“*The Agony of Hope*”) [7], а также следующие языковые единицы: “*globalization*”, “*pivot*” (*rebalancing*) — «поворот» (перебалансировка), “*No boots on the Ground*” (применительно к политике Обамы в Юго-Восточной Азии: т. е. «ввода наземных войск не будет»); “*red line*” (невыполненный ультиматум Б. Асаду), *Affordable Care Act* (*Obamacare*) — реформа здравоохранения в США, “*incrementalism*” («инкрементализм», политическая концепция, согласно которой все изменения в политической системе общества происходят только путем незначительных, малых изменений и шагов, каждый из которых должен быть тщательно оценен прежде, чем двигаться дальше), “*reset*” («перезагрузка»), *TPP* (*Trans-Pacific Partnership* — Транстихоокеанское партнерство), *TIP* (*Transatlantic Trade and Investment Partnership*) — Трансатлан-

тическое торговое и инвестиционное партнерство. В этом же ряду — и “Tea Party”, Либертарианство, Аян Рэнд, “soft and smart power” Джозефа Ная («мягкая и умная сила») [14], его же последняя книга “Is the American Century Over?” [15].

Любопытно взглянуть на всем хорошо известный термин “Obamacare” (Обамакэа). Это не только удачное новое слово — портманто, образованное с помощью контаминации, но также и слово, за короткий период претерпевшее радикальные изменения коннотации. От отрицательной к положительной (после остроумного ответа Б. Обамы: “Yes, Obama cares” — «Да, Обама о вас заботится»), а затем к нейтральной в зависимости от говорящего. А так как для полной картины иногда необходимы и так называемые перекрестные ссылки, то небезынтересно было бы вспомнить такой штат, как Кентукки, республиканский, настроенный против Обамакэа. В этом штате реформа имела огромный успех, но известна как Кайнет (Kynet). Более 500 000 жителей штата получили страховку по этой программе, что не мешает им осуждать Обамакэа и требовать сохранения Кайнет. Страховку получили 20 млн. американцев и количество не имеющих никакой медицинской страховки сейчас самое низкое за всю историю США.

Географические названия (Топонимика)

Кистоун Экс Эл. Так называется сеть трубопроводов в Канаде и США, четвертый этап строительства которых вызвал серьезные возражения экологического сообщества США и после долгих лет дискуссий не получил разрешения на строительство от администрации Барака Обамы. На какое-то время слово исчезло из масс-медиа, но с появлением на политической арене Дональда Трампа снова стало часто упоминаться как нечто понятное и известное, по крайней мере, американскому и канадскому читателю. К этой же группе можно отнести сопротивление проекту строительства трубопровода Dakota access Project (DAP), маршрут которого находится у границы Северной и Южной Дакоты. По нему должна перекачиваться нефть, добываемая методом гидроразрыва (“fracking”, еще одно слово-сигнал). Этот проект встречает серьезное сопротивление индейцев (Native Americans) из резервации Стэндинг Рок, поскольку он угрожает водоснабжению их резервации.

Знание этих реалий — это не только знание фактов, но с одной стороны — символ сопротивления многих людей, которые протестуют против данных проектов, а с другой — возможность внести вклад в развитие американской экономики. В целом же — это еще одна сложная проблема, резко раскалывающая американское общество.

Богатый урожай новых языковых единиц дало пересечение фигур Обамы и Трампа, их несовместимость, как личностная, так и политическая, идеологическая и философская. В результате вместе с избирательной кампанией Дональда Трампа и его избранием на пост Президента США появляются новые реалии и связанные с ними слова-сигналы.

В данном контексте можно вспомнить и уже упомянутые проекты трубопроводов, и множество статей, посвященных кризису как либеральной, так и консервативной идеологии: к примеру, “The End of Identity Liberalism”, “The Crisis of Liberalism”, “The Conservative Intellectual Crisis” (INYT) [9], “The Conservative Identity Crisis” (Time) [11], “What is a Conservative?” (Time). При неизбежном упоминании этих проблем придется говорить о предпочтении либералами слова progressive (s). Именно это прилагательное использовала демократическая партия гораздо чаще, чем скомпрометированное «либерал» во время избирательной кампании (в отличие от слова консерватор, к которым себя относят 2 из 5 опрошенных американцев).

Какие еще лексические единицы хотелось бы выделить? В частности, постоянно повторявшееся «Экономистом» определение “dystopian” («безысходный, мрачный») в отношении нарратива Д. Трампа, нативизм, изоляционизм, “America first”, “peace through strength” (возрождение лозунга президента Рональда Рейгана «мир с помощью силы»), “Birther movement”, “bigot” («фанатик, мракобес»), “bigotry”, Брайтбарт Ньюз, Фокс Ньюз, “post truth”, “truthiness”, “deplorables” («недостойные, заслуживающие сожаления люди» — так назвала сторонников Д. Трампа Хилари Клинтон); J. D. Vance и его книга “Hillbilly Ellegy”. [18]

Если говорить об именах собственных, то кроме тех, которые уже и так на слуху (такие, как Рекс Тиллерсон, например, и большинство других членов кабинета Д. Трампа), то в буду-

щем следовало бы иметь в виду такие две фигуры, как Глава сенатского большинства Мич Макконел и спикер палаты представителей Конгресса Пол Райан.

Вообще хотелось бы обратить внимание на особую роль ономастической лексики, особенно антропонимов. Теперь, когда Рекс Тиллерсон утвержден в должности государственного секретаря, это уже забыто, но любопытно, что, когда возникла эта кандидатура, то в его поддержку сразу выступил бывший вице-президент Дик Чейни, чье имя всегда ассоциируется с нефтяной компанией Хэллибэртон и с нефтяным лобби США, а также вторжением США в Ирак.

Нативизм и его идеология появились в США в XIX веке. Это — сугубо американское явление, о котором можно легко прочесть и в учебниках, и в Интернете, однако, оно требует особого внимания в связи с тем, в частности, что данный термин уже широко используется и за пределами США: например, в Европе.

Birther movement — движение, инициированное Трампом и поддержанное, хотя и имплицитно, многими, в том числе видными республиканцами. Его главная идея — Обама незаконный президент, так как родился не в США, чему с удовольствием верят сторонники Трампа, несмотря на наличие официального свидетельства о рождении. Прошу обратить на это внимание, поскольку это — еще один случай с перекрестной ссылкой для иллюстрации последующей единицы “post-truth”.

«Постправда» (“post-truth”). Это — не новый термин, но словосочетания “post-truth politics” [17], “post-truth era”, то есть “политика постправды”, “эра постправды”, стали широко известны и распространены во время президентских выборов в США. Оксфордский словарь назвал слово “post-truth” словом года. «Постправда» — это «обстоятельства, при которых объективные факты являются менее значимыми при формировании общественного мнения, чем обращение к эмоциям и личным убеждениям». Согласно опросу, в 2008 году 20% населения США верили, что Барак Обама — мусульманин. Производное, гораздо более редкое “truthiness”, я бы перевела, как «правдоподобие».

Брайтбарт (Breitbart News Network) — это сеть сайтов, проповедующая крайне правую, часто нацистскую идеологию. Брайт-

тбарт предоставляет свою площадку движению Alt-Right, резко критикует американские элиты, включая так называемых республиканцев, относящихся к истеблишменту. Часто повторяют их прозвище RINO, что означает republican in name only (только называющий себя республиканцем). Брайтбарт сыграла важную роль в избирательной кампании Дональда Трампа.

Книга Дж. Д. Вэнса «Элегия в честь деревенщины из Аппалачских гор» (“Hillbilly Elegy”). [18] Это книга воспоминаний о детстве и юности в одном из маленьких американских городов в так называемом «Ржавом поясе» США. Она была первой в списке бестселлеров New York Times, на нее восторженно откликнулись самые престижные литературные обозрения. Считается, что эта книга наилучшим образом косвенно объяснила поражение Хилари Клинтон разочарованием и недовольством тех самых “deplorables” — «недостойных», часто безработных белых, совершенно чуждыми им элитами в Вашингтоне.

На этом мне хотелось бы сегодня остановиться. Но при этом берусь утверждать, что все эти языковые единицы, названные мною «словами-сигналами», вовсе не являются случайно оказавшимися в одном списке фоновыми единицами. Взятые вместе они дают вполне определенную картину общественно-политической ситуации в США за обозначенный мной отрезок времени.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
2. Ахманова О. С. Лингвистика и семиотика. М.: Изд-во МГУ, 1979.
3. Томахин Г. Д. Америка через американизмы. М.: Высшая школа, 1982.
4. Томахин Г. Д. США Лингвострановедческий словарь. М.: Русский язык, 1999.
5. Трофимова З. С. Словарь новых слов и значений в английском языке. М.: АСТ “Восток-Запад”, 2006.
6. Фукуяма, Фрэнсис. Конец истории и последний человек/Фрэнсис Фукуяма; пер. с англ. М. Б. Левина. М.: АСТ, 2007.
7. The Agony of Hope.//The Economist. December 24, 2016.
8. Bork, Robert H. Slouching towards Gomorrah: Modern Liberalism and American Decline. New York: Harper Perennial, 2003.
9. Brooks, David. The Conservative Intellectual Crisis.//INYT. October 28, 2016.

10. Douthat, Ross. The Crisis for Liberalism.//INYT. November 19, 2016.
11. Drehle, Von David. The Conservative Identity Crisis.//Time. February 13, 2012.
12. Fukuyama, Francis The End of History and the Last Man. Free Press, 1992.
13. Lilla, Mark. The End of Identity Liberalism.//INYT. November 18, 2016.
14. Nye, Joseph S. Jr. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.
15. Nye, Joseph S. Jr. Is the American Century Over (Global Futures)? New York: Polity Press, 2015.
16. Obama, Barack. The Audacity of Hope. Thoughts on Reclaiming the American Dream. New York: Cannongate Books, 2008.
17. Post-truth politics. Art of the Lie.//The Economist. September 10, 2016.
18. Vance, J.D. Hillbilly Elegy. A Memoir of a Family and Culture in Crisis. New York: William Collins, 2016.
19. Wolf, Martin. Bring our Elites Closer to the People.//Financial Times. February 2, 2016.

Раздел 2. Вопросы культурологии и страноведения

Афанасьевская Н. В.
Afanasyevskaya N. V.

ФОТОГРАФИЯ В КОНТЕКСТЕ ДИАЛОГА КУЛЬТУР

PHOTOGRAPHY IN THE DIALOGUE OF CULTURES

Аннотация: В статье рассматриваются особенности фотографии в жанре репортажа. На примере работ Анри Картье-Брессона раскрываются принципы анализа фотографии, выявляющего способность интерпретировать иную культуру. Определяется способность фотографии функционировать в рамках диалога культур.

Ключевые слова: фотография, иная культура, диалог культур, А. Картье-Брессон, визуальная коммуникация.

Abstract: The article deals with the detection of the particular qualities of the reportage photo. For example of photos made by Henry Cartier-Bresson are exposed principles of the analysis of photos. It can reveal the capacity to interpret another culture. The ability of photography to function within the framework of the dialogue of cultures is determined.

Key words: photo, another culture, dialogue of cultures, Henry Cartier-Bresson, visual communication.

В двадцатые годы XIX века появились первые дошедшие до нас фотографии. Эти зернистые расплывчатые изображения, принятые обществом далеко неоднозначно, ознаменовали наступление нового этапа в развитии общества, искусства, коммуникации.

С момента изобретения фотографии вопрос ее принадлежности и статуса обсуждался не только с технологической точки зрения, но и исходя из ее взаимосвязи с искусством. Некоторые отказывались признавать ее оригинальность, другие же видели в ней угрозу традиционным ценностям и изящному искусству [5, с. 10].

Иногда доходило до крайностей: в немецкой газете «Leipziger Stadtanzeiger», например, появились призывы оста-

новить «французскую заразу». «Стремление сохранить мимолетные отражения, — писала газета, — дело не только невозможное, как выяснилось после проведения основательного немецкого расследования, но и одно только желание сделать это — богохульство» [2, с. 8].

Однако эксперименты продолжались, идея запечатлеть ускользающую реальность не покидала энтузиастов со всего света. Портреты и пейзажи, сделанные последователями Л.-Ж.-М. Дагера набирали популярность.

Многие критики считали, что фотография никогда не сможет стать частью искусства, потому что это лишь результат механического процесса. Другие возражали, заявляя, что камера подобна кисти и является еще одним инструментом создания произведений искусства. Фотографы, придерживающиеся такой точки зрения, обратили свой взор в сторону живописных объектов, применяя известные правила создания художественной композиции и освещения. Самые целеустремленные мастера, вознамерившись доказать, что фотография обладает «художественным потенциалом», выбирали сюжеты, характерные для живописи» [5, с. 112–113]. Работы Г. П. Робинсона, О. Г. Рейландера, сделанные в середине XIX века, были в основном постановочными.

Однако отмечались также черты, свойственные именно фотографии, и отличающие ее от других видов искусства. В своей книге *The pencil of Nature* фотограф Уильям Генри Фокс Табольт писал: «Камера запечатлеват все, что видит, и, конечно же, подчеркнула бы контуры дымовой трубы... столь же объективно, как и изгибы Аполлона Бельведерского» [5, с. 33]. То есть уже тогда подчеркивалось одно из основных предназначений фотографии: запечатлеть реальность такой, какая она есть.

Это свойство фотографии активно использовалось уже в то время в различных областях науки. Врачи, психиатры, исследователи, историки, художники активно пользовались теми возможностями, которые им предоставляла фотография.

Наиболее ценными с исторической точки зрения являлись фотографии «очевидцев». Пожары, катастрофы, последствия войн и революций становятся сюжетами фотографий начиная со второй половины XIX века. Работы Р. Фентона,

сделанные во время Крымской войны положили начало появлению жанра репортажа, развившегося в полной мере уже в XX веке. Экономические, политические и социальные изменения того времени также запечатлевались на фотографиях. Объектами внимания фотографов становились промышленные здания, автомобили и аэропланы, достижения инженеров и архитекторов.

После волны авангарда и сюрреализма в начале XX века, фотографы все чаще стали обращаться к документальным фотографиям, демонстрирующим не только войны и глобальные потрясения в обществе, но и повседневную жизнь обычных людей.

Такие, на первый взгляд, простые работы на самом деле глубоко символичны, кроме того они содержат в себе информацию, имеющую не только художественную, но и историческую и культурологическую ценность. Как справедливо отметил Р. Барт: «Поскольку фотография — область чистой случайности и ничем иным быть не может (ведь изображено всегда нечто), — в противоположность тексту, который под неожиданным воздействием одного-единственного слова может перевести фразу с уровня описания на уровень рефлексии, — она незамедлительно выдает «детали», составляющие первичные материал этнологического знания» [1, с. 41].

Язык фотографии одновременно прост и многогранен. С одной стороны зрителю представлен визуальный образ (то, что, собственно изображено на фотографии), который не сложно воспринять. С другой стороны этот образ содержит разного рода информацию, которую можно трактовать, раскрывая смысл содержания изображения.

Наибольший интерес при выявлении культурной составляющей фотографии представляют фотографии в жанре репортажа. При отсутствии монтажа и инсценировки на первый план выходит сюжет, который заставляет зрителя переживать те эмоции, которые испытал фотограф, делая снимок, что позволяет выходить за рамки того или иного кадра, интерпретировать то или иное событие, становясь очевидцем произошедшего. Работу фотографа здесь трудно переоценить. Умение уловить мгновение, в котором «сконцентрировалась» реальность, запечатлеть изображение, гармоничное по ком-

позиции, и несущее в себе определенный смысл, «зашифровать» в одном кадре суть происходящего и свое критическое видение ситуации — вот то, что убеждает в состоятельности фотографии как вида искусства.

«Фотография — свидетельство о выборе человека, осуществляемом в той или иной ситуации. Снимок — результат решения фотографа, сказавшего себе: тот факт, что данное событие или данный объект были увидены, стоит запечатлеть» [3, с. 19].

Пытаясь определить роль и место фотографии и сравнивая ее с рисованием, А. Картье-Брессон писал:

«Для меня фотография — это спонтанный импульс к постоянному визуальному вниманию, которое способно уловить миг и вечность» [4, с. 48].

Будучи мастером репортажа, он старался уловить тот самый «решающий момент», который сыграл основную роль в его творчестве.

«В погоне за ускользающей реальностью» ему удавалось уловить не только оригинальный сюжет и стройную композицию, но и отобразить фрагмент визуального мира, содержащий в себе многоуровневый смысл.

Путешествуя по миру и наблюдая иную культурную среду, используя фотографию как «средство понимания» А. Картье-Брессон предоставлял своему зрителю образы, раскрывающие его видение реальности, картины мира, иной культуры. Спустя годы мы можем трактовать его работы как набор знаков, символов, содержащих в себе информацию о народе, его истории, культуре, образе жизни. Расшифровав эти знаки, зритель может составить представление об иной культуре, адекватно воспринять ее, став участником диалога культур.

В 50-е годы XX века появился фотоальбом А. Картье-Брессона «Москвичи», где он опубликовал свои работы, сделанные в Москве. Для западного зрителя в то время образ нашей страны был окутан тайной, полон загадок и явно представлялся иным, чужим и непонятным. Фотографии, сделанные А. Картье-Брессоном, были своего рода открытием. Работа «Уличная сценка», помещенная на обложке, удивила западных зрителей: они увидели фрагмент из жизни большого города, трамвай, продавца мороженого, молодых людей, го-

товых к общению друг с другом. Несмотря на необычные детали, такие как, например, военная форма, многое удивило сходством с другими европейскими городами. Именно это, а не экзотические мотивы далекой холодной страны так впечатлили людей на западе.

Сегодня эти работы представляют собой не меньшую ценность и для российского зрителя. С их помощью становится возможным посмотреть на свою историю и культуру как бы со стороны, увидеть все другими глазами, изучая тот образ, который создается под влиянием видения иностранца, образ иного, чужого и иногда чуждого.

Когда А. Картье-Брессона спросили, что бы он хотел посмотреть в России, он объяснил, что, прежде всего, его интересуют люди. «Мне хотелось бы наблюдать их на улицах, в магазинах, на работе и во время отдыха — словом, все зримые аспекты жизни повсюду, где можно приблизиться незаметно, не потревожив тех, кого снимаешь» [4, с. 71].

Наблюдая людей, он старался постичь культуру России, ее прошлое и настоящее.

«Как и у людей, — писал он, у каждой страны свой возраст и судьба. Их зрелость в разных сферах неодинакова. И порой, несмотря на глубокие перемены, обнаруживаешь черты, казавшиеся давно утраченными...» [4, с. 59].

Для него снимки стали визуальным открытием: «Порой я не нахожу ответов на поставленные вопросы. Фотокамера вовсе не является инструментом, дающим готовый ответ на все вопросы, скорее она предназначена формулировать их. В присущей ей интуитивной манере она одновременно и задает вопрос, и отвечает на него. И я использовал это ее свойство, скитаясь в поисках «решающего момента» [4, с. 73].

Фотографии, сделанные в Москве, действительно ставят вопросы, заставляют размышлять, не всегда дают ответ.

Работа «Утро на Красной Площади» это не фото туриста, запечатлевшего достопримечательность. Кремль находится на заднем плане. На переднем плане — два персонажа, представители разных поколений. Пожилой человек указывает на что-то рукой, показывая направление, быть может, жизненный путь. Ряд людей (очередь в Мавзолей) и ряд елей рисуют как бы две параллельные прямые вдоль кремлевской

стены. Машины подчеркивают движение, динамику сцены. На что показывает старик остается неясным, возникает желание заглянуть за кадр.

Фотографии «В Третьяковской галерее» имеют похожую композицию: посетители стоят на фоне всемирно известных картин. Первая отображает концепт воина, богатыря на полотне и в лице современника фотографа, посетителя галереи. Серьезность выражения лица, воинственность позы, костюм — все это позволяет зрителю сравнить два образа: из прошлого и настоящего. На второй фотографии раскрывается образ семьи: неравный брак как символ далекого прошлого и пара, что-то обсуждающая на переднем плане. Остается неясным, какие отношения связывают этих людей и что является предметом обсуждения: живопись, сюжет картины или что-то еще. Ребенок на этой фотографии, как и на большинстве работ А. Картье-Брессона смотрит в объектив с непосредственной улыбкой, не вникая в споры взрослых, девочка показывает зрителю иную реальность: беззаботность, спокойствие, надежду на счастливое будущее.

Детальное рассмотрение фотографий показывает, что их многогранность позволяет проанализировать визуализированную информацию на четырех уровнях: первый уровень — фактологический, включающий в себя предметы быта, костюмы, здания, машины, все то, что составляет композицию кадра, является частью сюжета. Второй уровень — антропологический, включающий в себя информацию о людях, изображенных на фото, их поведении, позах, жестах. Третий уровень — культурологический (исторический) отображает символы эпохи, реалии, особенности культуры. Четвертый уровень — эмфатический, дает возможность оценить общий настрой фотографии, чувства и эмоции, которые она вызывает.

На фотографии «В метро» изображена группа людей в Московском метрополитене. Интерьер станции, колонны, люстры можно проанализировать исходя из принадлежности к архитектурному стилю, детали одежды свидетельствуют о принадлежности людей к тому или иному классу. Интерес представляет человеческие позы и выражения лиц, на большинстве из которых застыло чувство удивления, восхищения,

восторга. Метро как символ эпохи — вот что представил фотограф своему зрителю. Эмоциональность этого кадра не вызывает сомнений. Контраст между публикой и помпезным интерьером, обликом горожан и их выразительными лицами создает безошибочный образ, соответствующий историческому моменту.

Не смотря на то, что именно хотел показать нам фотограф, какую информацию он вкладывал, восприятие этих снимков может мыть совершенно разным и зависеть не только от принадлежности зрителя к той или иной культуре, но и от того, насколько он открыт к пониманию другой эпохи, другого культурного контекста.

А. Картье-Брессон писал: «Бросая камень в колодец, ты не знаешь, как отзовется эхо. Когда публикуешь снимок, ты уже не в силах повлиять не его восприятие. Познание мира через фотографию может возыметь как счастливые, так и обескураживающие последствия — ведь мелкий факт можно представить и изолированным, оторванным, и, наоборот, вписанным в контекст времени, места, общества» [4, с. 58–59]. Таким образом, говоря о фотографии как о знаковой системе, можно с уверенностью сказать, что она позволяет не только отображать элементы культуры, но и интерпретировать их. Проблема изучения языка фотографии в этой связи требует дальнейшего рассмотрения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барт Р. Camera Lucida. Комментарий к фотографии/Ролан Барт. — М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2013. — 192 с.: фот.
2. Беньямин В. Краткая история фотографии. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. — 168 с.: ил.
3. Берджер Дж. Фотография и ее предназначение: [эссе]/Джон Берджер. — М.: Ад Маргинем Пресс, 2014. — 240 с.
4. Картье-Брессон А. Воображаемая реальность. Эссе. — СПб.: Лимбус Пресс, ООО «Издательство К. Тублина», 2015. — 128 с.
5. Фотография. Всемирная история./Под. ред. Д. Хэкинг. — Пер. с англ. — М.: ООО «Магма», 2014. — 576 с., ил.

Гришина Л. В.
Grishina L. V.

СУДЬБА БИБЛЕЙСКИХ ВЫРАЖЕНИЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

BIBLEISMS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Аннотация: Большинство исследователей сходятся во мнении, что Библия стала самым богатым источником идиоматики как в английском, так и в русском языках. При этом отмечается, что для английского языка более характерно употребление цитат из Библии — оригинальных или модифицированных, чем для русского. В англоязычном мире Библию лучше знают и чаще цитируют. Анализируя причины большей частотности, по сравнению с русским языком, библейских выражений в английском, исследователи, как правило, пишут о причинах экстралингвистического характера (исторические события XX века в России) и внутриязыковых чертах (лингвистические свойства самих библеизмов). Представляется, что немаловажную роль в судьбе библейских выражений сыграли сами переводы Библии, имевшиеся в распоряжении носителей двух языков.

В статье рассматриваются основные особенности переводов Библии и их значение в формировании библейской фразеологии.

Ключевые слова: Библия, библейские переводы, библейские тексты, библеизмы, фразеологизмы.

Abstract: Most authors share the opinion that the Bible has contributed most to the English and Russian languages in the way of idiomatic expressions. They note that biblical quotations — exact or modified — are more typical of English than of Russian. In the English speaking world, the Bible is better known and more often quoted. Analyzing the reasons for the more frequent use of biblical expressions in English, specialists write about extralinguistic (the historical background of the 20th century in Russia) and intralinguistic (the linguistic features of these idioms) factors. It appears that the translations of the Bible available to the speakers of the languages have played no small role in the destiny of biblical idioms. The article looks at the principal features of these translations in terms of their importance in the formation of biblical phraseology.

Key-words: the Bible, translation of the Bible, biblical texts, biblical idioms, phraseology.

О роли текста Библии в истории английского и русского языков написано немало. Большинство исследователей признают важную роль библейских текстов для формирования и развития этих языков. С момента их создания по сегодняшний день происходит активное заимствование библейских выражений, ставших неотъемлемой частью современной лексики, как английской, так и русской. По подсчетам Д. Кри-

стала, 257 идиом в современном английском языке «пришли» из текста Священного писания. Ни одна другая книга не подарила английскому языку столько устойчивых выражений [14, с. 257–258]. Неслучайно, английский язык называют языком Библии. Все эти выражения активно употребляются в современной речи, являясь обширнейшим материалом для творчества, стилистической обработки, что и отмечают многие филологи. Игра со словом: замена компонентов, вклинивание, умолчание, номинализация, двойная актуализация, аллюзия — вот лишь некоторые из возможных приемов, активно применяемых в английской литературе при использовании библейских фразеологизмов. Помимо подобного творческого трансформирования библеизмов, в английском языке также наблюдается тенденция к их «комментированию» со стороны автора [7]. При этом исследователи приводят огромное количество примеров нетрадиционного употребления библейских выражения в современном английском языке. В своей статье Т. П. Ключкина говорит о частом «цитировании Библии «по случаю», по какому-либо конкретному поводу (ведь в ней можно найти цитаты на все случаи жизни). Так, например, во время Уотергейтского скандала вспомнились слова: «And all the people gathered themselves together as one man into the street that was before the water gate» (Nehemiah 3:26). А когда президент США Р. Рейган объявил 1983 годом Библии, «журналисты и обозреватели, критиковавшие его бюджетную политику, не замедлили «выдать» ему целую большую подборку библейских цитат по финансовым вопросам — в качестве рекомендаций (например: James Reston, Bible Reading Session with Brother Reagan, ИТ, 1983; Kenneth A. Briggs, Scholars Attack Reagan Use of the Bible to Justify Defense Budget, ИТ, 1985)» [7].

Все это говорит о том, что в англоязычном мире Библию знают хорошо, выражения из нее или даже целые цитаты постоянно используются в речи, ведь с помощью них в образной и концентрированной форме можно выразить свою мысль. Именно поэтому английские библеизмы нередко встречаются в заголовках статей и названиях книг. У многих известных политиков и государственных деятелей есть свои любимые выражения. Так, Т. П. Ключкина приводит любимую библейскую цитату президента США Л. Джонсона: «Come now, and let

us reason together» (Isaiah 1:18), которая выражала его концепцию консенсуса в руководстве. У президента Никсона и Генри Киссинджера стало шутливой привычкой напоминать друг другу: «Remember Lot's wife. (Luke 17:32). Never look back». Любимая цитата вице-президента США А. Гора: «Whatever thy hand findeth to do, do it with all thy might» (Ecclesiastes 9:10) [7]. Можно вспомнить и лозунг президентской кампании Барака Обамы: «Be your brother's keeper».

Некоторые исследователи составляли списки наиболее популярных, или частотных, библеизмов английского языка. В чем-то эти списки расходятся, в чем-то совпадают, но факт остается фактом: в англоязычном мире библейские тексты знают, ценят и часто цитируют. При этом большинство филологов признают, что такая любовь к цитированию Библии более характерна для английского языка, чем для русского.

Объяснить эту разницу в употреблении библейской фразеологии в двух языках можно причинами как внутриязыкового, так и экстралингвистического характера. В последнем случае, конечно, вспоминают о долгом периоде безбожия в истории России, когда все, что было связано с религией и верой было под запретом. Тогда, казалось, не могло быть и речи о цитировании Библии в официальной литературе или публичных речах, разве что только с единственной целью раскритиковать ее или принизить. Парадоксальным образом библеизмы все равно присутствовали в речах высоких партийных деятелей, но связь с первоисточником постепенно «стиралась». Безусловно, это не могло не сыграть свою роль в судьбе библейских выражений в русском языке. Некоторые выражения из-за их очевидной ассоциации с учением Христа были «вычеркнуты» из употребления, многие стали непонятны: ведь Библию мало кто читал, а еще меньше знали. Для прояснения подобных «темных» моментов иногда произведения классиков литературы, как русской, так и мировой, приходилось сопровождать обширными комментариями с толкованием значений этих фразеологизмов.

В одной из статей, уместившейся всего на двух страницах журнала Time (12–19 сентября 2016), содержатся три ссылки на Библию, причем одна из них — полноценная цитата из текста Библии, затем обыгранная автором. Статья — от-

рывок из целой книги того же автора под названием Writings on the Wall. Фраза, не требующая разъяснений для современного англоязычного читателя [2, с. 92], в современном русском языке уже не употребляется, хотя еще в начале XX века эту аллюзию на «руку роковую», написавшую на стене предсказание о скорой гибели Валтасара, можно было услышать в известной революционной песне «Вы жертвою пали в борьбе роковой...»: «И деспот пирует в роскошном дворце./Тревогу вином заливая,—/Но грозные буквы давно на стене/Чертит уж рука роковая».

Интересно, что при этом русская фразеология практически не уступает английской по количеству библеизмов. В современном русском языке насчитывают более двухсот, по некоторым оценкам 266 устойчивых выражений, связанных с Библией [12]. Особенно много выражений пришло в русский язык из Нового Завета. В статье М. Г. Лунновой выделены три основные группы заимствований из Библии:

- 1) новозаветизмы, пришедшие из старославянского Нового Завета, имеющего хождение с момента введения христианства на Руси (алчущие и жаждущие правды, власть предержавшие);
- 2) собственно русские новозаветизмы, взятые из русского текста Библии (бросить камень, взявший меч от меча и погибнет);
- 3) фразеологизмы, возникшие на базе библейских сюжетов, т. е. без точного цитирования Библии (блудный сын, волк в овечьей шкуре) [8, с. 41].

В статье отмечается, что для русского языка очень характерно создание устойчивых выражений, присказок и пословиц на основе библейских сюжетов [8, с. 42]. Библия стала благодатной почвой для возникновения особых библейских фразеологизмов, которые вообще не встречаются в тексте Библии ни в прямом, ни в переносном значениях, а появились в языке на основе тех или иных библейских сюжетов (например, «напиться до положения риз», «фиговый листок» и др.). Такие библеизмы, как правило, не встречаются в других языках.

Так, выражение беден как Лазарь восходит к Библейскому рассказу о нищем Лазаре, который лежал в струпьях у ворот богача и рад был напиться хоть крохами, падающими со стола его (Лука, 16: 20–21). Этот стих о бедном Ла-

заре на Руси пели обычно нищие, отсюда и идиома «петь Лазаря» — «выглядеть несчастным, плакаться, жаловаться на свою участь». Церковнославянская фраза «довлеет дневи злоба его» (Евангелие от Матфея 6:34), дала жизнь другому крылатому выражению, широко употребляемому и поныне: «злоба дня» («интерес данного дня и вообще данного времени, волнующий общество») [1, с. 255].

Среди фразеологических оборотов, прямо или косвенно восходящих к новозаветным текстам, есть такие, которые употребляются в современном русском языке в отличном от оригинала значении. Возможно, незнание библейских сюжетов послужило переосмысливанию многих устойчивых выражений, пришедших в русский язык из Священного писания. Например, старославянизм «тьма кромешная» означал «ад, преисподняя», но сегодня это выражение имеет буквальное значение: «беспросветная тьма». Фраза «скрежет зубовный» теперь употребляется для выражения злобы, негодования, а в евангельском тексте означала «скрежетание зубами от адских мук» (Евангелие от Матфея 8:12).

Фраза из Нагорной проповеди Христа «нищие духом» (Мф.5.3) означала смиренного и сокрушенного сердцем человека, «это человек, готовый мужественно перетерпеть искушения и испытания, гонения и насмешки ради того, что он любит более всего на свете» [1, с. 458]. В современном русском языке этот оборот часто означает противоположное понятие: «людей, глупых, неразвитых, лишенных духовных интересов» [9, с. 46].

В русском языке фраза «вавилонское столпотворение» сегодня означает ситуацию, связанную с большим стечением народа, шумом, суматохой и неразберихой. Возможно, на это повлияла звуковая ассоциация слов «столп» и «толпа», или же смысловая: смешения языков при столпотворении. Само же слово «Вавилон», ставшее символом высокомерия, безбожия, порчи нравов, теперь встречается в таких выражениях, как «выводить вавилоны» или «строить вавилоны».

Таких примеров можно привести достаточно много. Кроме того, некоторые библейские фразы были подвергнуты полному трансформированию, и теперь они звучат как пословицы и поговорки. «Общающийся с мудрыми будет мудр, а кто дружит с глупым развратится» (Соломон 13:21) — «С кем поведешься,

от того и наберешься». «Конец дела лучше начала его» (Екклесиаст 7:8) — «Конец — всему делу венец» (т. н. фольклоризация).

Почему же процесс усвоения библейских выражений английским и русским языками, имеющий немало схожего, привел к разным результатам? Следует ли объяснять своеобразие русской библейской фразеологии только историческими и культурными факторами? На наш взгляд, немаловажную роль в этом сыграл и тот перевод Библии, который имелся в распоряжении носителей этих языков.

Основные факты истории перевода Библии на английский язык нами уже были изложены в статье «Значение перевода Библии и творчества Шекспира в развитии английского языка» [6]. Здесь мы не будем подробно на них останавливаться, но отметим, что под Библией понимается текст, известный как «Библия короля Якова», появившийся в 1611 году, за основу которого были взяты переводы Уильяма Тиндейла, которые были выполнены по древнееврейским и древнегреческим оригиналам. Талант переводчика, его лингвистическое чутье и опора на первоисточники сделали его тексты выразительными и запоминающимися. Как говорил сам Тиндейл, целью его трудов было создание Библии на родном языке для «парня, идущего за плугом». Для этого он переводил доступным для простого человека стилем. Но в то же время, по мнению большинства специалистов, стиль Тиндейла отличает возвышенная поэтичность, кристальная ясность конструкций, красота ритма и музыкальность. Все эти качества сделали текст легко запоминающимся, что сыграло решающую роль в закреплении в языке многих библеизмов. Ведь Библия была публичным текстом и писалась для чтения вслух. Говорят, что составители текста Библии читали его вслух снова и снова, чтобы убедиться в его безупречности.

Пожалуй, ни одна другая книга в истории языка не имела столь широкой аудитории на протяжении столь долгого времени. Яркие фразы на доступном языке, обладающие естественным ритмом английской речи, легко входили в повседневный обиход и, в конце концов, стали его неотъемлемой частью. Высокое качество перевода, без сомнений, сделало библейские выражения неотъемлемой частью языка и закрепило за Библией статус образца английской прозы. Текст по-

лучил высокую оценку влиятельнейших людей Великобритании и США, чей авторитет в вопросах языка и стиля остается непререкаем.

История перевода Библии на русский язык во многом схожа с теми событиями, которые предшествовали появлению Библии на английском языке. Однако в ней есть и очень существенные отличия, сыгравшие свою роль в судьбе русских библеизмов.

Как уже отмечалось, первоначально книги Библии были написаны на древнееврейском и на греческом языках, при этом ветхозаветные сочинения — почти все на древнееврейском языке, а новозаветные — на греческом. Уже в древности были сделаны переводы книг. Так в III — II вв. до н.э. был сделан перевод Ветхого завета на греческий язык. Этот перевод был назван впоследствии «Септуагинтой» от латинского «семьдесят», так как по преданию, в работе над ним принимали участие семьдесят два прибывших из Иерусалима книжников. Согласно же историкам и филологам, разные части Септуагинты появились в разное время: они значительно отличаются между собой по языку и стилю.

Важно отметить, что между переводом Септуагинты и еврейским ветхозаветным текстом существует немало расхождений, которые не могут быть объяснены особенностями двух языков. Некоторые из них, возможно, связаны с тем, что переводчики пользовались отличной от дошедшей до нас версией оригинала. Другие, как можно предположить, объясняются тем, что переводчики не всегда могли понять отдельные места в оригинале и переводили по догадке, неправильно. Очевидно и то, что в большинстве случаев переводчики стремились определенным образом по разным причинам изменить смысл оригинального текста. Перевод Септуагинты лег в основу славянской Библии и отчасти русского синодального перевода.

Распространение христианства в Италии и в других странах, где говорили на латыни, вызвало появление переводов Библии на латинский язык. Первые переводы принято относить к концу I — началу II веков, в них книги Ветхого завета переводились не с еврейского оригинала, а с греческого перевода Септуагинты, поэтому их называли «Септуагинта по-латыни». Латинский перевод Библии также называли Вульга-

той, т.е. «общедоступным», «народным». Позже появилось еще несколько переводов Библии на латинский язык, и все они назывались Вульгатой.

Первые переводы библейских текстов на славянский язык появились в Византии в середине 60-х годов IX века. Это период обострений отношений между двумя ветвями в христианстве — западнохристианской, или римской, церковью, признававшей своим единственным главой папу римского, и восточнохристианской, делившейся на несколько патриархий: Иерусалимскую, Антиохийскую, Александрийскую и Константинопольскую.

К началу IX в. народы Западной Европы почти все уже приняли христианство по западному обряду. Но оставался вне крещения огромный массив земли на Балканах, по Дунаю и далее на север и на восток — славянскую Русь. В первой половине IX в. в среднем течении Дуная сложилось крупное Великоморавское княжество, которое приняло христианство по западному обряду от немецких миссионеров из соседнего могущественного Германского королевства. Другое славянское государство на Балканах, Болгария, приняло христианство от Византии по восточному обряду.

Западное духовенство, как правило, признавало для богослужения только латинский язык, язык Вульгаты. Византийская же церковь не только разрешала своим миссионерам в негреческих станах, как и местному духовенству, проводить богослужения на языке страны, но и даже поощряло подобную практику, что создало благоприятные условия для распространения новой религии.

Моравские князья, попавшие под зависимость от немецких священников и осознавшие опасность такого положения, в 862 г. обратились к византийскому императору прислать в Моравию греческого епископа и священников. Византия была не в меньшей степени заинтересована в ограничении германского продвижения на восток и усилении собственного влияния, и в 864 г. в Моравию прибыла из Константинополя церковная миссия во главе с двумя братьями — Константином (Кириллом) и Мефодием.

Перед отправлением миссии необходимо было решить чрезвычайно сложную задачу. На тот момент перевести все

богослужение на язык местного населения не представлялось возможным, так как не существовало перевода на этот язык Священного писания, а значительная часть литургии состояла из зачитывания избранных мест из Библии. Перевод Библии на славянский язык был необходим, но дело в том, что славяне до этого времени, по-видимому, не имели разработанной письменности. Более того, задача усложнялась еще и тем, что в оборот славянского языка необходимо было ввести огромный массив новой лексики для выражения понятий религиозного и философского, государственного и общественного значения.

Для решения такой непростой задачи требовался переводчик с превосходным знанием двух языков, который при этом обладал очень обширными познаниями в филологии. Таким человеком оказался Константин Философ, а помощником ему в деле перевод Библии на славянский язык стал его брат Мефодий. Оба были греками, родившимися и выросшими среди славянского населения Македонии в городе Солуни (позже Салоники). Оба, по-видимому, владели славянским также хорошо, как и греческим. Оба получили прекрасное образование в Константинополе, особенно Константин, который, помимо греческого и славянского, знал также латинский, древнееврейский и арабский языки. По окончании обучения Константин стал библиотекарем, а затем преподавателем философии.

Очевидно, еще до отбытия миссии Константин приступил к переводу Библии на славянский язык, применяя при этом им самим изобретенную на основе греческих букв систему знаков. В этот период были переведены те тексты, которые читались при богослужении.

После прибытия в Моравию братья столкнулись с сильнейшим сопротивлением немецкого духовенства. Кирилл и Мефодий первое время вели богослужение на греческом языке, но Библия уже читалась по-славянски. Неудивительно, что это дало повод немецкому духовенству обвинить их в ереси и отступничестве. Обвинения основывались на том утверждении, что только три языка: греческий, латинский и еврейский — достойны Священного писания. Братьям пришлось вынести немало испытаний, а Мефодий был вызван на собор немецких епископов в Баварию, где его подвергли побоям и посадили в темницу.

Чтобы не потерять своего влияния в Моравии, в Риме было принято неожиданное решение выпустить из неволи Мефодия и посвятить его в сан архиепископа Моравии и Паннонии. Было разрешено проводить в Моравии богослужения на славянском языке. Мефодий обучил и посвятил в священники немало славян, а в 884 году приступил к переводу с греческого всех книг Библии [12, с. 15–20].

Со славянской Библией на Русь пришло не только христианство, но и письменность. Распространение Библии способствовало становлению древнерусского литературного языка, религиозные книги также сыграли свою роль в распространении грамотности. С Библией пришло знание культуры древности и понимание жанрового и стилистического разнообразия текстов.

С переводом Библии на церковнославянский язык связано появление первой по времени группы книжной фразеологии — новозаветизмов. Братья, сначала Константин при помощи Мефодия, а затем после его смерти Мефодий, перевели в первую очередь те тексты, которые читались на богослужении. Сегодня исследователи сходятся во мнении, что ими переведены Евангелие, Апостол, возможно, Псалтырь и лишь некоторые необходимые на службы тексты из Ветхого Завета. Именно эти переводы оказали первое мощное воздействие на русский язык.

С течением времени стали появляться и другие редакции Библии (болгарские, другие южнославянские) [11, с. 118]. Многочисленные переписывания книг для их распространения неизбежно приводили к искажению текста. Сказывались и личные качества переписчиков (внимательность, добросовестность), уровень их образованности, а также и особенности письма того времени: слова часто сокращались, буквы пропускались, не использовались пробелы между словами и прописные буквы в начале слов.

Никаких серьезных мер по исправлению книг или изъятию искаженных текстов не предпринималось. Надо признать, что церковь всегда очень настороженно относилась к признанию необходимости пересмотра священных книг. Это бы означало, что существующие богослужебные книги не такие уж и священные, и привело бы к подрыву авторитет самой церкви.

Более того, перед церковью в это время стояла более насущная задача: обеспечить священство необходимым минимумом литературы для проведения службы в храмах. Необходимо помнить и о практически постоянной борьбе с ересями, когда библейские тексты стали основным предметом спора между православной церковью и еретиками.

Все заслуживающие внимания исправления в существующих текстах Библии и переводы недостающих создавались в условиях жесткого противостояния внутри самой церкви. С одной стороны, была очевидна необходимость «наведения порядка» для приближения текстов к оригиналу и исправления ошибок и неточностей, но с другой стороны, были серьезные опасения, что внесение исправлений приведет к потере влияния, признанию «неверности» существующих текстов, а, следовательно, сыграет на руку распространителям ереси.

Этот последний аргумент стал решающим в судьбе русских переводов Библии. Противники исправлений выступали резко против внесения любых изменений в священные книги. Примечательно, что непереуевенные тексты Ветхого Завета впоследствии были переведены с латинской Вульгаты, когда в 1499 году были собраны в один свод все книги Библии (т. н. Геннадьевская Библия). Отчасти это объясняется желанием использовать опыт католической церкви в борьбе с ересями.

Переводы Максима Грека (XVI в.) явились попыткой приблизить язык Библии к общепонятному языку того времени. Несмотря на яростное сопротивление противников любых изменений в текстах, ему удалось «осовременить» уже тогда малопонятный текст. Все дальнейшие исправители опирались на его работы, в том числе и создатели первой печатной книги «Апостол» в 1564 году. Острожская Библия 1581 года, составленная по Геннадьевскому своду, сохранила традиционный церковнославянский язык и в течение двух веков оставалась единственной православной версией Священного писания и затем легла в основу т. н. Елизаветинской Библии 1751 года. Язык Острожской Библии стал нормой церковнославянского языка [12, с. 98].

Когда по указу Петра 1712 года исправители приступили к созданию Петровско-Елизаветинской Библии, перед ними была поставлена практически невыполнимая задача: «согла-

сить во всем с греческою 70 переводников Библиею» [3, с. 8], при этом как можно меньше отходить от уже существующей версии. Неудивительно, что многие справщики под разными предлогами отказывались браться за такой труд, и рукопись новоиспавленной Библии была сдана в типографию почти через сорок лет.

Первые признанные церковью переводы Библии на русский язык относятся к середине XIX века. Несмотря на то, что уже с XIV века ощущалось желание приблизить язык Библии к народному языку (переводы Абрама Фирсова, Эрнста Глюка [12, с. 128–130]), вплоть до середины XIX века Библия существовала только на церковнославянском языке. Ни о какой близости к понятному живому языку не могло быть и речи. Библия не была предназначена для чтения «парнем, идущим за плугом». Право читать, проповедовать и толковать Библию — было исключительным правом духовенства (так же, как и в противостоянии католиков и протестантов). Как и Римско-католическая, русская православная церковь имела все основания противиться попыткам перевести Библию на русский язык. Но, в конце концов, пришлось признать, что перевод нужно разрешить, и в 1856 году церковь объяснила причины такой необходимости: «Неоспоримо то, что в славянском переводе Библии есть многие места, в которых состав речи невразумителен и которые требуют сличения с первоначальными текстами — еврейским и греческим». Было особо отмечено, что многие обращаются к иностранным переводам Библии, выполненным вне православного исповедания, что может привести к неверному толкованию и отчуждению от православной веры. Поэтому признавалось, что дело перевода Священного писания нужно возобновить, но «с крайней осторожностью» [13, с. 266].

Последнее предупреждение, конечно, было вызвано все теми же опасениями, что русский перевод будет значительно отличаться о славянской Библии. С этой целью был издан свод «охранительных правил», в четырех духовных академиях созданы комитеты по проверке переводов. Верховный контроль был возложен на высшее духовенство. После двадцати лет работы в 1876 году был издан полный текст русской Библии в одном томе.

Очевидно, что по той же причине — сохранить близость русского перевода к славянской версии — переводчики старались придать языку старославянское звучание. Точно также поступили и составители Библии короля Якова: желая придать тексту «старость», они использовали формы слов уже к тому времени вышедшие из употребления (thou, gat, sprake и т. п.). Но в случае с русским переводом Библии, некоторые специалисты критически отнеслись к злоупотреблению устаревшими словами (И. А. Чистович, И. Е. Евсеев). И. А. Чистович отнес к недостаткам текста выражения типа «храмины из брения» вместо «дома из глины» (Иова 4:19), «лядvei» вместо «бедра» (15:27) [13, с. 280], которые были уже непонятны современникам переводчиков. Критикуя русскую версию Библии за многочисленные архаизмы и славянизмы, некоторые богословы на рубеже XIX–XX веков призывали приблизить язык русского издания к современному, чтобы Библия стала доступной и понятной для всех верующих. В 1916 году на собрании Библейской комиссии автор многих работ по истории славянской Библии И. Е. Евсеев прямо заявил, что переводчики «отстали от языка и понятий своего времени» и в результате «потеряли одно из необходимых условий влияния перевода на современное и последующее поколения». Он назвал основным недостатком текста «отсталый сухой язык». По его мнению, язык перевода, «тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век.» Суть предложений И. Е. Евсеева сводилась к тому, чтобы опираясь на кирилло-мефодиевские традиции перевода по оригинальным текстам, создать русский текст на языке, максимально приближенном к литературному. Он решительно осудил опасения церкви, что любые исправления будут исключительно во вред вере и православию. Подобные предубеждения имеют «гибельные последствия: Библии народ не читает, в народе она почти неизвестна». [5, с. 1–17]

Все эти особенности имевшихся переводов не могли не сказаться на процессе заимствования русских библеизмов. Многие из заимствованных языком библейских фраз так и остались достаточно архаичными. Существование в России двух Библий на церковнославянском и русском языках привело к тому, что в некоторых церковнославянских выражениях со временем

произошла замена архаичных слов на более современные русские. Трудности восприятия текста в известной мере послужили препятствием для прочного закрепления некоторых библейских выражений в русском языке, но в то же время привело к их переосмыслению и фольклоризации. К тому же в русском языке сложилась особая группа фразеологии, основанная на библейских фразах и сюжетах. Такое переосмысление библейских изречений независимо от того, в прямом или метафорическом смысле они употреблены — свидетельство жизни языка, который до сих пор активно использует текст Библии. Сегодня все выражения прочно вошли в повседневную речь и ничем «не выдают» своего происхождения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ашукин Н. С. Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения. Москва, 1996, 560 с.
2. Брежнева О. В. Особенности функционирования и перевода библеизмов английского языка. //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов Ж Грамота, 2017. № 9 (75): в 2-х ч. Ч. 2 С. 91–94.
3. Евсеев И. Е. Очерки по истории славянского перевода Библии. Тип. М. Миркушева, 1916, 178 с.
4. Евсеев И. Е. Столетняя годовщина русского перевода Библии. Пг.: Синодальная тип., 1916, 41 с.
5. Евсеев И. Е. Собор и Библия. Пг.: Синодальная тип., 1917, <https://ru.wikisource.org/wiki/>
6. Гришина Л. В. Значение перевода Библии и творчества Шекспира в развитии английского языка. //«Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания» Сборник статей. Москва, 2017, стр. 94–110.
7. Ключкина Т. П. Особенности употребления и переводы библеизмов. //«Столпотворение» № 8–9, 2003, http://samlib.ru/w/wagarow_a_s/klyuk-bible-phrases.shtml
8. Луннова М. Г. Библеизмы в современном русском языке. //Известия ПГПУ № 9 (13), 2008, стр. 40–45.
9. Николаюк Н. Г. Библейское слово в нашей речи/Словарь-справочник. Санкт-Петербург, 2012, 384 с.
10. Оноприенко С. Библеизмы современного русского языка. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к. филол. н. Воронеж, 1997, 18 с.
11. Полежаева Е. А. Второе южнославянское влияние в русской агиографии. Становление стиля «плетения словес». //Вестник МГЛУ. Серия: гуманитарные науки. Изд-во МГЛУ. № 4 (637), 2012, с. 117–127.

12. Рижский М.И. История переводов Библии в России. Новосибирск. 1978, 207 с.

13. Чистович И.Я. История перевода Библии на русский язык. «Либроком», 2012, 354 с.

14. Crystal David. Begat: The King James Bible and the English Language. Oxford University Press. 2011, 327p.

Лукина Ю. В.
Lukina Yu. V.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЯГКОЙ СИЛЫ ЗАРУБЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ОБРАЗА РОССИИ. СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ БОРЬБЫ С КОНКУРЕНТАМИ ЗА МИРОВОЕ ВЛИЯНИЕ

FOREIGN COUNTRIES USE MASS MEDIA TO CREATE
A NEGATIVE IMAGE OF RUSSIA. NEW CONTEMPORARY
METHODS ARE AIMED AT CONQUERING THE WORLD

Аннотация: В наши дни, чтобы обладать мощью и господствовать, странам и нациям недостаточно иметь только ядерное оружие. Очень важно уважение других мировых лидеров. Жесткая сила несовершенна, так как она слишком прямолинейна и может вызвать порицание других. Страна, претендующая на то, что является главным игроком мира, должна применять пассивно-агрессивную «мягкую силу». Ее можно проводить при помощи СМИ, которые будут использовать завуалированные намеки, ясные легковерному обывателю. Манипулируя сознанием людей, мягкая сила может изменить мировой порядок. В прошлом и этом столетиях многие лидирующие страны пробовали это, но не все достигли успеха. Страны могут провозглашать разные цели своих дипломатических акций, действий, но существует лишь одна истина — все, что происходит, это только из-за денег и власти. Мы сейчас, вероятно, являемся свидетелями второй холодной войны, которая ведется при помощи мягкой силы. Ее возможной целью является мировое лидерство.

Ключевые слова: мягкая сила, жесткая сила, мировой порядок, холодная война, манипулирование, промывка мозгов, агрессивная пропаганда, СМИ.

Abstract: Nowadays it is not enough for countries and nations to be just powerful and be in possession of nuclear weapons. It is important to be respected by the world leaders. Hard power is not sufficient since it is too direct and may arouse

condemnation of others. A country that claims a center stage must imply a passive-aggressive “soft power”. It may be achieved by the means of mass media, by veiled hints which are obvious to any admass. By manipulating peoples’ minds soft power may change the global order. During the last and the current centuries many leading countries tried it but some without success. They have proclaimed different aims of their demarches and actions but there is always one thing which is true — it is about power and money. We may witness the Second Cold War run by soft power. The probable aim is a global leadership.

Key words: soft power, hard power, global order, cold war, manipulating, brainwashing, aggressive propaganda, mass media.

Жёсткая сила (англ. hard power) — одна из форм манипуляции сознанием граждан, которая используется государством как форма принуждения, направленная на изменение поведения и политических интересов другого государства. Она включает в себя военное или экономическое принуждение. Данная форма политической власти является агрессивной. Ее эффективность повышается, когда объект власти обладает меньшей военной и экономической мощью. Очень часто вышеупомянутый термин используется для характеристики международных взаимоотношений.

Обычно жесткой силе противопоставляется «**мягкая сила**» (англ. soft power); целью использования которой считается добровольное подчинение субъекта власти, а базой служат культурные и политические ценности. Особую популярность термин приобрел после того, как его употребил профессор Гарвардского университета Джозеф Най, охарактеризовав мягкую силу как форму проявления власти суверенного государства в международной политике.

При трактовке мягкой силы существует ряд неточностей. По утверждению Джозефа Ная, в 1990 г. журнал «Иностранная политика» впервые опубликовал концепцию «мягкой силы», на которую указывает его статья. Термин не всегда используется корректно. Ниже приводятся примеры, подтверждающие эту мысль.

1. Мягкая сила — сила культуры. Это верно лишь частично. Понятие «сила» предполагает возможность влиять на других, заставив их делать то, что хочет другая конкретная сторона. В указанной статье в журнале «Иностранная политика» существует 3 варианта применения силы: принуждение (кнут), плата (пряник) и привлекательность (мягкая сила).

Мягкая сила является нетрадиционной мощью, при которой используются коммерческие и культурные средства, ценности. Существуют три источника мягкой силы: культура, политические принципы, система ценностей и внешняя политика страны, рассматриваемая как законная и имеющая моральный авторитет.

2. Экономическая сила — мягкая сила. Наложение экономических санкций является принуждением и считается одним из жестких вариантов так же, как и военные действия, развернутые против страны.

3. Мягкая сила более гуманна, чем жесткая сила. Согласно Джозефу Найу, это не всегда так. Мягкая сила может быть использована для предоставления возможности осуществлять политические решения, а также для других различных целей. На примере Мао и Гитлера Джозеф Най показывает, что сначала меняется идеологическое понимание, *«выворачивают мозг наизнанку, чтобы потом выкрутить руки»*. То есть при помощи мягкой силы можно изменять мировоззрение по желанию сильной стороны.

4. Жесткая сила поддается измерению, а мягкая сила нет.

Не совсем так. Несложно определить источники мягкой силы, в них входят культурные ресурсы, средства массовой информации, дипломатические источники. Используя жесткую силу, можно вести войну и не добиться победы (примером может служить Вьетнам), но, только благодаря мягкой силе, можно влиять на восприятие мира и поведение людей, можно смягчать акценты новостей, делая ударение на выгодных для сильной стороны выводах.

5. Европа слишком рассчитывает на мягкую силу, а США на жесткую силу. В статье приводится пример того, что Европа пыталась использовать экономическую и политическую интеграции, а США наращивали вооруженные силы. Использование только одной силы недостаточно. Во время холодной войны Запад не только укреплял военную мощь, но и использовал мягкую силу, пытаясь развенчать коммунистическую идеологию.

6. Военная мощь порождает/производит только жесткую силу. При упоминании жесткой силы в воображении возникают образы танков, ракет, солдат, взрывов. Однако

данное утверждение не состоятельно. Жесткая сила может породить мягкую силу. Насажение диктатором Гитлером своего мифа смогло убедить многих в правильности его теории. В результате чего у него появилось много последователей. В то же время неправомерное употребление жесткой силы может нанести ущерб и уменьшить воздействие мягкой силы. Так после Второй Мировой войны идеология СССР широко распространялась советскими гражданами и просоветскими государственными деятелями и организациями, но подавление военными средствами политического кризиса в Чехословакии и Венгрии нанесло ощутимый ущерб России. Влияние ее мягкой силы значительно сократилось. США использовали жесткую силу в тюрьме Абу Грейб против пленных. После того, как это стало известно благодаря СМИ, престиж армии США резко пошатнулся. Отношение населения к ней стало меняться.

7. Мягкую силу сложно использовать. Государства тратят средства, чтобы контролировать и изменять внешнюю политику. Много средств вкладывается для проведения публичной дипломатии, трансляции новостей и разных программ по обмену. Чтобы оказывать влияние на СМИ со стороны государства, в 90-х годах по инициативе Совета по Иностранным связям была создана Корпорация для Публичной Дипломатии. Сделано это было с целью вовлечения в работу частных групп и индивидов, которые ранее не хотели быть частью государственной пропаганды. Именно данный аспект мягкой силы получил широкое распространение и обеспечил успех в достижении целей по изменению общественного мнения, что в свою очередь повлекло за собой политические и экономические перемены, деструктивно отразившиеся на отношениях России с другими странами.

По мнению многих экспертов, сейчас идет вторая холодная война, но в ней в большей степени используется мягкая сила. Особенно часто к ней прибегают США для создания негативного образа России. Благодаря манипуляциям общественным сознанием и фактами, мнение стран о России меняется. И даже осознавая ложность искаженных данных, страны не могут признать открыто свою неправоту, так как сформировано общественное мнение, что Россия является нежелательным

партнером во всех сферах и думать иначе уже нельзя. В свою очередь, это доказывает, что Россия вновь стала равным соперником лидирующих стран.

Начало политической травли было положено в период, предшествующий Олимпийским играм в Сочи 2014 года. Существовало мнение, что средства массовой информации США и Европейских стран независимы от государственной политики, что их источникам можно верить, и они не предоставляют ложную информацию.

Статьи, которые стали появляться в спортивной прессе, сначала мягко «набрасывали некую тень» на происходящее. Освещение событий во время строительства, подготовки к соревнованиям преподносили с тенью сомнения, беспокойства, «фактами» разоблачения коррупции. Например, в статье www.sportsonearth.com (от 19.07.2013) журналист Вилл Лей дает заголовок «Причина для беспокойства в Сочи». Журналист сообщает, что он обычно не думает об Олимпиадах, но, так как едет в Сочи, он провел расследование и очень обеспокоен, и считает, что читатель тоже должен быть обеспокоен, одновременно указывая, что Россия превысила бюджет. В переводе автора: «Обычно я бы не стал думать об Олимпийских играх в Сочи за шесть месяцев вперед. В общем, я обычно не стал бы много думать и за шесть дней до Олимпиады. Но в этот раз дело обстоит совсем по-другому. Впервые в жизни я еду на Олимпийские игры. Так как я совсем не представляю себе, что ожидать, я провел свое собственное расследование... И я собираюсь вам сказать: я очень обеспокоен. И вы, вероятно, тоже должны быть»¹.

Читатель, увидев этот текст, испытывает дискомфорт, хотя никакой конкретной информации и фактов он не почерпнул. Ссылка автора на «Экономист» производит еще большее впечатление о том, как коррупция процветает. Это

¹ «Russia greatly underestimated costs for the 2014 Winter Olympics in Sochi, which are expected to be the most expensive ever. (USA TODAY Sports)

Ordinarily, I wouldn't be thinking much about the Winter Olympics six months out. (All told, **I wouldn't ordinarily be thinking** much about the Winter Olympics six days out.) But this time is different because, for the first time in my life, I'm going to the Olympics. **Because I have no idea what I'm in for**, I've been doing a little research, about the Olympics, about the setup, about Sochi in general. And I gotta tell you: **I'm worried. You probably should be too.** »

излюбленный прием журналистов США: «согласно источнику», а фразы о том, что это действительно факт и правдивая информация, которые могут быть подтверждены документами, отсутствуют, поэтому очень просто потом отказаться от таких слов и не быть свидетелем/ответчиком в суде. Журналист постоянно использует противопоставления, где Россия намеренно обвиняется в том, что еще даже не произошло. Использование частотных слов и параллельных конструкций создает в данном случае эффект беспокойства. Наряду с этим используется обращенная речь с целью создания личного контакта с читателем. Вилл Лей ссылается на «Экономист», который предоставляет данные. В статье говорится, что Россия больше всех (Китай например) тратит еженедельно на подготовку к Олимпиаде. «*Китай потратил 43 миллиона долларов... Сочи обходятся даже больше — около 50 миллионов... Я не уверен, что вы увидите каждую копейку... Изначально Россия собиралась вложить 12 миллионов, такой бюджет уже тогда был слишком высоким. Это была очень глупая оценка бюджета: как оказалось, девять миллионов долларов необходимо потратить на строительство дорог*»².

Образ коррупции создается при помощи постоянно используемых слов как «самый дорогой», «такой дорогой», «в России коррупция не является побочным эффектом: это явление такое же важное, как и само по себе спортивное мероприятие»³. [шутка Якова Смирнова, американского комика, русского по происхождению]. Автор прибегает к популистским фразам: «Стоимость этих игр больше чем ВВП Словении, Уругвая, Исландии, Парагвая и Литвы. И деньги, если следовать истории, рабочие не получают». «Труд чернорабочих мигрантов оплачивается в размере 500 долларов в месяц, они работают по 12 часов без контрактов, и не соблюдая правила безопасно-

² «China spent \$43 billion... Well, Sochi is costing more than that -- about \$50 billion... I'm not sure you're going to see every penny. The initial Russian bid was \$12 billion, which was already the most expensive Winter Olympics in history. But that was a crazy silly estimate: As it turned out, simply one of the roads they're building is going to cost \$9 billion. »

³ «most expensive», «so expensive», «In Russia corruption is not a side-effect: It is a product almost as important as the sporting event itself.»

сти и не имея страховки. В прошлом году погибло 25 человек во время строительства»⁴.

Данные обращения предназначены для класса населения, который не утруждает себя поиском достоверной информации, а настроен на восприятие эмоциональных фраз, часто встречающихся в желтой прессе. Для тех, кто не реагирует на эмоционально окрашенные высказывания, перечисляются строительные недоработки: «лыжный трамплин был уже переделан несколько раз», «канализационные трубы разрываются, оставляя после себя всякие нечистоты, неприятные отходы. Существуют постоянные проблемы с окружающей средой. Все постоянно ломается»⁵.

Использование однородных конструкций, состоящих из существительных и слов с негативной окраской, создает неприятные ощущения и предубеждение, что ничего хорошего не может быть, все обречено на провал.

«Даже снег русские приберегают для игр». Такие нелепые утверждения были очень популярны и раньше, когда иностранцев убеждали, что в России по улицам ходят медведи, и люди искренне в это верили. Когда не предоставляется альтернативная информация, очень трудно понять, что существует и другая сторона событий. Мягкая сила создает эффект «промывки мозгов», пропаганды на уровне международных отношений.

Автор статьи противопоставляет Россию другим странам, проводивших Олимпийские игры, где слово «коррупция» употребляется несколько раз; цель заключительного абзаца укрепить читателя в мысли, что все будет плохо, и он использует параллельные конструкции существительных с эмоционально навязчивой окраской и слов в значении обреченности, безысходности, грязи, опасности. «Но это выглядит особенно страшно, да? [обращается к читателю]. Или я так думаю,

⁴ *The cost of these games is more than the GDP of Slovenia, Uruguay, Iceland, Paraguay and Lithuania. And the money, according to the story, isn't going to the workers: "Low-skilled migrants get \$500 a month, working 12-hour shifts with no contracts, safety training or insurance." Last year, the story says, 25 people died during construction.*

⁵ *"The ski jump, for example, has already "been redone several times and sewage pipes keep bursting, » «leaving some lingering, oh, unpleasantness. There are constant environmental issues. Everything keeps breaking"*

потому что я собираюсь в этот раз поехать и все время боюсь, что я буду стоять в пустом поле, где должно проходить событие, и все будет покрыто канализационными отходами, и буду там стараться помочь раненому работнику получить его последнюю зарплату, до того, как нас обоих похитят с целью выкупа воинствующие соседи. Может быть и так»⁶.

Статья еще одного автора Playthegame.org от 19.11.2015 рассчитана на более образованную аудиторию, в ней используются таблицы с финансовыми данными. При описании ситуации автор пользуется выражениями, обозначающими крайнюю степень важности для достижения эффекта (побивающие все рекорды "ground breaking", самая дорогостоящая Олимпиада», "the most expensive Olympics ever"). Статья написана Мартином Мюллером из Университета Цюриха. Предполагается, что представителем академического мира представлена достоверная информация. На фоне исторических данных по другим странам ссылаются на "exorbitant costs" (чрезвычайно завышенные/грабительские расходы/траты) Олимпийских Игр в Сочи, свидетельствующие, что бюджет был превышен в несколько раз, обещания, данные местным жителям, не сдержанны. «Черное будущее впереди». Если бы журналист получил другой государственный заказ, то события бы описывались с другой эмоциональной окраской. Это пример двойных стандартов, используемых в мягкой силе.

Автор ссылается на официальные данные по предварительному бюджету, датированному октябрём 2006 г., а вот данные по актуальному бюджету не подтверждены официальным источником. Обвиняя президента Международного Олимпийского комитета Томаса Баха в поддержке российской стороны, автор ясно дает понять тем, что у России не будет официальной поддержки Олимпийского комитета, так как ее главному представителю нет доверия. Таким образом, создается общественное мнение о коррупции во время Олимпиады, а все замечательное, что произошло во время игр, вообще

⁶ *"But this one looks particularly scary, doesn't it [вопрос к читателю]? Or do I just think this because I'm going this time and keep having this fear that I'm going to standing in an empty field where snow is supposed to be, covered in sewage, trying to help an injured laborer get his final paycheck before we're both taken for ransom by neighbor warring factions? It might be that."*

не упоминается. Освещается черная сторона без предоставления документации. К сожалению, многие люди не любят размышлять и проверять информацию, им проще быть «зомбированными». Политическим властям выгоднее вставать на сторону более сильного партнера, закрывая глаза на реальность. *«Игры в Сочи были не просто дорогими. Бюджет был значительно превышен, так как последние цифры бюджета были в несколько раз выше, чем это было отображено в «Заявочной книге»... номинальные издержки первоначальной цены в размере 585% (337% в неизменных ценах после учета инфляции). Расходы по Олимпийскому стадиону и Основной Олимпийской деревне превышены в 12 раз по сравнению с первыми оценками бюджета... Томас Бах не прав, когда утверждает, что «расходы Олимпийских Игр в Сочи в пределах бюджета предыдущих игр»⁷.*

Журналист усердно пытается найти изъян везде, преувеличивая события и уходя от академического языка при написании статьи, содержащей финансовые данные, когда он сравнивает железную дорогу не с быстрой ласточкой (как подразумевает русское название), а с хромой уткой⁸. Данные стилистические приемы ориентированы на тех, кто хочет убедиться в том, что в России все плохо.

Тех блогеров/интернет пользователей, которые пытались правильно освещать события, сразу очерняли и переставали печатать. Мягкая сила начинает порождать жесткую. К сожалению, в своей статье, ученый так и не привел ссылки на данные министерств и уважаемых финансовых организаций. В списке ссылок на источники у него фигурируют просто информационные газеты и новостные передачи. В других изданиях, таких как Washingtonpost.com (10.08.2012) в стрем-

⁷ *The exorbitant costs of the Sochi Games, Cost overruns*

The games in Sochi were not just expensive. They also experienced significant cost overruns as the final budget was several times higher than the budget in the bid book. The costs for venues escalated particularly strongly, with a nominal 585% cost overrun (337% in real terms after controlling for inflation). The Olympic Stadium and the Main Olympic Village came in 12 times more expensive than budgeted... Thomas Bach, is thus wrong when he claims that "costs for the Sochi Games are entirely within the bounds of those of previous Games" (Süddeutsche Zeitung 2014).

⁸ *"Russian name lastochka suggests, a swift swallow, but rather a lame duck."*

лении изменить общественное мнение о России авторы статьи (Джейн Бучанан и Юлия Горбунова) начинают в жалостливом тоне рассуждать о бедных жителях, чья жизнь была разрушена стройкой. Такого рода статьи рассчитаны на сентиментальных людей, которые любят принимать участие в благотворительных организациях и не задумываться, кому это выгодно, так как «униженным и оскорбленным» всегда перепадает малая толика.

Опять же используются соответствующие существительные, числительные, чтобы произвести эффект частотности, масштаба бедствия: *«много семей, годами, много тысяч рабочих»⁹*. Журналисты обвиняют власти в том, что зарплата не выплачивалась. Впоследствии, рассматривая обвинения в употреблении спортсменами допинга, они также обвиняют власти. Это указывает на еще одну модную тенденцию в мире, когда США указывают странам, кто не должен стоять у власти в определенной стране (примеры: Саддам Хусейн, Милошевич, Ясир Арафат, Янукович и т. д.)

«Один журналист сообщил наблюдателю по правам человека, что давление на прессу было беспрецедентным», местные власти говорили издателям, какие истории они могут и не могут писать... Что обещанную зарплату выплачивали в меньшем объеме, а потом и вообще перестали выплачивать рабочим»¹⁰. Данным параграфом автор пытается ввести всех в заблуждение, что в Новом и Старом мире существует демократия в СМИ. Понимая, что российская сторона может привлечь к ответственности за клевету, журналист признает, что Олимпийский Комитет вмешивался в случаи, где были нарушены права строителей, по мнению автора просто боясь, что *«это набросит тень на победу и триумф спортсменов, участвующих в олимпийских играх»¹¹*.

В статье Радио Свободной Европы (www.rferl.org) от 06.01.2015 (авторы Грег Шоу, Роман Анин, Лина Вдовий)

⁹ *"many families, for years, many thousands of workers"*

¹⁰ *"One journalist told Human Rights Watch that the pressure on the media was "unprecedented," with local authorities calling editors about which stories can and cannot be written."*

¹¹ *"Otherwise, an embarrassing legacy will overshadow the feats and triumphs of the athletes competing in the Sochi Games".*

продолжена политика очернения при помощи мягкой силы. Создается образ, что здания для проведения Олимпиады построены «на костях». Стиль статьи — телепрограмма реального жанра. Предназначена она для многочисленной прослойки общества, которая не умеет самостоятельно рассуждать.

К сожалению, почти невозможно найти статьи зарубежных комментаторов, публицистов, которые бы осмелились не выполнять политический заказ государств о разрушении позитивного образа России, вновь пытающейся заставить других считаться со своими интересами.

Подводя итог первого этапа использования мягкой силы, можно сделать вывод, что образ коррумпированного функционера, достижений, построенных «на костях», за счет жизней людей, навязчиво предлагался читателям и телезрителям. На тот момент цель была не очень ясна. В 2017 году стало очевидным недовольство внешней политикой России правительствами Соединенных Штатов Америки и Европы, так как Россия уже давно «вышла из-под контроля» после перестройки и времен президента Бориса Ельцина.

Следующим этапом применения мягкой силы было обвинение на весь мир о применении допинга российскими спортсменами (источник www.time.com от 03.01.2016 Ева Хартог). Не вдаваясь в подробности и рассуждения о том, возможно ли человеку бить рекорды в наше время, опираясь только на свои природные данные, страны-обвинители умалчивают правду о своих спортсменах, при этом заставляя всю «свободную и демократическую» прессу рассказывать о российских нарушениях. Здесь успешно применяются двойные стандарты и ничем не подтвержденные обвинения. Так как никогда не указывается точный источник, а вербально идет только ссылка, легально нельзя никого обвинить. Этим активно пользуются как политические лидеры, так и журналисты.

Россия всегда славилась своими спортивными достижениями. Поэтому разрушение образа сильной спортивной державы также вошло в область применения мягкой силы.

Как это было сделано: аналогично ситуации со строительством в Сочи, надо было прибегнуть к противопоставлению. Труд «чистых» спортсменов противопоставлен нарушившим спортивную этику спортсменам с тем, чтобы оказать влияние

на общественность, очерняя русских и вызывая негодование. В статьях обвиняется руководство страны, которое давало допинг спортсменам, не знавших об этом. Какова цель данного витка холодной войны: отстранить русских от Олимпийских игр (в Рио), попытаться отменить Чемпионат Мира по футболу 2018 года в России. То есть изолировать и сделать страной-изгоем. Страну, с которой будет стыдно иметь дела. Мягкая сила работает.

Политики и представители средств массовой информации понимают, что нельзя рассчитывать только на то, что говорят они. Необходимы известные люди, которых все знают. Издательство Гардиан поместило свидетельство российской спортсменки Степановой (от 15.08.2016 автор Овен Гибсон). Не вдаваясь в этические и моральные стороны высказывания данной спортсменки об очернении в масштабе страны, можно заметить, что в статье используются обобщения, не даются конкретные имена, данные. Оказывается эмоциональное воздействие на читателя действиями «храброй» спортсменки. В интервью Степанова призывает других спортсменов к тому, что они должны признать нечестность своей игры. То есть, постоянно употребляя такие синонимичные слова как: «честно, нечестно, справедливо, нелегально, говорить правду, я говорю правду, я прошу их говорить правду»¹², она подчеркивает невозможность иметь честный спорт в России. Официального доказательства никем никогда не было представлено. Всегда были обвинения, но без предъявления фактов, подтвержденных и задокументированных. «*Степанов [ее муж] добавил: Она [Ефимова, олимпийская чемпионка по плаванию, тренирующаяся в США] живет в Америке и у нее есть возможность говорить правду. Но вместо этого она называет это холодной войной. По-моему, она прекрасно знает, что происходит, она покрывает российскую допинговую систему*»¹³.

¹² "to tell the truth about the scale of the problem. "Athletes need to bear some responsibility. They need to start telling the truth. there will be athletes competing dirty at the Rio Games, Doping is not only a problem in Russia

¹³ Stepanov [her husband] added: "She [Efimova – Russian competitive swimmer] lives in America and has the opportunity to start telling the truth. But instead she calls it a Cold War moment. In my view she knows exactly what is happening, she is covering up the Russian doping system."

На сайте npr.org от 09.12.2016 (репортер Камила Домоноске) далее было опубликовано так называемое расследование, в котором много обвинительных заключений, цифр. Утверждается, что оно проводилось профессором Канадского Университета в области юриспруденции в течение всего двух месяцев, который исследовал доказательства, которые использовали ДНК для проверки на наличие допинга. Каким образом он мог это получить, кто ему их предоставил — это тоже не упоминается. Данный доклад был подготовлен перед Олимпийскими играми в Рио, вследствие чего наши спортсмены не были к ней допущены. Так же как и параолимпийцы. В очередной раз это служит доказательством эффективности мягкой силы в опытных руках, которой никто не смеет возразить.

На этой стадии создан образ коррумпированной спортивной системы с логическим ударением на *спонсорство государством, централизованность, нечестность российских спортсменов, развенчание успеха страны*. Обвинения спортсменов в нечестности привело к тому, что их коллеги из других стран стали отрицательно настроены по отношению к ним.

И как выражение благодетельности сквозь строки прочитывается: демократия других стран пытается спасти Россию от лжи. Используется агрессивная вербальная тактика нападения на российских спортсменов. *«Легкоатлеты были вовлечены в допинг, спонсируемый на государственном уровне и это является государственным сговором. Это описывает «систематическое и централизованное покрытие и манипулирование процесс допинг контроля... Российская Олимпийская команда коррумпировала Лондонские Олимпийские игры в беспрецедентном масштабе... Желание выиграть медали вытеснило их коллективный моральный и этический ориентир и ценности честных игр на олимпиаде. Это тревожно. Это существенное нападение на чистоту олимпийских игр и спорта вообще»*¹⁴. Только в сентябре 2017 Макларен снял обвинение,

¹⁴ "Athletes were involved in **state-sponsored doping**, and that the "institutional conspiracy". It describes a "**systematic and centralised cover up and manipulation of the doping control process.**" "**The Russian Olympic team corrupted the London Games 2012 on an unprecedented scale.** "The desire to win medals superseded their collective moral and ethical compass and Olympic values of fair play." "It is alarming", "a fundamental attack on the integrity of the Olympic Games and on sport in general".

что допинговая схема была на государственном уровне. И вообще все поставлено под сомнение.

Самым недавним примером использования мягкой силы является обвинение России во вмешательстве в выборы США. Данные обвинения эмоциональны. Журналисты упоминают компьютерные взломы, которые ничем не подтверждены, о встречах дипломатах, которые интерпретируются в нужном для США ракурсе. Таким способом создается образ страны, вмешивающейся во внутреннюю политику других суверенных государств с целью лоббирования своих интересов. Как и всегда, американские журналисты аккуратно ссылаются на источник, говоря "по заявлению...", но при этом не предоставляя никакой информации, официально подтвержденной.

Газета Нью-Йорк Таймс нарисовала схему (09.12.2016 автор Дэвид Сэнгер и Скотт Шейн) вмешательства России в выборы. На кого рассчитана представленная схема непонятно, так как никакого содержания она не несет. Она просто существует как очередной факт проявления мягкой силы, направленной против России. Здесь неважно, в чем состоит обвинение, важно, кого обвиняют во всем, что бы ни происходило. А как доказательство присутствует излюбленная фраза, ничего не подтверждающая: *«Сотрудники американской разведки заявили о том, что полагают, что взломщики были связаны с двумя русскими агентствами спецразведки. Группа хакеров, вероятно, замешена в этом деле. Следователи полагают, что ГРУ...»*¹⁵. Данный абзац показывает, как СМИ четко следуют политической линии истеблишмента. И в независимости от того, что происходит, виновата Россия.

*«Согласно заявлениям представителей разведки, русские тоже были удивлены победе Дональда Трампа. Но слив информации нарушил ход кампании и подорвал веру в честность голосования»*¹⁶.

На сайте газеты nationalreview.com от 31.03.2017 представлена версия, которая пытается восстановить справедливость.

¹⁵ "American intelligence officials have said **they believed** that the hackers (were associated with two Russian intelligence agencies. A hacking group possibly linked Investigators believe that the G.R.U"

¹⁶ According to intelligence officials, the Russians were as surprised as everyone else by Donald J. Trump's victory. But the leaks disrupted the campaign and undercut confidence in the integrity of the vote.

Автор статьи Дэвид Фрэнч призывает журналистов и политиков прекратить обвинять Россию, в том, что были взломаны компьютеры, он справедливо замечает, что было сказано только следующее: «Русские взломали только несколько компьютеров, но они не «взломали» выборы»¹⁷, то есть нигде никогда не было сказано, что русскими хакерами были взломаны компьютеры, используемые на выборах. Он открыто заявляет, что подобные инсинуации заставили миллионы американцев поверить в то, что русские замешаны в выборах, но тому нет никаких доказательств. «Постоянные инсинуации СМИ с другой стороны приводят американцев к убеждению, что русские на самом деле вмешались в сам процесс выборов, включая и машины по подсчету голосования. Существует ноль доказательств. Никакого [немецкий]. Ничего. Ничего [испанский]»¹⁸. Автор для большей экспрессивности и убедительности употребляет три слова, означающих «ничего» на трех языках. Но, в статье указывается на Russia Today, как на конкурента с российской стороны, манипулирующего фактами, с целью создания другого общественного мнения.

Итак, существует борьба за влияние на уровне средств массовой информации с целью создания пропагандистского фона, якобы отражающего мнение большинства людей. Но точка зрения предыдущего автора отрицается в газете washingtonexaminer.com от 02.04.2017 (автор Джон Сицилиано). Никки Хейли, постоянный представитель США при ООН, заявляет, что она **полагает**, что «**безусловно, Россия была замешана в выборах**»¹⁹. Опять, используются наречия с оттенком убедительности и глаголы, высказывающие предположение. Но после обвинений Марты Раддатц [американский репортер] в том, что она заявляет, что Трамп незаконно стал президентом, Хейли сразу отказывается от своих слов, говоря, что она имела в виду другое, что русские просто хотят вмешиваться. «Я полагаю, что мы сказали одно и то же. Это просто сообщили по-разному» («I think we're both saying the same thing. It's just being reported differently»).

¹⁷ «The Russians hacked a few computers, but they did not “hack” an election»

¹⁸ «The media's persistent insinuations otherwise are leading millions of Americans to believe that the Russians actually meddled with the election process itself, including with voting machines. There is zero evidence that occurred. **None. Zilch. Nada.**»

¹⁹ «**Certainly I think** Russia was involved in the election».

Данная и предыдущая статьи могут служить подтверждением того, что риторика меняется. Направление пропаганды изменяется при Дональде Трампе. Мягкая сила, идеология, которую она несет, меняется, так как она подчиняется правящей партии, даже если последняя непопулярна.

Рассмотрев несколько примеров, показывающих попытки манипулирования общественным сознанием, можно с уверенностью сделать вывод, что, даже при отсутствии фактов, обвинения выдвигаются с ссылкой на ничем не подкрепленное мнение третьих лиц, что создает негативный информационный фон, который значительно влияет на сознание населения.

Мягкая сила становится все более значимой в современном обществе. США и другие страны начинают все чаще ее использовать для достижения своих целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. www.foreignpolicy.com/2006/02/23/think-again-soft-power/
2. www.sportsonearth.com/article/54048484/2014-winter-olympics-in-sochi-russia-will-be-most-expensive-olympics-ever
3. www.playthegame.org/news/comments/2015/018_after-sochi-2014-costs-and-impacts-of-russias-olympic-games/
3. <http://dx.doi.org/10.1080/15387216.2015.1040432>
4. www.washingtonpost.com/opinions/sochi-olympics-have-an-ugly-side/2012/08/10/e86770be-e24c-11e1-98e7-89d659f9c106_story.html?utm_term=.f0bccab5ed63
5. www.rferl.org/a/ghosts-of-sochi-olympics-migrant-deaths/26779493.html
6. www.time.com/4351721/russia-charm-olympic-doping-ban/
7. www.theguardian.com/sport/2016/aug/15/yuliya-stepanova-russia-doping-olympics
8. www.npr.org/sections/thetwo-way/2016/12/09/504937994/more-than-1-000-russian-athletes-benefited-from-doping-conspiracy-report-says
9. www.nytimes.com/news-event/russian-election-hacking
10. www.nationalreview.com/article/446339/donald-trump-russia-and-2016-election-controversy-explained
11. www.washingtonexaminer.com/haley-no-question-russia-involved-in-election-hacking/article/2619130

Миронова М. В.
Mironova M. V.

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕНДЕРНЫХ СТЕРЕОТИПОВ В СВЯЗЯХ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ФРАНЦИИ

OVERCOMING GENDER STEREOTYPES IN PUBLIC RELATIONS
OF STATE AUTHORITIES OF FRANCE

Аннотация: Настоящая статья посвящена описанию мер, принимаемых органами государственной власти Франции для устранения гендерной асимметрии в языке. С этой целью был создан «Практический справочник по связям с общественностью без стереотипов пола», в котором прописаны 10 рекомендаций, устанавливающих равенство между мужчинами и женщинами и гарантирующих исключение сексизма в сфере связей с общественностью.

Ключевые слова: феминизация, гендерная асимметрия, гендерные стереотипы, сексизм.

Abstract: The present paper deals with the description of the measures taken by the government authorities of France to eliminate gender asymmetry in the language. To this end, a "Practical Guide to Public Relations Without Gender Stereotypes" was created, which sets out 10 recommendations that establish equality between men and women and guarantee the exclusion of sexism in the field of public relations.

Key words: feminization, gender asymmetry, gender stereotypes, sexism.

Феминизация языка, устранение гендерной асимметрии являются важными направлениями в языковой политике Франции. Следует заметить, что Франция — одна из стран, болезненно реагирующих даже на самые умеренные реформы грамматики или орфографии. Например, в 1990 году исчезновение над некоторыми словами диакритического знака accent circonflexe (voue, paraitre) и сращение некоторых сложных слов (portemonnaie, pingpong) вызвали протесты пуристов. Десять лет спустя феминизация профессий, должностей и званий спровоцировала в обществе беспощадные лингвистические баталии. После того как женщин-министров стали называть «Madame ministre», Французская академия обратилась к президенту Пятой республики с просьбой о вмешательстве в процесс, наносящий ущерб французскому языку.

Во Франции не принято вольно обращаться с национальным языком. У него есть надежный защитник — Французская академия, с 1635 года охраняющая bon usage, правильное словоупотребление. Во французском обществе много противников феминизации языка, выражающих протест реформе и выдвигающих свои контраргументы: 1) Язык отражает общество. Если женский пол не присутствует в языке, значит, в обществе он играет второстепенную роль. Именно поэтому на протяжении многих веков приоритет отдавался мужскому роду. 2) В функции нейтрализации французский язык использует немаркированную форму мужского рода. Средний род во французском языке отсутствует. 3) Формы женского рода загромождают и утяжеляют текст. 4) С эстетической точки зрения, «écrivaine», «romprière» и многие другие наименования в женском роде звучат неблагозвучно. 5) Сами женщины предпочитают называть свою профессию в мужском роде, что является вопросом престижа. 6) Возникновение множества омонимичных форм в результате феминизации: например, «préfète» обозначает и жену префекта, и женщину-префекта.

Однако сегодня представители феминистского движения заявляют, что мир изменился, и мужской род не может больше доминировать над женским. В последние десятилетия в составе и семантической структуре подязыков политики, экономики и юриспруденции произошли значительные изменения вследствие активного участия женщин в политической, экономической и юридической сферах деятельности. Политические и государственные органы получили возможность влиять на достаточно консервативную языковую систему через законодательные акты и инициативы. На государственном уровне разрабатываются справочники и формуляры, регулирующие формы обращения с учетом половой дифференциации.

Связи с общественностью органов государственной власти имеют разнообразные формы (официальные тексты, речи, сайты, объявления и т.д.), в которых гендерные стереотипы постоянно воспроизводятся, зачастую бессознательно. Их наличие проявляется в трех основных аспектах. Во-первых, диспропорция между количеством представленных женщин и мужчин. Во-вторых, традиционно устойчивое распределе-

ние ролей в обществе между мужчинами и женщинами, ограничивающее их деятельность. В-третьих, иерархизация статусов и должностей не в пользу женщин.

Все эти факторы укрепляет гендерные стереотипы и неравенство между женщинами и мужчинами. Чтобы ниспровергнуть данную тенденцию, французское государство, органы местного самоуправления применяют различные меры. Именно для этого был создан «Практический справочник по связям с общественностью без стереотипов пола» (“Guide pratique pour une communication publique sans stéréotype de sexe”), в котором прописаны 10 рекомендаций для общения без гендерных стереотипов, устанавливающих равенство между мужчинами и женщинами [6]. Справочник опирается на законодательные акты Европейского союза и Пятой республики. Авторы считают, что применение данных рекомендаций гарантирует исключение сексизма в сфере связей с общественностью:

1. Исключить из административных документов, формуляров и официальной переписки все сексистские выражения, такие как *chef de famille* (глава семьи), *mademoiselle* (девушка, незамужняя женщина), *nom de jeune fille* (девичья фамилия), *nom patronymique* (фамилия), *nom d'épouse et d'époux* (фамилия супруги и супруга) и т. д., поскольку они уже устранены французским законодательством [5].

2. Согласовывать наименования профессий, должностей, титулов и званий с полом людей, которые их занимают. Для этого авторы справочника рекомендуют обращаться к лингвистическому справочнику “*Femme, j'écris ton nom... Guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions*”, в котором содержится более 2000 наименований [3].

Авторы рекомендуют избегать словосочетания *Madame le chef de bureau*, *Madame le préfet*, *Madame le directeur*, *Madame le sénateur*, *Madame le maire* и т. д., отдавая предпочтение словосочетаниям *Madame la cheffe de bureau*, *Madame la préfète*, *Madame la directrice*, *Madame la sénatrice*, *Madame la maire*.

Сторонники реформы напоминают, что мужской род не всегда доминировал над женским родом. Употребление женского рода долгое время было нормой для лексики и грамматики французского языка. До XVII века все наименования

профессий, должностей и званий, занимаемых женщинами, имели форму женского рода (например, *cuisinière*, *marchande*, *abbesse*, *administresse*, *enchanteresse*, *doctoresse*, *charpentière*). Но реформы грамматистов и лексикографов XVII века обязали признать доминирование мужского рода, что явилось результатом долгого периода размышлений, начавшегося в эпоху Ренессанса, о роли мужчин и женщин в обществе, особенно на политическом поприще. Речь шла о том, могут ли женщины управлять, не подчиняться мужу, занимать те же должности, что и мужчины.

В 1647 году, спустя 12 лет после создания Французской академии, один из ее членов-учредителей, автор академического словаря Клод Фавр де Вожла выдвигает положение о главенствующей роли мужского рода, мотивируя его следующим образом: “*Le masculin est plus noble que le féminin*», («Мужской род благороднее, чем женский») [7, с. 78].

Спустя век профессор Никола Бозе подтверждает: “*Le genre masculin est réputé plus noble que le féminin à cause de la supériorité du mâle sur la femelle*» («Мужской род считается более благородным, чем женский по причине превосходства самца над самкой») [2, с. 4].

Во времена Великой французской революции женщины требуют устранения превосходства мужского рода одновременно с борьбой за право голоса.

В 1882 г. государство решило спорный вопрос в пользу мужского рода. Исчезают формы женского рода некоторых профессий, например, *la médecine* ou *la médecineuse*. Однако социально менее значимые профессии не лишились женского рода (например, *le pâtissier* — *la pâtissière*). Эта гендерная иерархизация в языке стала настолько обычной, что ее перестали замечать.

В марте 2015 года появилась коллективная инициатива “*L'égalité, c'est pas sorcier!*”, в которой было выражено требование к Министерству образования опубликовать циркуляр, признающий правильным употребление правила близости, в соответствии с которым согласование прилагательного происходит с ближайшим к нему словом, например, “*les hommes et les femmes sont belles*» или “*les femmes et les hommes sont beaux*». В петиции говорится, что правило превосходства муж-

ского рода над женским, усвоенное со школьной скамьи, формирует систему представлений, в которой мужской род рассматривается как вышестоящий по отношению к женскому роду [8].

В 1675 г. Доминик Буур, один из грамматистов, работавших над этим правилом, объяснял это следующим образом: «Lorsque deux genres se rencontrent, il faut que le plus noble l'emporte» («Когда встречаются два рода, необходимо, чтобы верх взял более благородный») [4, с. 4]. Однако до XVIII века французский язык отличался большой свободой. Прилагательное, которое относилось к нескольким существительным, могло согласовываться с самым близким к нему. Это правило близости восходит к Античности: в латинском и древнегреческом языках оно широко употреблялось. Видный лингвист Жозетт Рей-Дебов, автор словаря *Le Robert*, говорила на этот счет: «Мне очень нравится старинное правило, в соответствии с которым прилагательное необходимо ставить в женском роде, если оно следует за существительным женского рода, даже если впереди стоят множество существительных мужского рода. Мне это кажется более элегантным, поскольку не возникает проблемы благозвучия» [9]. Авторы петиции призывают спустя 335 лет после сексистской реформы языка произвести коренной переворот, введя в применение правило близости, и обращаются к Французской академии с требованием о признании данного правила, которое деиерархизирует мужской и женский род и дает языку большую созидательную свободу [8]. Высший совет по вопросам равенства женщин и мужчин поддерживает реабилитацию применения правила близости.

3. Употреблять женский род и мужской род в официальных сообщениях, чтобы женщины, как и мужчины, были в них включены и могли самоидентифицироваться. Для этого в устной и письменной речи использовать существительные и прилагательные в женском и мужском роде в алфавитном порядке по мере возможности. Например, *l'égalité femmes-hommes, les lycéennes et les lycéens, les sénateurs et les sénatrices, les acteurs et les actrices, les Français et les Françaises*. В письменной речи необходимо использовать пунктуационный знак «точка» следующим образом: *racine du mot + suffixe masculin + point + suffixe féminin* (корень слова + суффикс мужского рода

+ точка + суффикс женского рода). Например, *l'enseignant.e, les enseignant.e.s; la.le sénateur.rice, les sénateur.rice.s; un.e conseiller.ère municipal.e, des conseiller.ère.s municipaux.ales; la.le chercheur.e, les chercheur.e.s*

Возможно также использование существительных обоюдного рода: например, *un.e élève, un.e membre, un.e fonctionnaire, etc.*; а также существительных, обозначающих и женщин, и мужчин: например, *une personne, un être humain, le corps professoral, le peuple, le public, etc.*

Авторы справочника рекомендуют отдавать предпочтение выражению «user du féminin» («использовать женский род») вместо «féminiser» («феминизировать») язык или речь, поскольку грамматический женский род уже существует. Использование глагола «феминизировать» несправедливо подразумевает трансформацию языка.

4. Использовать алфавитный порядок при перечислении эквивалентных слов в мужском и женском роде ради разнообразия, чтобы не ставить мужской род по привычке на первое место или на второе место из вежливости. Например, *égalité femmes-hommes, les lycéennes et les lycéens, les sénateurs et les sénatrices*.

5. Выражать полную идентичность женщин и мужчин, называя их имя и фамилию, а также профессию, когда это целесообразно.

Женщин чаще, чем мужчин, представляют лишь по имени, как супругу кого-либо или мать детей, тогда как мужчин представляют, называя имя и фамилию, профессию, должность, что отражает факт дискриминации. Кроме того, обращение к женщине лишь по имени отсылает к частной, интимной сфере, что дискредитирует ее.

Если женщины занимаются традиционно мужскими профессиями, следует избегать подчеркивания их женственности, описывая стиль одежды, умение готовить, быть заботливой матерью, хорошей хозяйкой и т. д. *L'IDE*

6. Не задавать женщинам вопросы о личной и семейной жизни. Принято спрашивать у женщин, занимающих ответственные должности, как им удастся совмещать карьеру и семейную жизнь. В случае, если этот вопрос уместен, его следует задавать и мужчинам.

7. Говорить «о женщинах», а не «о женщине», «о международном дне прав женщин», а не «о дне женщины», «о человеческих правах», а не о «правах человека» (слово “homme”, во французском языке обозначает и человека вообще, и мужчину).

Необходимо диссоциировать понятие «женщина» и стоящий за ним стереотипный образ и понятие «женщины», объединяющее реальных людей, представителей гетерогенной группы. «Женщина» — это ментальное понятие, порожденное обществом. Оно заставляет думать о том, что все женщины обладают качествами, характерными для их пола (нежность, преданность, обаяние, материнство...). Однако в действительности женщины различаются характерами, вкусами, цветом кожи, профессиональной деятельностью и все это выходит за пределы представлений, предписанных им обществом.

Авторы настаивают, что 8 Марта — это не День женщины (“La Journée de la Femme”), а Международный день прав женщин (“La Journée Internationale des droits des femmes”) или же День женщин (“La Journée des femmes”), который является хорошим поводом напомнить о важности борьбы за права женщин, за их социальное и политическое признание. В этот день не следует устраивать конкурс красоты, дарить цветы и т. д.

Словосочетанию “droits de l’homme» (права человека/мужчины) следует предпочесть “droits humain» (человеческие права). Не следует забывать, что употребление слова “homme» в Декларации прав человека и гражданина (Déclaration des Droits de l’Homme et du Citoyen) долгое время служило для юридического лишения женщин права голоса.

Редакторы Всеобщей декларации прав человека предлагали использовать словосочетание “Man Rights”, но благодаря усилиям Элеоноры Рузвельт оно было заменено на “Human Rights”, чтобы включить права женщин. Однако на французский язык оно было переведено как “Droits de l’homme”, хотя, например, в Квебеке использовали словосочетание “Droits de la personne humaine» («Права человеческой личности»).

Во французском обществе возникли законодательные инициативы, призывающие к замене выражения “droits de l’homme» на “droits humains». Рабочая группа Droits humains, объединяющая более 40 ассоциаций и профсоюзов граждан-

ского общества, выдвинула данное требование в рамках кампании “Droits humains pour tou.te.s» [8].

Ассоциация Zéro Macho под эгидой Высшего совета по равенству между женщинами и мужчинами (Haut Conseil à l’égalité entre les femmes et les hommes) адаптировала «Декларацию прав человека и гражданина» 1798 года для обоих полов, дав ей символическое название “Déclaration des droits humains des citoyennes et des citoyens” («Декларация человеческих прав гражданок и граждан»).

8. Диверсифицировать презентацию женщин и мужчин, чтобы не заключать их в рамки гендерных стереотипов. Следует признать и не скрывать изображения, соответствующие социальной реальности: существуют женщины-руководители предприятий, инженеры, космонавты и мужчины-сиделки и няни. Во избежание гендерных стереотипов не следует использовать нежные и розовые цвета для женщин, темные и голубые для мужчин.

Не демонстрировать женщин в ситуациях подчинения мужчине, а мужчин — в ситуациях доминирования. Не изображать мужчин всегда на переднем плане, а женщин — на заднем или в стороне. Не показывать систематически мужчин в профессиональной среде, вне дома, а женщин — в домашнем окружении. Что касается взаимодействия полов, отдавать предпочтение сотрудничеству, а не отношениям силы.

9. Стараться сбалансировать количество женщин и мужчин:

- На снимках и видеозаписях, чтобы женщины, как и мужчины, чувствовали себя включенными, не были чужеродными.
- В темах коммуникации. Реальное, а не стереотипное представление лиц осуществляется через попытки диверсификации тем, на которые пишут, воспроизводя опыт и женщин, и мужчин.
- В публичных выступлениях, а также в распределении времени выступления. Для поиска женщин-экспертов в какой-либо области авторы предлагают сайт expertes.eu, запущенный группой Egalis, Radio France et France télévisions. Он объединяет более 1500 экспертов в 300 областях, которых можно найти по 2700 ключевым словам [11].

- В названиях улиц, зданий, культурно-бытовых учреждений. Во Франции лишь 6% улиц, носящих имена известных личностей, названы в честь женщин. Чтобы исправить ситуацию, можно воспользоваться многочисленными трудами: Le Dictionnaire universel des créatrices, de Béatrice Didier, Antoinette Fouque, Mireille Calle-Gruber, Editions des Femmes, Novembre 2013; L'Histoire des femmes en Occident, de Michelle Perrot, Georges Duby, Collection Tempus, Editions Perrin, Février 2002; Les Femmes dans la société française au 20e siècle, Christine Bard, Editions Armand Colin, 2004. В городе Рамонвиль-Сент-Ань муниципалитет присвоил улицам нового квартала имена женщин, увеличив в коммуне количество годонимов, имеющих женские имена, с 15% до 25%. В Париже начиная с 2014 года 61% улиц, получивших названия, имеют имена известных женщин. Не следует, однако, попадать в ловушку гендерных стереотипов, называя женскими именами танцевальные залы, мужскими — футбольные стадионы.

10. Готовить профессионалов в государственных службах всех уровней и популяризировать «Практический справочник по связям с общественностью без стереотипов пола».

Равенство между женщинами и мужчинами является одним из фундаментальных принципов, записанных в Конституции Пятой республики, который расценивается как большое достижение общественного прогресса. «Невидимость» женщин в языке, ограничение социальных ролей женщин и мужчин усиливают гендерные стереотипы и неравенство полов. Однако, борьба с ними требует большого такта и взвешенного подхода. Развиваясь по своим внутренним законам, язык зачастую проявляет консервативное отношение к реформам. Только реальные трансформации в обществе могут привести к изменениям в языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Миронова М. В. Языковая политика Франции: гендерный аспект. // Язык как фактор культурной дипломатии. Сборник материалов конференции. ДА МИД РФ. — М.: — 2017. С. 137–141.
2. Beauzée, Nicolas Grammaire générale, Paris, Auguste Delalain, 1819 (1767), p. 627. Электронный ресурс. URL: <http://gallica.bnf.fr/>

3. Becquer A., Cerquiglini B., Cholewka N., Coutier M., Frécher J., Mathieu M.-J. Femme, j'écris ton nom...: guide d'aide à la féminisation des noms de métiers, titres, grades et fonctions. Paris, La Documentation française, 1999. 124 p.

4. Bouhours, Dominique Remarques nouvelles sur la langue française, 1675, p. 4. Электронный ресурс. URL: <https://books.google.ru/>

5. Circulaire n°5575/SG du 21 février 2012 à la loi n° 70–459 du 4 juin 1970 relative à l'autorité parentale et à la loi du 4 août 2014 pour l'égalité réelle entre les femmes et les hommes. Электронный ресурс. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/>

6. Guide pratique pour une communication publique sans stéréotype de sexe — Haut Conseil à l'égalité entre les femmes et les hommes, novembre 2015. Электронный ресурс. URL: <https://www.haut-conseil-egalite.gouv.fr/stereotypes-et-roles-sociaux/>

7. Vaugelas, Remarques sur la langue française, utiles à ceux qui veulent bien parler et bien écrire, Paris, Didot, 1647, p. 78. Электронный ресурс. URL: <https://fr.wikisource.org/>

8. <https://www.ligue82.org/legalite-cest-pas-sorcier/>

9. <https://www.petitions24.net/regleproximite>

10. <https://www.droit-humain.org/>

11. <https://expertes.fr/>

Персикова Т. Н.

Persikova T. N.

ВЫРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОГО СТАТУСА ПРИ ОБЩЕНИИ С ПОМОЩЬЮ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СРЕДСТВ КОММУНИКАЦИИ

EXPRESSING SOCIAL STATUS WITH NON-VERBAL MEANS
OF COMMUNICATION

Аннотация: Статья посвящена описанию способов выражения социального статуса в таких формах невербального поведения, как кинесика, такесика, проксемика и хронемика. В статье рассматриваются законы невербальной коммуникации, сознательное и неосознанное проявление статуса с помощью жестов, поз, движения пальцев и глаз, мимики, тактильного поведения, расстояния между собеседниками при общении, а также восприятия ими времени и отношения к нему в ходе коммуникативного процесса.

Ключевые слова: статус, невербальное поведение, коммуникативный процесс, кинесика, такесика, проксемика, хронемика, сенсорика, жест, поза, окулистика, тактильное поведение, восприятие времени.

Abstract: The article deals with various means of expressing social status in non-verbal behavior, in particular in kinetics, takesics, proxemics, chronemics. The article covers laws of non-verbal communication, conscious and subconscious intentions to show status with the help of gestures, postures, eye and finger movements, mimics, tactile behavior, distance between interlocutors in the process of communication and their perception of time and attitude to it.

Key words: status, non-verbal behavior, process of communication, kinetics, takesics, proxemics, chronemics, sensorics, gesture, posture, oculistics, tactile behavior, perception of time.

Известный российский исследователь языка социального статуса и способов его выражения В.И. Карасик в своей монографии «Язык социального статуса» пишет: «Социальный статус человека представляет собой семантическую категорию, планом содержания которой является отношение неравенства между участниками общения, а планом выражения — система лингвистических и паралингвистических индексов, включающих способы подчеркивания своего положения и положения партнера, способы подчеркивания различия между своим положением и положением партнера и способы выражения своего отношения к различию между своим положением и положением партнера» [2]. Если при вербальном общении, выбирая лексические средства для выражения своего социального статуса, участник общения делает это намеренно и сознательно, то при невербальной коммуникации статус, как и многое другое, порой выражается ненамеренно или неосознанно.

Невербальное поведение или язык телодвижений подчиняется ряду непреложных правил, которые необходимо учитывать при анализе любых способов их проявления.

1. Язык телодвижений постоянен. Вы можете включить или выключить словесный поток, но невербальная коммуникация сопровождает вербальную всегда, независимо от желания участников коммуникативного процесса. Ваше положение тела, выражение лица, поза, расстояние, которое вы выбираете по отношению к своему собеседнику, каждую секунду о чем-то говорят. Вас «читают» каждый раз, когда вы появляетесь на публике, и избежать невербального общения вам не удастся. Внимательный наблюдатель, анализируя невербальное поведение говорящих, получает обширную информацию: во-первых, о личности коммуникатора — его темпераменте, эмоциональном состоянии, его коммуникатив-

ной компетентности, социальном статусе, самооценке и т. д.; во-вторых, об отношении собеседников друг к другу — степени близости отношений, зависимости или доминирования, расположенности или неприязни и т. д.; и наконец, об отношении участников коммуникации к самой ситуации — насколько они комфортно чувствуют себя в ней, интересно ли им общение или они хотят поскорее выйти из него. Более того, знание невербального языка позволяет не только лучше понимать собеседника, но и заметить, какую реакцию вызывает услышанное еще до того, как собеседник выскажется, т. к. эмоции уже отражаются на лице, поза меняется, глаза «говорят», а мысль только формулируется. Таким образом, вы получаете возможность изменить что-то для достижения желаемого результата, предвидеть реакцию собеседника и даже манипулировать им.

2. Язык телодвижений, как и стиль речи, всегда определяется контекстом. Что приемлемо на вечеринке с друзьями, порой неуместно на деловой встрече или абсолютно неприемлемо на официальном приеме. Контекст — социальные правила, культурный подтекст, ожидания группы — играет огромную роль в выборе языка телодвижений, который может сработать на вас и производимое вами впечатление или обернуться против вас в каждой конкретной ситуации.

3. Невербальный язык не универсален, он отличается от культуры к культуре, следовательно, его необходимо изучать, чтобы избежать промахов и ошибок в межкультурном общении.

4. О значении языка телодвижений никогда нельзя судить по одному-единственному сигналу. Следует воздерживаться от соблазна «диагностировать» людей по одному невербальному знаку и всегда необходимо помнить, что физиологическое предназначение языка телодвижений первично, а социокультурное — вторично. Человек совершает множество движений в силу простых физиологических причин, например, скрестил руки, потому что ему холодно, коснулся носа, чтоб его почесать, мигнул, когда в глаз попала соринка.

5. Невербальный язык, как правило, честнее и искреннее вербального. Поскольку язык телодвижений хуже поддается контролю со стороны мозга, он раскрывает несоответствие между тем, что человек говорит, и тем, что на самом

деле думает. Чтобы правильно воспринять истинное послание собеседника, нужно привести в соответствие его вербальные и невербальные аспекты, и лишь поняв, что язык тела человека «конгруэнтен», т. е. совпадает с произносимыми словами, можно считать, что его истинный смысл понят правильно.

Статус является одним из основных факторов, которые влияют на невербальный язык, с возрастом или повышением социального статуса снижается скорость движений, человек становится скуп на жесты, его невербальное поведение выражается сдержаннее, он активнее оперирует словами. Существуют следующие виды невербальной коммуникации [1], почти в каждом из которых можно проследить несколько способов выражения статуса.

- **кинесика** — зрительно воспринимаемые телодвижения: жесты, мимика, позы, походка, взгляд;
- **такесика** (тактильное поведение) — рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания и другие прикосновения к телу собеседника;
- **проксемика** — использование дистанции и пространства в целом в процессе коммуникации;
- **хронемика** — отношение ко времени и использование времени в общении;
- **сенсорика** — совокупность чувственных восприятий, основывающихся на информации от органов чувств.

Кинесика как самый разнообразный вид невербальной коммуникации представляет собой совокупность жестов, мимики, поз, телодвижений, движений глаз, используемых при коммуникации в качестве дополнительных выразительных средств общения. Кин — мельчайшая единица движения, из которых складывается невербальное поведение, как речь складывается из слов. Элементы кинесики имеют как физиологическое происхождение, например, зевота, потягивание, расслабление и др., так и социокультурное или договорное, общепринятое в данной культурной среде: широко раскрытые глаза как выражение удивления, сжатый кулак как знак угрозы и т. д.

Жесты — это различного рода движения рук и кистей рук, сопровождающих речь человека и выражающих его отношение к собеседнику или обсуждаемому предмету. И хотя значи-

тельная часть жестов культурно обусловлена, они являются символами и носят договорной характер, порой жесты могут быть непроизвольными, неосознанно или ненамеренно выражающими, в частности, то, как участник коммуникации осознает свое социальное положение, свой статус. Так, например, жест «ладони вниз» — доминантный, авторитарный, покровительственный жест. Вы хотите утвердить свой авторитет и продемонстрировать, что ситуация находится под вашим контролем. Этот жест можно использовать, когда вы хотите продемонстрировать собственную компетентность, например, в определенный момент деловых переговоров или во время публичного выступления, когда вам необходимо довести до сознания слушателей собственную точку зрения. Вы заявляете, что владеете темой разговора, если вытянутыми перед собой руками ладонями вниз вы совершаете широкий круговой жест, словно желая «охватить» тему рукой. Еще один жест, намеренно или ненамеренно используя который, вы заявляете о своем статусе, — авторитарный и властный жест «руки домиком». В современном мире этот сигнал часто рассматривается в контексте ситуативного решения проблем. Он популярен среди политиков и корпоративных лидеров, потому что олицетворяет именно те качества, которыми им хотелось бы обладать: превосходство, властность, уверенность, адекватность в принятии решений. Этот жест лучше использовать в группах, а не в ситуации один на один, поскольку с помощью этого жеста вы неизбежно создаете барьер между собой и собеседником. Жест «руки на бедрах» или «руки в боки» как любой способ расширить свою территорию — это попытка продемонстрировать свое влияние окружающим, запугать конкурентов. В такой позе вы выглядите более властным, чем на самом деле. Жест «руки за спиной» — это также статусный жест, ибо он выражает уверенность и превосходство. Когда вы напуганы, то обычно принимаете позу эмбриона, стараясь защитить жизненно важные органы, а когда убираете руки за спину, как бы говорите: нас ничто не пугает, нам никто не угрожает!

Движения пальцев также являются частью кинесики и среди них можно выделить несколько явно статусных проявлений. Прежде всего, это «перст указующий» (выставленный

вперед указательный палец). Этот жест похож на выставленный пистолет и, если он направлен непосредственно на другого человека, может восприниматься как агрессия. Когда вы выставляете вперед два пальца, то воздействие жеста удваивается. Американские политики часто используют такие жесты при проведении своих избирательных кампаний, желая продемонстрировать свою силу, властность и статусность. В последнее время, в связи с возросшим интересом к языку телодвижений и его воздействию на участников коммуникативного процесса, политики становятся осторожнее с выбором жестов и поз, которые могут слишком многое рассказать публике. В попытке выглядеть более убедительным без проявления агрессии был изобретен жест «указание политика»: большой и указательный пальцы встречаются как в символе ОК (при этом другие пальцы согнуты) и рука показывает на других участников коммуникативного процесса.

Поза — положение человеческого тела в процессе коммуникации — также является одним из аспектов кинесики. Общее количество различных положений, которые может принимать человеческое тело, доходит до 1000. Из них, в силу культурной традиции каждого народа, одни позы закрепляются, другие запрещаются. Поза, более всего прочего, наглядно показывает, как человек воспринимает свой статус по отношению к статусу других присутствующих. Люди с более высоким социальным статусом принимают более непринужденные, разнообразные позы, чем их подчиненные. Важно отметить, что поза — одна из наименее подконтрольных сознанию форм невербального поведения, поэтому при наблюдении за позой человека можно получить очень важную информацию о его состоянии: по позе можно понять, напряжен человек или чувствует себя расковано, настроен он на беседу или хочет поскорее уйти.

Прежде всего, следует выделить позы «доминирования» и «зависимости». Доминирование проявляется в том, что вы позволяете себе «нависать» над партнером, похлопать его по плечу, положить руку на плечо, потрепать его по волосам и так далее. Это, конечно же, заявления о своем более высоком статусе по отношению к партнеру по коммуникации. Зависимость — это позы собеседника с явно более низким

социальным статусом: взгляд направлен снизу вверх, голова наклонена вперед, сутулость. Эти позы демонстрируют уязвимость, готовность подчиниться, желание выглядеть послушным. К зависимым позам относится также «пожимание плечами» — знак неуверенности, покорности, а если плечи подняты до максимума, человек как бы говорит: «Я сдаюсь» и демонстрирует, что у него нет собственного мнения по поводу предмета обсуждения. Иногда этот жест используется неосознанно, однако, это очень серьезный невербальный знак. Когда вы извиняетесь, то приподнимаете плечи, разводя руки в стороны и открывая ладони. Это бессознательная попытка показаться меньше и ранимее в надежде на то, что вас великодушно простят. Вы сутулитесь, приподнимая плечи, когда испытываете стресс, страх или неуверенность, тело как бы сжимается и напряжение в организме нарастает. Психологи советуют почаще следить за тем, чтобы расправлять плечи и держать позвоночник выпрямленным — ваша осанка улучшается и вы перестаете неосознанно принимать смиренное положение, когда этого не хотите.

К нейтральным положениям тела, которое говорит о вашей уверенности в себе и отсутствии особого желания продемонстрировать свой статус, относится поза «руки по бокам». Такое положение помогает вам чувствовать себя крепким, как ствол дерева. Ваши ноги стоят устойчиво, руки опущены вдоль тела или немного согнуты в локтях для большего удобства. Эта поза демонстрирует прочность и симметрию, что располагает к доверию. Однако не все могут почувствовать себя удобно в таком положении, людям часто хочется чем-то занять свои руки, почувствовать некую опору. У женщин есть прекрасный выход из положения в виде дамской сумочки. Мужчины порой крутят ручку или без необходимости поправляют ободок очков, что демонстрирует некую степень неуверенности или беспокойства и, следовательно, зависимости.

Помимо группы поз доминирования и зависимости выделяют позы «противостояния» и «гармонии». Типичная поза противостояния, например, это поза американского полицейского: он стоит прямо, в напряженном состоянии, с развернутыми плечами, иногда упершись руками в бока. Это человек, который заявляет о себе, о своей силе, власти и ста-

туса. Поза противостояния часто демонстрируется сжатыми кулаками, выставленным вперед плечом и сопровождается агрессивными жестами. Человек, которому не нужно подчеркивать свой статус и положение, будет расслаблен, спокоен, стоять или сидеть в свободной, непринужденной позе. Такая поза нацелена на создание благоприятной атмосферы общения и порой сознательно синхронизирована с позой партнера. Прием гармонии или синхронизации (в психологии его называют «отражением») используется для установления взаимопонимания с партнером и усиления влияния собственных слов. Он заключается в том, что вы принимаете те же позы, используете те же движения, ту же громкость голоса, темп речи, что и собеседник. Общение при этом становится приятным для обоих равных участников коммуникативного процесса.

Сидя за столом при общении, люди принимают позы, которые также могут отражать их статус или желание заявить о себе как о более важном и значимом собеседнике, в частности с помощью наклонов корпуса тела. При наклоне назад, когда вы откидываетесь в кресле, вы намеренно или ненамеренно посылаете собеседнику сигнал неуважения и пренебрежения. С помощью подобной позы вы демонстрируете собственное превосходство по отношению к партнеру. Это также знак лени, апатии и расслабленности, который приемлем только при общении с близкими друзьями. С другой стороны, наклон вперед символизирует симпатию, искренность и заинтересованность в собеседнике. Если в процессе общения наклон вперед внезапно сменяется наклоном назад, — это явно негативный знак: он демонстрирует неодобрение, несогласие с высказанной позицией, недоверие к партнеру и т. д. И наоборот, когда вы внезапно затрагиваете в разговоре интересующую собеседника тему, он наклоняется вперед в бессознательной попытке добраться до нужной информации. Если с помощью наклона вперед он не вторгается в ваше личное пространство, вы можете почувствовать себя важной персоной. Однако необходимо помнить, что слишком резкий или глубокий наклон вперед может расцениваться как агрессивное движение, как нападение на собеседника, а не просто демонстрация собственного статуса.

Еще одна поза, которая при всей демонстрации собственной значимости и уверенности в себе не рекомендуется при деловом общении независимо от статуса партнеров, — это так называемая поза «цифра четыре», когда одна нога сгибается в колене и лодыжкой укладывается на колено другой ноги. Это поза человека, стремящегося занять слишком большое пространство, а значит заявить о своем более высоком статусе. Однако социокультурное значение данного положения тела интерпретируется по-разному в разных культурах. В российской культурной среде данная поза рассматривается как достаточно агрессивная, демонстрирующая пренебрежительное, соревновательное и даже конфронтационное отношение к собеседнику, особенно если она сочетается с откидыванием назад и при этом руки скрещены на груди или охватывают голову сзади. В американской культуре отношение к «цифре 4» иное: это поза уверенности в себе и расслабленности без какой-либо демонстрации агрессии или пренебрежения по отношению к собеседнику.

Мимика как элемент кинесики представляет собой все изменения выражения лица человека, которые можно наблюдать в процессе общения. Она предоставляет вам огромное поле деятельности для выражения своего статуса или собственного представления о нем. С помощью мимики вы можете преувеличить свои эмоции, сделать их более выразительными и точными в соответствии с характером и содержанием процесса коммуникации. Хмурое выражение лица, сдвинутые брови сделают ваше замечание грозным. Ухмылка или насмешка, с которой вы выслушиваете своего собеседника, демонстрирует ваше самодовольство, самонадеянность, а также снисхождение и пренебрежение к нему. И наоборот, человек, находящийся в зависимой позиции, которому его более низкий статус не позволяет открыто выражать свои истинные чувства и эмоции, будет вынужден скрывать их с помощью мимики, «держат лицо», чтобы не обидеть или не оскорбить собеседника.

Окулистика — использование движения глаз или контакт глазами в процессе коммуникации — также относится к кинесике. Визуальный контакт при коммуникации является знаком внимания, выражением желания поддержать общение,

а его отсутствие часто свидетельствует о потере интереса к собеседнику. Специалисты [6] выделяют, по меньшей мере, два способа выразить свой статус при общении с помощью глаз. Прямой долгий и пристальный взгляд на партнера по коммуникации, который часто называют «взглядом охотника», воспринимается как угроза, стремление доминировать. С другой стороны, умышленный отказ от зрительного контакта, «пустой» взгляд, устремленный в какую-то точку, может стать средством манипулирования зависимым партнером, которому таким образом показывают, что общение с ним в тягость. Следует также отметить взгляд поверх очков, который может означать, что к человеку относятся критически, с чувством собственного превосходства и пытаются каким-то образом его оценить. Подмигивание недопустимо по отношению к тому, кто находится выше по статусу. Это знак особой связи, который приемлемо использовать лишь между близкими людьми.

Такесика (наука о тактильном поведении) изучает роль и значение прикосновений при общении: рукопожатия, поцелуи, поглаживания, похлопывания, объятия, т.е. любые прикасания к коже другого человека. Поскольку прикосновение к коже считается вторжением в чужое интимное пространство, существуют четкие правила о том, кому дозволено проникать в него. Это определяется статусом партнеров, возрастом, полом, типом личности, степенью близости и национальной принадлежностью. Прежде всего, тот, кто дотрагивается до других, должен иметь более значимый статус, чем тот, к кому прикасаются. Ваш босс может позволить себе одобрительно похлопать вас по спине, но вы не можете ответить ему тем же.

Специалисты выделяют до 13 способов проявления тактильного поведения [7], таких как похлопывание, объятие за плечи, за талию, полное объятие, движение под руку или за руки, ласки, поцелуи и т.д., подавляющее большинство которых предназначено для общения с близкими людьми. И, пожалуй, единственный вид такесики, получивший распространение во всем мире и ставший непременным атрибутом любой встречи, — это рукопожатие. Рукопожатие может быть очень информативным, особенно его интенсивность и продолжительность. Слишком короткое, вялое рукопожатие может свидетельствовать, с одной стороны, о безразличии,

нежелании общаться, а с другой стороны, о готовности подчиниться и признать моральную и физическую силу партнера. И наоборот, весьма продолжительное и интенсивное рукопожатие говорит о вашем намерении заявить о себе и желании наладить отношения. Мужчины любят демонстрировать сильное и активное рукопожатие, что, якобы, свидетельствует о силе характера.

Исторически сложилось несколько видов рукопожатий, каждое из которых имеет свое символическое значение и отражает представления партнеров как о собственном статусе, так и о статусе собеседника:

- Ладонь, повернутая *под* ладонью партнера, означает готовность подчиниться, — это бессознательный сигнал тому, чье доминирование признается;
- Ладонь, повернутая *вниз на* ладони партнера, выражает стремление к доминированию, попытку взять ситуацию под свой контроль;
- Ладонь *ребром* фиксирует положение равенства собеседников;
- Рукопожатие «*перчатка*», когда ваши обе ладони обхватывают одну ладонь собеседника, подчеркивает стремление к искренности, дружелюбие, желание установить или подчеркнуть особо теплые отношения с собеседником.

В дипломатическом протоколе существуют жестко закреплённые правила тактильного поведения [3], среди которых есть такие: «Не протягивай первым руку даме, а также лицу, которое старше тебя по возрасту или рангу, пока они не предлагают этого сами» или «не дотрагивайся до собеседника с целью привлечь его внимание».

Проксемика — использование пространственных отношений и расположение людей при коммуникации. Этот термин (от английского слова proximity «близость») был введен американским антропологом Эдвардом Холлом [6], исследования которого показали, что каждый человек нуждается в определенном объеме пространства вокруг себя, которое он считает собственным и нарушение которого рассматривает как вторжение в свой внутренний мир. Мы подсознательно устанавливаем границы своего личного пространства, кото-

рые зависят от культурной принадлежности собеседников, от контекста коммуникации, от взаимоотношений между людьми, их пола, возраста и индивидуальных особенностей. И, естественно, при определении комфортной личной зоны для общения очень важно помнить о такой социальной категории, как статус. Люди с высоким положением в обществе могут позволить себе больше пространства в любой обстановке. Когда ваш статус возрастает, повышается размер и неприкосновенность личных территориальных границ: крохотная офисная кабинка превращается в просторный кабинет руководителя, небольшая квартира вырастает до размера частного дома, увеличивается салон машины, расстояние между креслами в бизнес классе самолета и размер самих кресел тоже заметно больше.

Свой статус можно подчеркнуть и при размещении собеседников за столом переговоров, что также является элементом проксемического поведения и несет определенный невербальный посыл. *Позиция непринужденного общения* (угловое расположение) обычно используется людьми, которые находятся в равных дружеских отношениях и ведут непринужденную беседу. *Позиция сотрудничества* (рядом друг с другом по одну стороны стола) также не предназначена для выделения собственного статуса, она используется, когда собеседники совместно работают над одним проектом, стремятся к взаимопониманию и эффективному взаимодействию. *Соревновательно-оборонительная позиция* (через стол друг напротив друга) — это позиция конфронтации и конкуренции. Стол между собеседниками, каждый из которых готов отстаивать свою точку зрения, становится своеобразным барьером. Каждый участник коммуникативного процесса осознает свою половину стола как собственную территорию и возражает против вторжения в нее собеседника. Занимая *позицию во главе стола*, вы заявляете о своем праве на руководство, о своем статусе, значимости и превосходстве.

К факторам, которые повышают статус человека, относятся размер стула и его спинки, высота, на которой находится стул от пола, и месторасположение стула в кабинете. Чем выше спинка стула, тем большей властью обладает человек и тем выше его статус (здесь уместно вспомнить высоту тро-

нов). Многие начальники сидят в кожаных креслах с высокими спинками, в то время как посетителю они предлагают обычные стулья с низкими спинками, подчеркивая тем самым разницу в статусе.

Хронемика — занимается исследованием отношения ко времени и использованием времени в невербальном коммуникативном процессе. Для общения время является не менее важным фактором, чем слова, жесты, позы и дистанции. Хронемика изучает такие понятия как пунктуальность (никто не любит ждать человека, опаздывающего на назначенную встречу), чувство времени в разговоре (когда один из собеседников «тянет одеяло на себя», не оставляя времени на высказывание другого), соблюдение очередности высказываний, а также допустимость прерывания собеседника. Сознательное или неосознанное нарушение любого из вышеперечисленных пунктов демонстрирует ваше стремление заявить о своем более высоком статусе по отношению к партнеру по коммуникации, проявляя тем самым высокомерие и пренебрежение к нему.

Сенсорика — это тип невербальной коммуникации, основывающийся на чувственном восприятии собеседника: мы строим свое общение с партнером во многом в зависимости от того, как мы чувствуем его запах, воспринимаем цветовые сочетания его одежды, ощущаем тепло тела собеседника и т.д. И это, пожалуй, единственный вид невербального языка, в котором сложно каким-то образом проявить социальный статус и тем самым оказать влияние на сенсорное восприятие собеседника.

Помимо невербального аспекта коммуникации статус может быть выражен с помощью паравербальных или экстралингвистических средств общения, однако эта тема настолько обширна и интересна, что требует написания отдельной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Грушевицкая Т. Г., Попков В. Д., Садохин А. П. Основы межкультурной коммуникации. М. 2002.
2. Карасик В. И. Язык социального статуса. М. Институт языкознания РАН, Волгоградский государственный педагогический институт. 1992

3. Молочков Ф. Ф. Дипломатический протокол и дипломатическая практика. М. 1979 г
4. Пиз А. Язык телодвижений: как читать мысли других людей по их жестам. Нижний Новгород, Изд-во "Ай-Кью". 1992
5. Рейман Тоня. Власть мимики и жестов. Изд-во АСТ. 2010.
6. Hall E. The silent language. New York, London. 1990.
7. Morris D. Man watching: a field-guide to human behavior. Jonathan Cape. London. 1977.
8. Morrison T. Kiss, Bow, or Shake Hands: How to Do Business in Sixty Countries. Holbrook. Mass.: B. Adams. 1994

Н. В. Предтеченская
N. V. Predtechenskaya

ГОЛОС КАК КОМПОНЕНТ НЕВЕРБАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

VOICE AS A COMPONENT OF
NONVERBAL BEHAVIOUR

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению голоса, как одного из главных средств невербального общения, особенно при передаче различных эмоциональных состояний. Автор специально останавливается на вопросе о том, какую важную роль может играть темп, длительность, громкость и высота голосового тона в процессе общения мужчин и женщин с точки зрения их гендерных различий.

Ключевые слова: невербальные средства общения, паралингвистика, паралингвистические сигналы, половые признаки, социализация, заключающий вопрос.

Abstract: The article is devoted to the human voice and certain factors such as its tempo, loudness and pitch, which are powerful tools for communicating messages and emotions. The author stresses the importance of an ability to command one's voice that should begin in infancy. Some gender traits (both masculine and feminine) as well as personal ones, expressed through voice, are also considered in the article.

Key words: nonverbal means of communication, paralinguistics, paralinguistic signals, gender traits, socialization, final question (variant of tag question).

Известно, что голос человека один из самых надёжных характерных признаков, ибо зачастую важнее бывает **как мы говорим**, а не что мы говорим. Казалось бы, легкое манипу-

лирование таким **невербальным** элементом нашего общения как голос, может полностью изменить его смысл, например, в словарно одной и той же фразе один только перенос логического ударения с одного слова на другое легко передает и даже меняет самые разнообразные смысловые оттенки, конечно, прежде всего, эмоциональные.

Голос — бесспорно одно из самых ярких проявлений в речи **паралингвистики**²⁰.

Кроме собственно произношения слов важна **скорость**, с которой мы их произносим, уровень **громкости** (тихо или громко), **длительность** того или иного конкретного звука, сравните «да» и «да-а-а-а», **высота** (низкий или высокий голос), различные **модуляции голоса**, (именуемых в интонации фразы различными тонами), **качество** (тембр) голоса (женский, глухой, резкий или с придыханием, как было, например, у Мэрилин Монро, певшей «С Днем рождения, господин Президент» Джону Кеннеди).

Именно чаще всего через голос передается тот или иной вид эмоций (счастье, восторг, печаль, гнев, удивление и т. д.) и неслучайно именно эмоциональная функция интонации изучалась и изучается особенно тщательно.

Паралингвистические сигналы могут очень многое сообщить об уровне стресса человека, его возрасте, весе, половой принадлежности, культуре, социальном статусе. Наши голоса настолько уникальны, что спектрограммы голоса используются при установлении личности точно так же, как ДНК используется в судебных целях.

По одному только голосу слушающие способны точно распознать, как говорят исследования, кто говорит — **мужчина или женщина** (правильно определяя пол в 96% случаев), статус и общественное положение говорящего, степень его образованности, возраст и настроение. В Великобритании низший класс и по сей день сохраняет свой акцент кокни. Если вспом-

²⁰ Хотя в след Дж.Трейгером, который и утвердил термин «паралингвистика» (G.Trager. Paralinguistics: A First approximation. "Studies in Linguistics", 1958, №13) многие западные лингвисты относят к ней только звуковые средства, сопровождающие словесный язык или просто интонацию, мы придерживаемся точки зрения большинства ученых, считающих, что все неязыковые средства общения, сопровождающие вербальное общение, следует именовать паралингвистикой.

нить знаменитый фильм «Моя прекрасная леди», то сразу приходит на память тяжкий труд Генри Хиггинса, который воспитывая и обучая Элизу Дулиттл, показывал ей и нам, какое значение имеет голос и его модуляции при определении принадлежности к какому-либо слою общества.

Попробуем проанализировать как проявляются в голосе полювые признаки.

На первом году жизни речь мальчиков и девочек кажется почти одинаковой, при этом, как правило, девочки учатся говорить быстрее мальчиков, и их речевая выразительность становится полнее уже в самом раннем возрасте. Они раньше пользуются законченными фразами и говорят свободнее мальчиков.

Конечно, социализация также может сыграть в этом свою роль. Например, в ходе одного исследования, в котором участвовали трехмесячные младенцы и их матери, а последние больше разговаривали со своими дочерьми, именно девочки издавали больше звуков, отвечая своим матерям. Они словно больше практиковались в «разговоре-беседе», чем их ровесники мужского пола.

С возрастом в центре игр мальчиков все больше приобретает значение не разговор, а действие, и поэтому их игрушки (самолеты, трансформеры, автомобили и т. д.) связаны с мужественными профессиями.

Возможно, именно поэтому мальчики дошкольного возраста в значительно большем объеме, чем девочки, используют в своей речи звуковые эффекты, имитирующие рев двигателей и/или шум транспортных средств: «вж, вж, вж; тр, тр, тр».

Уже в два года дети замечают несоответствие между голосом и другими сигналами, что приводит к тому, что они улавливают такие эмоциональные оттенки голоса как одобрение, сарказм, критику и пр.

Приятный переходный процесс у мальчиков в возрасте от 12 до 16 лет «связан с изменением высоты голоса — ломающийся голос», и это вызывает у них стеснение и неловкость. Голос мальчика начинает все больше отличаться от девчачьего. Разумеется, голосовые характеристики обоих полов претерпевают изменения, но именно мальчики, а не девочки, приобретают более низкие голоса.

Девочки, как будущие женщины, все чаще начинают общаться, а следовательно говорить, для того, чтобы установить контакты, связи, часто заполняя пустоту и становятся многословными. Мальчиков же интересуют факты, цель, а не процесс и отчасти, поэтому, их речь короче.

Надежность человека часто ассоциируется у нас с решительной манерой говорить кратко.

Время слишком дорого в сегодняшнем деловом мире. Даже деловые письма и e-mail сообщения у бизнесменов должны быть короткими.

Многие женщины, однако, не выносят пауз в разговорах, часто стремясь привлечь внимание, говорят много, монотонно и интонационно не интересно. Вряд ли вы услышите определение «нежный говор», относящееся к мужчине. Ведь именно девочек-девушек в ходе специализации и обучения учат говорить тише, мягче, стремясь сохранить девичью голосовую нежность как можно дольше, забывая, что тихий женский голос, к сожалению, как правило, не очень хорошо слышен. Многие женщины не могут владеть аудиторией и говорить громко, четко и убедительно. Они, помня об уроках детства, стараются «звучать» по-женски, употребляют голосок «маленькой девочки».

Хотя в процессе социализации женщин приучают говорить тихо, громкие крики с общественной точки зрения считаются в определенных ситуациях допустимыми.

Использование женщиной такого лингвистического явления, которое называется заключительным вопросом, может неожиданно привести к неприятным для нее последствиям. Заключающий вопрос с виду напоминает повествовательное предложение, однако оно акцентируется вопросом, например: «*Анна, этот отчет мне нужен сегодня к обеду, договорились?*» или «*Сергей, планируем встречу на пятницу, хорошо?*». Повышающаяся интонация, сопутствующая вопросу в конце этих предложений, сводит первоначальное повествование, просьбу или требование «на нет». Исследования показывают, что, если ваш голос заканчивает каждое предложение так, словно это вопрос, вас, как правило, или никто не слушает или не принимает всерьез.

Сказанное вовсе не означает, что, если женщина хочет вовлечь слушающих в процесс принятия решения или стремится

к их согласию, то она может спокойно прибегнуть к повышающейся интонации в конце повествования, т. е. использовать восходящий тон (rising tone) в повествовательном по форме предложении.

Примечательно, что, по мнению Пегги Нунан, бывшей составительницы речей президента США Р. Рейгана, женщины могут многому научиться, изучая мужчин и наблюдая за тем, как они шествуют по миру, доминируя над женщинами и будучи весьма при этом сдержанными и внешне спокойными. Весьма часто они очень молчаливы, хотя большинство политиков – прекрасные ораторы.

Конечно же, молчание предполагает самообладание. Оно, как и все невербальные средства общения (жесты, позы, мимика, телодвижения и пр.) в надлежащей ситуации бывает в высшей степени действенным. Низкие голоса, громкость, как наиболее мужские атрибуты, ассоциируются с уверенностью в себе, отсутствием нервозности и/или тревожности, которые столь типичны для большинства говорящих женщин.

При этом, если в этом есть необходимость, мужчины могут и умеют говорить выразительно, пользуясь вариациями голоса немного по-женски, особенно, если хотят в чем-то убедить последних. Известно, что беседы с населением по радио, которые во время второй мировой войны регулярно проводил тогдашний президент США Франклин Д. Рузвельт, были, по сути, импровизированными выступлениями, направленными на то, чтобы унять страхи нации и успокоить ее.

И именно голос удачно помогал ему в достижении его цели. Говорил президент быстро, высоким вибрирующим голосом, а к тому же часто запинался. Своим голосом Ф. Рузвельт пользовался для передачи энергичного, уверенного вождя, который озабочен происходящим, но полностью владеет своими эмоциями. В данном случае быстрый темп речи служил средством демонстрации решительности и уверенности в правоте своих действий.

Не менее искусно пользовался паралингвистическими средствами, и, прежде всего, богатыми возможностями своего голоса и президент Билл Клинтон. По мнению многих специалистов по общению и имиджмейкеров, Б. Клинтон (равно

как позднее и его супруга, Хилари Клинтон) тонко понимал силу речевого воздействия и не боялся пользоваться разнообразными возможностями голоса. Думается, во многом ему помогал его музыкальный слух, так как он прекрасно играл на саксофоне. Он говорил с жаром, выражал эмоции, ярко интонировал свою речь, используя вариации в ритме и тональном ее оформлении.

Британский премьер-министр Маргарет Тэтчер, понимая, что мужчины негативно реагируют на характерные особенности женских голосов (высокий тон, медленный или наоборот слишком быстрый темп речи и т. д.), потратила много часов на занятия с преподавателями по постановке голоса, выполняя разные упражнения, нацеленные на то, чтобы понизить неприятно высокий тон своего голоса во время публичных выступлений. Не секрет, что некоторые женщины пользуются голосами, как маленькие девочки, делают много пауз, обладают высоким «женским» тембром и голоса, что отнюдь не прибавляет им уважения на работе.

На протяжении многих лет женщин не допускали к профессиональной деятельности в области вещания. Даже сегодня на национальных программах новостей мало женщин-ведущих, а за кадром в рекламных передачах, посвященных даже хозяйственным товарам, которые покупают в основном женщины, доминирует присутствие мужских голосов.

Поскольку женщины более экспрессивны, мужчины часто перестают ценить их как специалистов и предпочитают голоса, звучащие более монотонно. В обычной жизни у женщин высока потребность в одобрении и им нужно знать, что думает их собеседник. Поэтому настоящего общения часто не происходит потому, что женщина большей частью сталкивается с мужчиной сильного молчаливого типа. В громком голосе мужчины женщинам часто видится скрытый смысл, они пугаются и замолкают в ответ. Однако, столкнувшись с человеком, который громко кричит, женщинам очень важно не отвечать тем же.

Будучи более экспрессивными, многие женщины, не умея сдерживать свои эмоции, дают волю проявлению своих чувств посредством слез, которые, конечно, снимают напряжение. Мужчины же, чтобы дать выход своим эмоциям,

вместо слез могут призвать на помощь чувство юмора или даже враждебность. «Большие мальчики» не плачут, но, к сожалению, они еще и ненавидят, когда это делают женщины. Они часто воспринимают плач как эмоциональный шантаж и считают плачущую женщину слабой и потерявшей самообладание. В любом случае, женские слезы усиливают дискомфорт друга или сослуживца и могут подорвать её репутацию. Очевидно, не все женщины понимают, что работа — это не место проявления нарушения душевного равновесия и что свою обеспокоенность и эмоции следует держать подальше от рабочего места.

Сталкиваясь с плачущей женщиной, мужчина часто ошибочно решает, что ей грустно, хотя в большинстве случаев за этими слезами скрывается гнев, отнюдь не женская эмоция, которую в нашем обществе дозволено проявлять на людях преимущественно мужчинам, а «благовоспитанные девицы» должны не гневаться, а плакать. К сожалению, даже сегодня это почти норма. Мужчине чудится некий вызов в том, что женщина нарушает нормы. Видя слезы, они часто начинают говорить властным громким голосом. Конечно, мужчины при этом забывают, что, если женщина хочет привлечь внимание мужчины, она использует скорее не слезы, а такие качества голоса, как тихий и мягкий тембр.

Попытаемся сделать некоторые выводы. Прежде всего, следует помнить, что как мужчины, так и женщины должны постоянно контролировать свои голоса, равно как и другие невербальные средства общения. Можно ли изменить или переделать свой голос? Любой преподаватель вокала, логопед, певец и актер может заставить наш голос звучать по-другому, увеличивая громкость, темп речи, понижая, либо, наоборот, повышая высоту его звучания, улучшить качество произношения и интонационную характеристику нашего голоса.

Можно, прежде всего, записать свой голос на магнитофон (или видеомангнитофон), чтобы услышать и увидеть, как вы звучите и выглядите. Всегда улыбающееся лицо женщины, нежно звучащий напевный тихий голос вряд ли позволят ей удержать внимание аудитории и внушить уважение на заседании ученого совета или совета директоров.

При этом нельзя не отметить, что свойственные, прежде всего, женскому голосу вариации свидетельствуют о харизме говорящего, а это очень важное качество для публичных выступлений.

Многие мужчины при передаче своих чувств, часто испытывают неловкость и в результате бывают грубоватыми при выражении нежности, могут громко выкрикнуть извинение и пробормотать комплимент. Действительно громкогласные мужчины, говорящие уверенно, авторитетно и даже дерзко, вызывают уважение. Но также верно, что с таким мужчиной не хочется спорить и дискутировать, ибо он, похоже, уже все решил сам, особенно, если его слушает женщина, тем более, если она обладает тихим, едва слышимым голосом

При передаче нашего намерения бывает труднее различить голосовые сигналы, чем другие формы невербального поведения. Твердый тон, который передает убежденность, всегда более богат оттенками, чем широкие жесты, яркая мимика или нарушение чьего-либо личного пространства. Думается, как мужчинам, так и женщинам, надлежит осторожно пользоваться своими голосами, как бы спрашивая себя все время: *«Какова цель моего выступления? Чего я хочу добиться своим высказыванием, не слишком ли я громко или тихо говорю?»*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Предтеченская Н. В. Эмоции, мимические жесты и позы как жестовые знаки. Сборник статей «Язык. Культура. Общество». М., 2017. С. 159–168.
2. Предтеченская Н. В. Невербальное поведение и андрогиния. // Язык как фактор культурной дипломатии. Сборник материалов конференции. Дипломатическая академия МИД РФ. М., 2017. С. 178–183.
3. Степанова С. Ю. К вопросу о применении уровневого анализа мелодического компонента просодии. // в Сборнике: Просодические средства организации стилистически различных текстов в современном английском языке. Москва, 2015. С. 103–120.

Семенов А. В.
Semenov A. V.

ДИСКУССИЯ О ДИПЛОМАТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ В КИТАЕ

DISCUSSION ON DIPLOMATIC DISCOURSE IN CHINA

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема дипломатического дискурса в Китае. Эта проблема обсуждается основными китайскими экспертами. Участники дискуссии обсуждают дипломатический дискурс Китая и анализируют проблему в аспекте коммуникации, дискурсологии, политической лингвистики, семантики, прагматики, а также политологии и аксиологии.

Ключевые слова: Китай, дипломатия, дипломатический дискурс, дискурсивная стратегия и тактика

Annotation: This article deals with the problem of diplomatic discourse in China. The problem is discussed by the main Chinese experts. Participants in the discussion discuss China's diplomatic discourse and analyze this problem in the aspect of communication, discourse, political linguistics, semantics, pragmatics, as well as political science and axiology.

Keywords: China, diplomacy, diplomatic discourse, discursive strategy and tactics

Стремительный рост экономической мощи Китая после вступления в ВТО в 2001 году предопределил его все более активное участие в международной политической жизни. Проведение мероприятий мирового уровня, как Олимпиада-2008 в Пекине, ЭКСПО-2010 в Шанхае, повышение эффективности уже существующих международных форумов — АТЭС, G-20, и создание новых площадок — ШОС, БРИКС — все это свидетельствовало о том, что Китай последовательно и энергично выходит как на региональный, так и на мировой уровень, а также делает заявку на повышение своего статуса в глобальном управлении.

Тем не менее усиление политической роли КНР на международной арене не сопровождалось автоматическим ростом политического веса. Глобальное внешнеполитическое поле всецело принадлежало западному дискурсу, а Китай, несмотря на свои политические и экономические успехи, по-прежнему был фактически заблокирован в Восточной Азии. Попытки выйти за пределы своего региона ограничивались

только странами с компактным проживанием китайского населения.

Осознание того, что влияние и образ страны зависят не только от экономических достижений, но, возможно, в большей степени от возможности говорить об этих достижениях, давая им свою интерпретацию, а также заставляя себя слушать и предлагать миру свою повестку дня, и явилось причиной возникновения «лингвистического поворота» во внешней политике Китая.

Сначала на уровне экспертов были проанализированы проблемы презентации страны в мире, и было обращено внимание на важную роль дискурсивного подхода в работе на международном поле. Причем китайские аналитики исходили из практических целей и трактовали дискурс в социолингвистическом ключе. Понятие «дискурс» они передавали как «话语» хуаюй букв. «язык, на котором говорят».

Любопытно, что в китайской интерпретации получить право говорить — право на дискурс (话语权 хуаюй цюань) в международном языковом пространстве равнозначно тому, чтобы добиваться власти своего дискурса (话语权 хуаюй цюань). Дело в том, что в китайском языке такие понятия, как «права» 权利 цюаньли и «власть» 权力 цюаньли одинаково звучат и практически одинаково пишутся, отличаются только вторые иероглифы в бинамах. Таким образом, переход от права к власти может не являться процессом, а субъективным решением руководителя в зависимости от конкретной обстановки.

С приходом к власти Си Цзиньпина в 2012 году к борьбе за дискурс подключилось высшее руководство КНР. В ноябре 2013 года на III Пленуме XVIII созыва ЦК КПК было принято «Решение о некоторых важных вопросах по всестороннему углублению реформы», в котором особо подчеркивалась необходимость укрепления возможностей распространения информации за рубежом, создания системы права/власти на внешнеполитический дискурс и содействия выходу китайской культуры в мир. [8, с. 23]

30 декабря 2013 года Си Цзиньпин во время проведения 12-й коллективной учебы членов Политбюро ЦК КПК подчеркнул, что для повышения уровня мягкой силы культуры государства необходимо прилагать усилия с целью укрепления

права/власти на международный дискурс. Чтобы открыть новые возможности для распространения информации за границей, нужно тщательно создавать систему внешнеполитического дискурса, привлекая силы творчества, вдохновения и общественного доверия. Стратегической целью всех этих действий является повышение права/власти Китая на международный дискурс. [8, с. 23]

В дальнейшем тема внешнеполитического дискурса Китая продолжала оставаться актуальной вплоть до настоящего времени. Отдельные аспекты этой темы вызвали и вызывают бурные дискуссии.

В 2015 году на новостном Веб-портале «Пэнбай синвэнь» в Шанхае была опубликована статья Чжан Фэна — исследователя факультета международных отношений Австралийского государственного университета «Почему так трудно понять дипломатический дискурс Китая».

Автор поставил проблему несоответствия репрезентации международной картины мира Западом и Китаем. Он рассматривает это обоюдное непонимание, исходя из языкового, когнитивного и коммуникативного уровней.

В языковом плане, считает Чжан Фэн, дипломатический дискурс Китая актуализирует формулы, содержание которых является семантически неясным и непрозрачным. Так, понятие «合作共赢» *хэцзо гунъин* (сотрудничество и общий выигрыш), которое является ядром международных отношений нового типа, пропагандируемых китайским руководством, является нечетким, расплывчатым и не объясняет, каковы будут действия китайской дипломатии. Требуют конкретизации и детализации такие дискурсивные формулы, как «义利观» и *ли гуань* (взгляд на справедливость и выгоду), «命运共同体» *минъюнь гунтунти* (сообщество единой судьбы) и т. д. [5]

Автор полагает, что причиной непонимания дипломатических формулировок является не столько сложность китайского языка. Ведь и на Западе есть немало знатоков Китая и китайской культуры. Корни непонимания лежат в когнитивной области. [5]

Несколько тысяч лет в Китае культивировался целостный способ мышления. Китайцы в общее включали единичное.

Люди Запада, наоборот, делали акцент на единичном, индивидуальном. Поэтому, когда китайская дипломатия говорит о том, что подъем Китая — это хорошее дело, оно может принести пользу всему миру. Запад, исходя из своей индивидуалистической картины мира, считает такое заявление лукавством и намерением скрыть свои корыстные мотивы.

Предлагая глобальные проекты типа «Один пояс — один путь», Китай часто использует в своих дискурсивных формулах иероглиф «共» *гун* (общий): 共商、共建、共享 *гуншан, гунцзянь, гунсян* (сообща торговать, сообща строить, сообща пользоваться результатами труда). Западный мир считает их довольно туманными, скрывающие эгоистическую выгоду Китая. [5]

Между Западом и КНР существует разрыв и на коммуникативном уровне. Наиболее ярко он проявляется в отношениях Китая и США.

По мнению Чжан Фэна, Китай хочет установить с Америкой отношения крупных государств нового типа и делает акцент на трех позициях:

Во-первых, Китай и США не конфликтуют и не противостоят друг другу. Эту дискурсивную формулу американцы понимают, но сомневаются, можно ли её осуществить.

Во-вторых, Китай и США уважают коренные интересы друг друга. Эта дискурсивная формулировка ещё в большей степени понятна американцам, но они её не могут принять, потому что некоторые коренные интересы Китая могут нарушить интересы США. По их мнению, принятие данного тезиса — это слишком большая уступка Китаю.

В-третьих, сотрудничество и общий выигрыш между Китаем и США. Этот дискурс не очень понятен американцам в связи с тем, что он не объясняет, каких целей хочет добиться Китай и каковы его интересы. Поэтому они считают этот тезис пустым и бессодержательным, на который не следует реагировать и обращать серьезное внимание. [5]

Таким образом, считает Чжан Фэн, дискурсивная стратегия «отношения между крупными государствами нового типа» является шаблонным понятием, которое выражает стремление Китая, но требуется провести большую разъяснительную работу, чтобы наполнить его реальным содержанием. А в ре-

зультате Китай уже устал объяснять, Америка устала от объяснений, прошло немало времени — и интерес к этой формулировке был потерян. [5]

Автор считает, что ликвидация коммуникационного «провала» связана с изучением ментальных особенностей партнера. Американцы лучше всего понимают, когда речь идет об их собственных интересах, поэтому и при общении с ними нужно прямо ставить вопрос о распределении интересов. [5]

Кроме того, свободная коммуникация зависит от учета особенностей коммуникативного партнера, выбор соответствующих дискурсивных стратегии и конкретного времени осуществления коммуникации.

Чжан Фэн уверен, что сейчас США больше всего заботится о своих интересах в АТР, поэтому главным образом надо говорить о распределении интересов; Австралия лавирует между США и Китаем, поэтому главным образом надо говорить о том, как Китай принимает конкретные меры, чтобы обеспечить стабильность китайско-американских отношений; государства ЮВА обеспокоены ситуацией в Южно-Китайском море, поэтому нужно говорить о том, как Китай управляет и контролирует территориальные споры; в отношениях с Японией необходимо провести красную черту; с государствами, которые принимают идеи Китая об общем выигрыше и участвуют в проекте сотрудничества «Один пояс — один путь», надо ещё больше подчеркивать дискурс «общего выигрыша» и объяснять проведение конкретной политики. [5]

Автор делает вывод о том, что не только мир должен понимать Китай, но и Китай должен приложить максимальные усилия, чтобы мир его понял. Сила убеждения — это составная часть международного влияния государства и та цель, к достижению которой должен стремиться китайский дипломатический дискурс. [5]

В полемику с Чжан Фэном вступил начальник отдела исследований теории международной политики Института мировой политики и экономики Академии социальных наук КНР Сюй Цзинь.

Он не считает, что китайский дипломатический дискурс труден для понимания.

Во-первых, именно Запад жалуется на непонимание, а у незападных стран, таких как Россия, не возникает проблем с пониманием дискурсивных формул Китая.

Во-вторых, такие формулировки китайской дипломатии, как «отношения крупных государств нового типа» (新型大国关系 *синьсин даго гуаньси*), «сотрудничество и общий выигрыш» (合作共赢 *хэцзо гуньин*) и др., — не труднее для понимания, чем термины американской дипломатии, как-то: «акционеры и заинтересованные лица» (stakeholder) или «коэволюция» (coevolution). Причем китайские дипломаты, стремясь выявить семантический смысл американских формулировок, не жаловались на усталость.

В-третьих, убедить мир ни одному государству не удалось, — это *mission impossible* (миссия невыполнима).

В-четвертых, для Чжан Фэна убедить мир — это убедить Запад. Ссылаясь на М. Фуко, который говорил, что дискурс — это власть, Сюй Цзинь считает, что в дипломатическом дискурсе отражаются интересы западных стран, а Китай претендует на то, чтобы получить право определять и интерпретировать понятия, идеи и правила международных отношений, поэтому Запад будет бороться за свою власть в международном дискурсе любыми способами, в том числе и в форме непонимания, жалоб и обвинений. [2]

Более того, Сюй Цзинь снимает проблему непонимания дискурса. Он разделяет профессиональный дипломатический дискурс и публичный дипломатический дискурс. Он полагает, что дискурсивные формулы больше относятся к профессиональной сфере. А дипломатический дискурс — это сигнал, роль которого заключается не в убеждении противоположной стороны, а в демонстрации политической позиции и скрытом указании на принципы и направление действий. И, в конечном счете, эффективность китайской дипломатии нужно оценивать не столько по словам, сколько по действиям. [2]

Чжан Чжичжоу — старший научный сотрудник Центра по изучению публичной дипломатии и Центра по изучению инновационной деятельности и распространению китайской культуры Пекинского университета иностранных языков, вступая в полемику с Чжан Фэном, считает, что проблема дипломатического дискурса не является новой и уже обсужда-

лась специалистами. Примеры т.н. неясных дискурсивных формул, как «сотрудничество и общий выигрыш» и «отношения нового типа между крупными странами», в действительности были приведены недостаточно корректно. Так формула «сотрудничество и общий выигрыш» имеет корни в традиционной европейской культуре, а именно в стратегии двойного выигрыша — «win-win strategy», а вариации формулировки «отношения нового типа между крупными странами» использовали в свое время и президент Барак Обама и госсекретарь Джон Керри. В первом случае следовало не просто приводить абстрактную формулу, а выяснять: «в каких сферах осуществлять сотрудничество и какой общий выигрыш можно получить?», а во втором случае — расхождения между крупными государствами — Китаем и США зависят не столько от размытости формулировок или неопределенности внешней политики, сколько от многолетних проблем во взаимном доверии и переплетения интересов. [7]

Чжан Чжичжоу поддерживает точку зрения Чжан Фэна о том, что китайскому дипломатическому дискурсу недостает конкретизации и детализации, и полагает, что только понимание во внешнем мире поможет дискурсу идентифицироваться и в дальнейшем трансформироваться в мягкую силу внешней политики. Он считает, что китайскому дипломатическому дискурсу не хватает точного и сфокусированного распространения в мире. [7]

Чжан Чжичжоу согласен с позицией Сюй Цзиня о том, что жалобы на непонимание китайского дискурса в мире идут с Запада и причиной этих жалоб является претензия Китая на власть дискурса. Он критикует точку зрения Чжан Фэна о якобы несовместимости постмодернистских взглядов Мишеля Фуко о связи дискурса и власти и концепции «политического реализма» в международных отношениях. Чжан Чжичжоу подчеркивает, что в современном мире смешения модернизма и постмодернизма тема «власти дискурса» с постмодернистским привкусом имеет колоссальную разъяснительную силу. А дискурс, являясь формой власти, хотя и отличается от осознаваемой ранее материальной, духовной, структурной и организационной власти в международных отношениях, но, обладая общим соизмеримым компонентом, каковым яв-

ляется «власть», расширяет понимание роли и способов применения власти в международных отношениях. [7]

По мнению Чжан Чжичжоу, проблема непонимания китайского дипломатического дискурса возникла во внешнем по отношению к КНР мире. Повышение статуса в международных отношениях и все большее переплетение взаимных интересов приводит к тесной взаимосвязи Китая и Запада, что подразумевает открытость и транспарентность отношений. Если дипломатический дискурс будет непонятен, то, несмотря на красивые речи и правильные действия, влияние будет обесценено и легитимность внешней политики будет поставлена под вопрос. Поэтому следует придать должное значение проблеме непонимания дипломатического дискурса. [7]

Чжан Чжичжоу строит свой анализ данной проблемы через связь и противопоставление общесемиотических оппозиций: 中外 *чжунвай* — китайский/внешний, центральный/периферийный.

Во-первых, проблема непонимания связана с целостной дискурсивной системой, состоящей из двух компонентов — китайского и иностранного (западного). За последние несколько десятилетий китайский дискурс непрерывно развивался. Революционный дискурс в виде таких формул, как антиимпериализм, антиколониализм, антигегемонизм, сходил на нет, и его место занимал западный дискурс со своими общими понятиями, выступающими в форме таких терминов, как принцип, линия, курс, политика, и конкретными формулировками, относящимися к государственной принадлежности, региону и сфере деятельности. Несоответствие культурных традиций и способа мышления Запада и Востока, а также разрыв между словами и действиями на практике и приводили к трудностям в понимании китайского дискурса. На языковом уровне не всегда можно найти точный эквивалент перевода китайского слова или понятия. В области внешнеполитической деятельности не всегда приводились объяснения, отсутствовала точная настройка и необходимая интерпретация. Таким образом, в условиях иноязычной культуры создавались препятствия для понимания.

Во-вторых, истинная причина отличия способов мышления, проявляющихся в дипломатическом дискурсе,— это

конфликт цивилизаций и различия в культурных традициях и системе ценностей Китая и Запада. Но и этот тезис, по мнению Чжан Чжичжоу, не абсолютен. Западные политики на встречах с китайскими представителями часто на всех уровнях использовали цитаты из китайских классических трактатов, идеоматические выражения и афоризмы, понимание которых в отличие от дипломатического дискурса не вызвало трудностей. В действительности на Западе часто под непониманием дискурса скрываются попытки предугадать намерения и цели внешней политики Китая, а такие действия выходят за рамки межкультурных различий.

В-третьих, если смотреть на проблему непонимания с привычного угла управления мировым порядком Западом, то от Китая требуется доказать легитимность своей внешней политики. Неясность и противоречивость дипломатического дискурса может иметь своей причиной различия в сфере культуры и мышления, но также может являться примером дипломатической тактики, при которой тайные намеки, скрытый смысл, метафоры и даже способы из китайской духовной и физической практики — «тайцзицюань» являются нормальной ситуацией и общим свойством дипломатии всех государств, в том числе и Китая.

Как считает Чжан Чжичжоу, непоследовательность и противоречивость являются характерными чертами политики США в отношении Китая, а ее дискурсивные формулы, как «перебалансировка», «возвращение в Азию» и др. только скрывают дипломатические намерения Америки. При этом доминирование в мире и управление мировым порядком позволяют США обходиться без доказательств легитимности дискурса и действий. [7]

Дипломатические намерения КНР вызывают непонимание у Запада. Подъем Китая в западном дискурсе выглядит как вызов их государственным интересам или как угроза международному порядку, управляемому западными странами. Именно поэтому активная внешняя политика Китая порождает глубокое недоверие Запада, его стремление сделать дипломатию КНР «открытой», «общедоступной», «полностью понятной», а также требование к подтверждению своей легитимности.

В-четвертых, китайский дипломатический дискурс должен отражать мысли Китая о международных отношениях. Вступая в полемику с теми, кто пытается решить проблему непонимания китайского дискурса только через четкое выявление отношений интересов, Чжан Чжичжоу считает, что такая точка зрения лишь упрощает проблему.

За более чем 20 лет система дипломатического дискурса в Китае включила много западных понятий, категорий и формулировок. Используемые американскими учеными в области международных отношений способ понимания, идеи и представления, логика мышления, взгляд на истину, как-то: дискурс борьбы против терроризма, государственных интересов, мягкой силы, глобализации, — все это оказало глубокое влияние на формулировки китайского дипломатического дискурса. Это влияние имело свою положительную сторону, но содержало ловушки, расставленные западным дискурсом. Одной из таких ловушек является однообразное и упрощенное мышление в области международных отношений.

Чжан Чжичжоу полагает, что в процессе формирования американского гегемонизма важную роль играл дискурс. Без поддержки власти дискурса материальная сила не смогла бы естественным образом стать основой гегемонизма. Можно сказать, что американский гегемонизм — это гегемонизм дискурса. Можно заимствовать американский дискурс, но, следуя за ним и не подвергая его критике, Китай фактически участвовал в создании устойчивого гегемонизма дискурса США. [7]

Чжан Чжичжоу уверен, что американский дискурс, и если шире взять — западный дискурс — отражает их интересы, культуру и мышление. Чтобы стать мировой державой, Китай должен иметь самостоятельность в выражении своих интересов, а во внешней политике должен больше обращаться к культурным традициям, накопленным китайской цивилизацией за несколько тысяч лет. А дипломатический дискурс должен выражать свои мысли относительно международных отношений. И если он будет разумно «непонятен», то это будет только на пользу. [7]

Вступая в дискуссию со своими коллегами, профессор Женевского института международных отношений Сян Ланьцин, с одной стороны, считает важным поднять проблему

презентации внешней политики, когда абстрактными, пустыми и нереальными терминами одурманивают людей, а чрезмерно осторожная, лишенная индивидуальных особенностей дипломатия лишь повторением лейтмотива высшего руководства, а с другой, — не согласен с аргументами и предложениями Чжан Фэна.

Сян Ланьцин не считает, что якобы расплывчатость формулы «сотрудничество и общий выигрыш» (合作公贏 хэцзо гунъин) объясняется противопоставлением общих интересов, за которые ратует китайская сторона, и частных, индивидуальных интересов, которые заботят западную сторону, или маскировкой своих эгоистических интересов. В действительности, полагает он, конечной целью «общего выигрыша» являются индивидуальные интересы, а сама формула есть лишь один из способов их достижения, так как «если придерживаться конфронтации, то обе стороны окажутся в проигрыше». [3]

Вызывает возражение у Сян Ланьцина и трактовка Чжан Фэном формулы китайско-американских отношений как «отношений нового типа между крупными государствами». Профессор Сян Ланьцин полагает, что на первой встрече Си Цзиньпина и Б. Обамы в 2013 году в усадьбе Анненберг (США) было дано разъяснение этой формулы, причем из трех тезисов основным является второй, а именно: «уважать социальный строй и путь развития, выбранные каждой из сторон». Именно по этому пункту Америка не хочет уступать. Это пункт и отличает китайскую мечту от американской мечты. [3]

В полемике Чжан Фэна и Сюй Цзиня по поводу применимости взглядов Мишеля Фуко о механизмах власти к решению проблемы восприятия китайского дипломатического дискурса Сян Ланьцин занимает сторону Сюй Цзиня.

Сян Ланьцин не считает, что идея власти по М. Фуко и власть, понимаемая в рамках концепции политического реализма, это два разных понятия. Причина неприятия Чжан Фэном идеи М. Фуко о прямой связи власти и дискурса в том, что австралийский профессор отражает позицию западных институтов и западной идеологии, которые доминируют в современных международных отношениях. Страны Запада полагают, что это справедливое распределение власти, что

именно они обладают правдой управления человеческим обществом и необходимо сохранить имеющуюся в настоящее время форму международного порядка. [3]

«Правда» по М. Фуко (в действительности это продукт исторических условий) есть результат применения власти, а люди всего лишь инструмент власти. Поэтому власть, создаваемая на основе какой-либо системы «правды», может быть поставлена под сомнение в рамках истории, знаний, обсуждения. Идеи М. Фуко являются вызовом существующим механизмам и порядкам, чтобы добиться перераспределения власти.

Сян Ланьцин утверждает, что Америка всегда считала, что правда находится у нее в руках, и это не подлежит сомнению. Поэтому она отвергала систему и путь развития Китая. Она также должна отвергать идеи М. Фуко, так как они подрывали её реальную цель сохранения существующего порядка и собственного места в мире. В этом смысле более убедительным является Сюй Цзинь, который говорил о борьбе дискурсов, в том числе и о проблеме понимания/непонимания китайского дипломатического языка, которая изменится вместе с изменением системы международных отношений. [3]

В то же время Сян Ланьцин не поддерживает точку зрения Сюй Цзиня о том, что убеждение не является функцией дипломатического дискурса, который всего лишь знак или сигнал о принципах и направлении внешней политики.

Сян Ланьцин убежден, что актуализация дипломатии требует силы убеждения, которая должна строиться на основе знаний китайской культуры. Он предостерегает от бездумного использования конфуцианских понятий для описания современных явлений. Он считает, что борьба за международный дискурс будет долгой, вести ее надо в форме равноправного цивилизованного диалога и необязательно переходить на западное мышление. [3]

Профессор факультета дипломатии института международных отношений и связей с общественностью Фуданьского университета Су Чанхэ полагает, что довольно часто можно слышать такое утверждение, что в условиях международной коммуникации люди за рубежом не понимают как китайский официальный политический, так и дипломатический дискурс, дискурсивные формулы считают пустыми и бессодержа-

тельными, поэтому предлагают выражать себя на понятном языке «передового международного сообщества».

Су Чанхэ считает, что дискурсивная система, сформированная из языка международного общения, политических понятий, терминов, наименований, является составной частью культурного суверенитета государства, и народ должен защищать свой суверенитет, выражая мысли на своем языке. [10]

Для Су Чанхэ проблема непонимания дискурса предопределена различием языков, и ее решение лежит в плоскости межкультурной коммуникации. Однако в общении разных культур играет роль взаимного влияния, которое бывает сильным и слабым. Сильная культура, исходя из своих стандартов, объясняет более слабую. Внедряя свой дискурс, она создает центр притяжения для образованного сословия, но из-за несимметричности и несбалансированности взаимодействия богатство национального дискурса остается неиспользованным.

Таким образом, непонимание не является историческим дефектом китайского политического и дипломатического дискурсов, а отражает доминирование иностранного, в данном случае западного дискурса и нежелание его носителей постигать особенности внутреннего, китайского дискурса. В этом смысле, изучение китайского языка и культуры будет способствовать лучшему взаимопониманию Китая и Запада и возможности избежать «коммуникативных сбоев и провалов».

Возникает также вопрос: каким образом повысить эффективность своего дискурса и добиться убедительности его функционирования?

Дискурс можно повысить до уровня стратегии культурной дипломатии и использовать, чтобы закрыть, затемнить или заменить противоположный дискурс, а в результате его ассимилировать, поставить под надзор и изолировать. В этом случае сильный дискурс ставит под контроль более слабый и может выдвинуть обвинения носителям слабого дискурса в отсутствии профессионализма, непонимании, отсутствии связи с основной международной тенденцией. Когда 10 лет назад в Китае было выдвинуто понятие «гармония», Запад не принял его, считая громоздким, пустым.

Су Чанхэ полагает, что в настоящее время в англоязычных научных кругах и среди западной мировой общественности обнаруживается тенденция непонимания понятий и терминов других культур, причем путем разнообразных дискуссий вымывается их основное содержание вплоть до полной их дискредитации. Эта стратегия расчленения дискурса имеет свои закономерности, и ученые должны обладать способностью к политической и культурной дифференциации подобных стратегий. [10]

Продолжая тему конкуренции дискурсов, Су Чанхэ считает, что такое взаимодействие может дать, по крайней мере, три разных результата:

Во-первых, следовать за сильным дискурсом и выражать себя в соответствии с его традициями и стандартами. В этом случае в рамках системы ценностей сильного дискурса сразу можно получить право голоса, но такая стратегия приводит к внешнему и внутреннему контролю и в дальнейшем к ассимиляции. Если для понимания китайского политического дискурса отказаться от понятий «социализм», «демократический централизм», «отношения центра и регионов», которые не особенно принимаются на Западе, и изучать Китай с помощью понятий «государственный капитализм», «авторитаризм», «федерализм», то, хотя и в западных странах людям станет понятнее, но собственная политико-понятийная система дискурса окажется расчлененной и собственные исследования потеряют свою индивидуальность.

Во-вторых, государства, обладающие определенным культурным духом, стремятся войти в дискурсивную систему других государств, а затем добиться права голоса в этой системе. Этот способ вначале дает некоторый результат, но о перспективах говорить трудно. Но если до получения права голоса функционировать в рамках чужого дискурса, то можно потерять свою систему ценностей и понятийный аппарат и постепенно стать частью чужого дискурса. История Китая дает классический пример подобной ассимиляции национальных меньшинств и мелких этносов в процессе приобщения их к китайской культуре. Та же ситуация происходит и в рамках английского дискурса, контролируемого крупной державой.

В-третьих, взяв инициативу в свои руки, объясняться с помощью ключевых понятий своего дискурса. Только государство, обладающее автономной цивилизационной культурой, может иметь такие стремления. И оно должно неустанно путем образования и воспитания делать доступными свои понятия и термины другим людям. Надо прилагать усилия и готовить за рубежом людей, способных распространять китайский дискурс. [10]

Су Чанхэ считает, что китайский дипломатический дискурс обладает потенциалом, чтобы обогащать мир новыми категориями, понятиями и формулировками. Человеческая цивилизация довольно долго руководствовалась западной философией индивидуализма и теорией интересов, но в понимании и объяснении мира остались пробелы, которые может восполнить философия холизма — целостности и идеи комбинирования инь-ян. Если обучать людей, то они смогут смотреть на мир через призму «гармоничного существования» (和谐共生 *хэсе гуншэн*), что будет способствовать миру во всем мире! [10]

В действительности, Китай уже дал мировой дипломатии целый ряд дискурсивных формул, без которых трудно понять его внешнюю политику: «пять принципов мирного сосуществования» (和平共处五项原则 *хэпин гунчу усян юаньцзэ*), «один пояс — один путь» (一带一路 *дай и лу*), «представительная демократия» (协商民主 *сешиан миньчжу*), «мирное развитие» (和平发展 *хэпин фачжань*), «скрывать способности и ждать своего часа» (韬光养晦 *тао гуан ян хуэй*), «сообщество единой судьбы» (命运共同体 *минъюнь гунтунти*) и т. д.

В связи с ростом влияния КНР следует вносить изменения и в дискурс, трансформируя категории и понятия китайского типа в общераспространенные. И тогда проблема понимания дипломатического дискурса Китая постепенно сойдет на нет.

Доцент Аомыньского университета и приглашенный научный сотрудник Чжунъянского института финансовых исследований Народного университета КНР Чэнь Диндин также принял участие в дискуссии по поводу дипломатического дискурса Китая. Он участвовал в 15-м Азиатском саммите по безопасности: Диалог Шангри-Ла в Сингапуре и поделился своими соображениями о презентации китайской делегации своей позиции на этом международном форуме.

По мнению Чэнь Диндина, китайские представители выступили тактично, с достоинством. Они хорошо защищали государственные интересы и имидж Китая²¹. Тем не менее, многие военные чиновники, эксперты и журналисты из других стран считали, что можно было бы лучше выступить, добиться лучшего контакта и взаимопонимания. А американский эксперт Бонни Глейзер (Bonnie S. Glaser) заявила, что китайская сторона потеряла возможность объяснить намерения своих действий в Южно-Китайском море. Как полагает Чэнь Диндин, несмотря на необъективность и явную предвзятость, точка зрения Бонни Глейзер нашла отклик среди некоторых экспертов. Многие участники форума полагали, что китайские формулировки были чересчур жесткими, а выступлениям не хватало более искусного предъявления. [9]

Чэнь Диндин считает, что подобные оценки западных коллег, несмотря на свою односторонность, оказывают негативное воздействие на распространение необходимой Китаю информации и не позволяют добиться оптимальных результатов во внешнеполитической деятельности. Причины, которые влияют на эффективность китайской дипломатии, связаны:

- во-первых, с выбором места дипломатической деятельности. Диалог Шангри-Ла является гостевой площадкой для китайской делегации, где доминировали в основном оппоненты КНР, обладавшие языковым и дискурсивным преимуществами. На домашней площадке можно было добиться намного лучшего результата, как в ходе общей дискуссии, так и на пресс-конференции;
- во-вторых, с опытом дискуссий на международных площадках. Китайские военные чиновники и дипломаты не всегда владеют неписаными правилами и стратегиями ведения полемики с зарубежными оппонентами. Накопление этого важного дискурсивного опыта будет

²¹ На форуме Диалог Шангри-Ла выступил заместитель начальника Генерального штаба НОАК КНР генерал Сунь Цзяньго. Он, в частности, сказал: «Китай и китайские вооруженные силы никогда не боялись чертей и не верили в зло; служили разуму и не служили гегемонии, верили в разум и не верили в зло, ни в коем случае нельзя ожидать, что мы воспримем ложь и зло, а также подчинимся власти силы и гегемонии; ни в коем случае нельзя ожидать, что мы проглотим горькие плоды, наносящие вред нашему государственно-му суверенитету, безопасности и интересам развития».

способствовать и лучшей защите своих позиций, и более эффективному участию в дискуссиях;

- в-третьих, с использованием традиционного дискурса. Во время выступлений, с одной стороны, необходимо придерживаться собственных дипломатических формулировок, но с другой, надо принимать во внимание особенности восприятия иностранной аудитории, быть готовым к гибкой дискурсивной стратегии и тактике, уметь говорить на языке других, рассказывать «китайские истории», используя привычную для иностранцев форму нарратива и т. д. [9]

Таким образом, замечает Чэнь Диндин, для достижения своих стратегических целей китайской дипломатии требуется искусное владение дискурсом.

Модель дипломатического дискурса он предлагает строить на основе концепта «умного дискурса» (巧话语 *цяо хуаюй*), имеющего своим истоком понятие «умной силы» (smart power), предложенное американскими политологами. [9]

«Умный дискурс» определяется им как способ презентации дипломатии, в котором гибко и уместно соединяются «жесткий дискурс» и «мягкий дискурс». Предлагая в дальнейшем наполнять конкретным содержанием модель «умного дискурса», Чэнь Диндин обращает особое внимание на публичное предъявление китайской дипломатии:

- повышать мастерство официальных выступлений, улучшать выразительность речи;
- научиться разными способами и на разных языках выражать один и тот же смысл, уметь затронуть своими идеями душу зарубежной аудитории;
- изменить психологический настрой, изменить дискурсивную тактику: не только активно обороняться, но и активно наступать, причем применять эту тактику на всех международных дипломатических случаях. [9]

Подвел итоги дискуссии о дипломатическом дискурсе начальник отдела Института мировой политики и экономики Академии общественных наук КНР Фэн Вэйцзян. Он обозначил тему полемики: непонимание китайского дипломатического дискурса, причины этого непонимания и выход из создавшегося положения. В связи с тем, что участники дискуссии

рассматривали тему с разных углов зрения, Фэн Вэйцзян решил обобщить результаты обсуждения, исходя из двух аспектов: практического (труден ли китайский дипломатический дискурс для понимания или нет) и ценностного (должны ли быть трудности в понимании китайского дипломатического дискурса: то есть заимствовать ли чужую систему ценностей или развивать свою). Сравнивая позиции экспертов, участвовавших в дискуссии, он построил таблицу, в которой в наиболее общем виде показаны их точки зрения: [4]

Понимание/непонимание китайского дипломатического дискурса

	Трудно понять	Не трудно понять
Должны быть трудности в понимании	Чжан Чжичжоу Фэн Вэйцзян ²²	Сян Ланьцин ²³
Не должны быть трудности в понимании	Чжан Фэн, Су Чанхэ, Чэнь Диндин ²⁴	Сюй Цзинь

Несмотря на то, что у ряда участников дискуссии позиции по основному вопросу совпадают, но в связи с разными ценностными ориентирами пути решения проблемы отличаются.

Группа (Чжан Фэн, Су Чанхэ и Чэнь Диндин) в целом согласны, что есть трудности в понимании китайского дипломатического дискурса и для успешного проведения внешней политики надо освободиться от коммуникативного непонимания. Однако Чжан Фэн предлагает полностью перейти на западный дипломатический дискурс и открыто говорить о своих намерениях; Чэнь Диндин считает, что можно использовать западные модели типа «умного дискурса», но вкладывать в них свое содержание, а для продвижения своей политики следует более тщательно проводить языковую,

²² Фэн Вэйцзян внесен в таблицу автором для более полного охвата позиций участников дискуссии.

²³ Сян Ланьцин внесен в таблицу автором для более полного охвата позиций участников дискуссии.

²⁴ Чэнь Диндин внесен в таблицу автором для более полного охвата позиций участников дискуссии.

дискурсивную и психологическую подготовку. Су Чанхэ полагает, что Китаю нужно опираться на свой дипломатический дискурс, который стоит на защите культурного суверенитета страны, причем для партнеров понимание дипломатии КНР не представляет трудностей, а Запад пусть платит за свою учебу и самостоятельно постигает логику и стилистику китайского нарратива.

Сюй Цзинь занимает крайнюю позицию в нижней части матрицы. Он не думает, что китайский дипломатический дискурс трудно понять, а проблему создает Запад, который ради собственных интересов только прикидывается непонимающим. Дискурс также не должен быть слишком трудным, потому что западные страны не смогут определить, соответствуют ли слова Китая его делам, что может привести к ошибкам в стратегии.

Сян Ланьцин находится в верхней крайней позиции. Это означает, что он так же как Сюй Цзинь считает, что дипломатический дискурс Китая понять не трудно, и лидеры Запада, начиная с первых контактов в 70-гг. XX в., на официальных встречах и переговорах умело используют цитаты и афоризмы из китайских классических книг и поэтических произведений. Путь к пониманию китайского дискурса не близок, и необходимо вырабатывать силу убеждения, не следует специально идти на встречу западному мышлению и вступать в контакт с другими цивилизациями на равноправной основе.

Чжан Чжичжоу и Фэн Вэйцзян относятся к тем, кто считает, что дипломатический дискурс Китая действительно труден для понимания. Однако в ценностном плане Чжан Чжичжоу предлагает сохранить все дискурсивные сложности, поддерживать самостоятельность и оригинальность китайского дискурса и мышления, не заимствовать дипломатические стратегии Запада и не способствовать укреплению американского гегемонизма. Фэн Вэйцзян считает, что с ростом совокупной мощи Китая количество понимающих его дипломатический дискурс будет расти, причем помогать и объяснять нужно партнерам и друзьям, а для остальных даже создать еще большие трудности, чтобы они проявили все свои способности и, в конце концов, пришли к правильному пониманию Китая.

В заключение следует отметить, что проблема дипломатического дискурса является новой для КНР. Когда Китай был замкнут в своих границах или находился в рамках Восточной Азии, вопрос о понимании и эффективности дипломатического дискурса не ставился в практическую плоскость. Внутри своего региона проблем с пониманием не существовало. За пределами региона Китай проводил стратегию «держаться в тени» (韬光养晦 *тао гуан ян хуэй*), дипломатия была интравертной и часто занимала оборонительные позиции. Китай занимался собственным экономическим развитием и не претендовал на участие в глобальном политическом и экономическом управлении.

С ростом экономической мощи Китая и после его вступления в ВТО западные страны потребовали от КНР более активного участия в международных делах. В это время на повестку дня выходит вопрос дипломатического дискурса, а именно как говорить о своей внешней политике.

После прихода к власти Си Цзиньпина в октябре 2012 года и изменения им парадигмы внешнеполитического курса страны — на более активное продвижение интересов Китая на международной арене руководством страны была поставлена задача о повышении эффективности дипломатического дискурса. Это означало необходимость трансформации дипломатического дискурса от трансляции позиции руководства к более активному воздействию на международных акторов с целью расширения влияния Китая в мире.

Дискуссия известных китайских ученых показала, что проблема актуальна как для высших эшелонов власти, так и для экспертов научных учреждений. Руководство Китая дает необходимый импульс к изучению темы, а ученые предлагают соответствующие модели и решения.

В ходе дискуссии эксперты поставили задачу рассмотреть проблему понимания дипломатического дискурса. Эта проблема является междисциплинарной, поэтому китайские ученые проанализировали её, исходя из теории коммуникации, дискурсологии, политической лингвистики, семантики, прагматики, а также политологии и аксиологии.

Китайские ученые пришли к выводу, что в современном мире изучение темы дипломатического дискурса имеет важ-

ное теоретическое и прикладное значение. При разработке дискурсивных моделей необходимо учитывать передовой западный опыт, но приоритетом должна быть традиционная культура Китая, достижения которой необходимо умело соединять с современными требованиями международной жизни. Понимание китайского дипломатического дискурса является результатом активной профессиональной работы по продвижению китайского языка и культуры за рубежом. Эффективность дипломатического дискурса во многом зависит от разработки адекватных дискурсивных формул, владения дискурсивными технологиями, использования дискурсивной стратегии и тактики в дипломатической практике.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Су Чанхэ. Жан вомэн лай уши дэ тань тань жухэ тишэн Чжунго вайцзяо хуа юй нэн ли (Давайте по-деловому поговорим, как нам повысить возможности китайского дипломатического дискурса)//Гогуань сюэпай. 2016. 27 июня.

URL: <http://m.duxuan.cn/doc/5670497.html>

2. Сюй Цзинь. Дунфанцэ. Вэй шэммо баюань Чжунго вайцзяо наньдун дэ цзунши сифан жэнь (Дунфан цэ. Почему западные люди всегда жалуются, что китайскую дипломатию трудно понять)//Пэнпай синвэнь. 2015. 0521 мая.

URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1332594

3. Сян Ланьцин. Мэйго цзай ятай цзяоцзюй, фаньин дэ чжэн ши “хуаюй цзи цюань ли” (Беспорядки, которые устраивают США в АТР, как раз и являются отражением тезиса «дискурс есть власть»)//Пэнпай синвэнь. 2015. 03 июня. URL: <http://www.thepaper.cn/baidu.jsp?contid=1335668>

4. Фэн Вэйцзян. Вайцзяо хуаюй дэ лисян цзинцзе ши жан цита гоця бу дун чжун дун (Наилучшая граница граница дипломатического дискурса — это напускная осведомленность других государств)//Гогуань сюэпай. 2016. 28 июня. URL: <http://m.duxuan.cn/doc/5913397.html>

5. Чжан Фэн. Тяньсяхуэй. Вэй шэммо Чжунго дэ вайцзяо хуаюй чжэммо наньдун? (Тяньсяхуэй. Почему так трудно понимать дипломатический дискурс Китая)//Пэнпай синвэнь. 2015. 15 мая.

URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1331004

6. Чжан Фэн. Тяньсяхуэй хуэйин. Чжунго вайцзяо наньдао бу сюйяо гоцзи шофули (Ответ Тяньсяхуэй. Разве китайской дипломатии не требуется сила убеждения в мире)//Пэнпай синвэнь. 2015. 22 мая.

URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1332906

7. Чжан Чжижоу. Хайши жан Чжунго вайцзяо хуаюй баочи хэли дэ “наньдун”ба (И все-таки пусть китайский дипломатический дис-

курс останется в разумной степени «не понятным»)//Пэнпай синвэнь. 2015. 27 мая.

URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1334910

8. Чжунъян дансяо гоцзи чжаньлюэ яньцзюсо кэтицзу. Чжунго гоцзи хуаюйцюань цзяньшэ дэ тяочжань юй чулу (Группа института по международной стратегии партийной школы при ЦК КПК. Вызовы и выходы при формировании права на международный дискурс Китая)//Синь чжаньлюэ яньцзюсо. 2015. № 1. С. 23–33.

URL: http://iiss.ccps.gov.cn/zbkw/201505/t20150508_60139.html

9. Чэнь Дидин. Дунфан цэ. Вэйхэ Чжунго вайцзяо бяода бу шаньшиюн “цяо хуаюй” (Дунфан цэ. Почему в китайской дипломатии не используется «умный дискурс»)//Пэнпай синвэнь. 2015. 09 июня.

URL: http://www.thepaper.cn/newsDetail_forward_1339829_1

Учебно-методическое издание

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО.

**Актуальные вопросы, методы исследования
и проблемы преподавания**

Сборник статей

Корректор *Н.В. Багрова*

Компьютерная верстка *В.Р. Димухамедовой*

Дизайн обложки *В.Р. Димухамедовой*

Подписано в печать 12.01.2018. Формат 60×90/16.

Гарнитура Droid. Усл. печ. л. 14,625.

Тираж 500 экз. (1-й з-д 50 экз.)

ООО «Квант Медиа»

125475, г. Москва, ул. Дыбенко, д. 26, корп. 3, к. 80